

Увиденное Рейнольдсом будущее — это абсолютный холод
и крошечная мгла межзвездного пространства,
где господствует искусственный разум.

Publisher's Weekly

аластер рейнольдс

ОБРЕЧЕННЫЙ МИР

Рейнольдс — автор с сильным приоритетом чувством будущего.

Strange Horizons

Аластер Рейнольдс Обреченный мир

Серия «Звёзды новой фантастики»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18695723

Обреченный мир: Азбука, Азбука-Аттикус; СПб.; 2016

ISBN 978-5-389-11542-2

Аннотация

Далекое будущее, умирающая Земля, последний город человечества – гигантский Клинок, пронзающий всю толщу атмосферы. И небоскреб, и планета разделены на враждующие зоны. В одних созданы футуристические технологии, в других невозможны изобретения выше уровня XX века. Где-то функционируют только машины не сложнее паровых, а в самом низу прозябает доиндустриальное общество.

Ангелы-постлюди, обитатели Небесных Этажей, тайно готовят операцию по захвату всего Клинка. Кильон, их агент среди «недочеловеков», узнает, что его решили ликвидировать, – информация, которой он обладает, ни в коем случае не должна достаться врагам. Есть только один зыбкий шанс спастись – надо покинуть город и отправиться в неизвестность.

Самое необычное на сегодняшний день
произведение Аластера Рейнольдса, великолепный
образец планетарной приключенческой фантастики!

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	32
Глава 3	63
Глава 4	84
Глава 5	108
Глава 6	149
Глава 7	172
Глава 8	191
Глава 9	218
Конец ознакомительного фрагмента.	225

Аластер Рейнольдс

Обреченный мир

© А. Ахмерова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»,

2016

Издательство АЗБУКА®

* * *

*И Земля будет только звездой, какой и
была первоначально.*

*Джеймс Элрой Флекер. Золотое путешествие
в Самарканд*

Часть первая

Глава 1

Незадолго до пяти пополудни в Департаменте гигиены и общественных работ раздался звонок. Случилось ЧП на выступе: кто-то упал с нависающего строения Четвертого округа, а то и со Схемограда. Диспетчер повернулся к настенной карте, глянул на светящиеся точки и обнаружил рядом с местом происшествия бригаду чистильщиков – значит будет кому принять вызов. Он знал ребят – опыта им не занимать. Диспетчер снял трубку черного телефона, крутанул диск и затянулся сигаретой, пока коммутатор жужжал и щелкал.

– Триста седьмой! Эй, Кюльтэр, для тебя есть работенка. Что-то на выступе, к западу от гидроузла. Местечко пустынное, так что увидишь сразу. На пересечении Седьмой и Электрической воспользуйся коммуникационным каналом, дальше пешком. Ключи висят на синем крюке, откроют дверь любой муниципальной постройки.

– Слушай, мы загружены под завязку. Да и смена вот-вот закончится. Можешь других отправить?

– В час пик не могу. Если ждать другую бригаду, мертвяк завоняет и привлечет внимание. Чайки вон уже заинтересовались. Прости, Кюльтэр, но лучше соглашайся и зарабатывай сверхурочные.

– Лады. Но про загруженность я не шутил. Вышли нам в помощь еще одну бригаду, раз уж придется тягать мертвяков.

– Постараюсь. Загляни ко мне, как от бетона его отскребете. Начнем оформлять документы.

– Понял, – отозвался Кюльтэр.

– И вы, ребята, поосторожнее, спуск там будь здоров. Не хочу потом звонить в Пароград и сообщать, что у них мертвяки в количестве двух штук.

В фургоне чистильщиков Кюльтэр отключил связь, повесил трубку на рычаг под приборным щитком и повернулся к Герберу, своему напарнику:

– Ну, ты все понял?

– Достаточно. – Тот выуживал из бумажного мешка последний пончик.

– Снова рейд на выступ, мать его! Они знают, как я обожаю чистить выступы!

– Как сказал тот тип, соглашайся и зарабатывай сверхурочные. – Гербер надкусил пончик и вытер жир с губ. – По-моему, он дело говорит.

– Это потому, что ты любишь сладкое и дорогих девок.

– Я просто живу, не зацкливаясь на соскребании жмуриков с асфальта. Тебе, Кюльтэр, не мешает тоже попробовать.

Кюльтэр, по обыкновению сидевший за рулем, презрительно фыркнул, завел маховик и погнал фургон обратно на трассу чистильщиков. Дело впрямь шло к часу пик: транспортный поток сгущался, легковые автомобили, автобусы и грузовики лениво ползли в одну сторону, чуть ли не вплотную друг к другу. При необходимости муниципальным служащим позволено выезжать с трассы, но без отличного знания улиц и транспортного потока можно и в затор угодить. Кюльтэр всегда считал, что таксистом заработал бы больше, чем чистильщиком, но у того, кто возит трупы, огромное преимущество: не надо никого развлекать. Вечно жующий пончики Гербер не в счет.

До пересечения Седьмой и Электрической добрались за двадцать минут. На коммуникационный канал вела убегающая от поверхности Клинка аппарель с решетчатой дверью у основания. Кюльтэр отключил контактный башмак и на маховике спустился по аппарели. Он надеялся, что, когда погрузят мертвяка, тяги хватит, чтобы подняться обратно на трассу. Другой фургон еще не показался. Кюльтэр схватил ключи с синего крючка, вытащил инструменты из-под сиденья и выбрался из фургона с рифлеными бортами. Гербер

взял фотокамеру и тяжелый, как у полицейских, фонарь.

Когда Кюльтэр только поступил в Гигиену и общественные работы, копы приезжали на место падения первыми, а чистильщикам доставалась рутина – соскрести да вымыть. В последнее время копы не справлялись и охотно спихивали мертвяков чистильщикам, лишь бы с документами все было тип-топ. При подозрении на насильственную смерть, они, разумеется, подключались. Но львиная доля мертвяков – жертвы несчастных случаев. И в этот раз у Кюльтэра не было причин ждать чего-то иного.

Чистильщики выбрались за ворота и зашагали по сырому и темному коммуникационному каналу. Бетонное покрытие крошилось и отслаивалось. Дождевая вода просачивалась в трещины, образуя ленивый ручей, такой глубокий, что Кюльтэр промочил ноги. В конце канала виднелся полукруг темно-синего неба. Кюльтэр уже чувствовал, как крепчает прохладный ветер. Вдали от выступа, среди высотных зданий, он не ощущается. У выступов всегда холоднее и тише: стоит спуститься по пологой спирали города – и гул транспорта, шум поездов, вой полицейских сирен быстро стихает.

За каналом бетон сменяется черной породой, ко-

торая составляет стилобат¹ Клинка. Она вездесущая, как воздух, ей даже название дать не потрудились. Выступ сначала ровный, потом начинается спуск, постепенно набирающий крутизну. Кюльтэр смотрел под ноги: все знают, как опасна порода стилобата, то прочная, как камень, то скользкая, как лед.

Гербер посветил фонарем вниз по склону:

– А вон и наш малыш.

– Да, вижу его.

Напарники приблизились к краю выступа. Склон стал круче, и они двигались бочком, с каждым шагом все осторожнее. Упавший лежал пядях в тридцати от края. В вечернем полумраке Кюльтэр разглядел голову, две руки, две ноги, причем все на должном месте. Под хрупким, бледным телом виднелось что-то прижатое. Неужели прозрачный плащ? С упавшими порой не разберешь, хотя этот вроде бы пролетел не много. Расчлененные тела – обычное дело: головы и туловища легко раскалываются от косых ударов о здания или о вздымающиеся стены следующего выступа. Хорошо хоть в этот раз пазл собирать не придется.

---

¹ *Стилобат* – естественная или искусственно созданная возвышенная площадка, которая служит основанием сооружения; может быть ступенчатым или в виде платформы с отвесными или слегка наклонными стенами. – *Здесь и далее примечания редактора.*

Кюльтэр посмотрел через плечо вверх, приподняв шляпу, чтобы лучше видеть. Поблизости ни зданий, ни свесов – падать неоткуда. Если броситься с ближайшего из высоких выступов, ветра снесут на асфальт за вздымающимся массивом зданий. Да и при таком раскладе повреждений должно быть значительно больше.

– Что-то тут нечисто, – пробормотал он.

– Вот и мне так кажется, – кивнул Гербер.

Он поднес фотокамеру к правому глазу и сделал два панорамных снимка.

Напарники продвинулись на пару шагов вперед. Они шли осторожно, сдерживая дыхание. Гербер направил фонарь на мертвеца, и Кюльтэр понял, кто им попался.

Труп примял не плащ – он примял крылья.

– Это же... – начал Гербер.

– Угу.

Им попался ангел. Кюльтэр снова закинул голову и посмотрел еще выше. Выше ближайших строевых, пастельного блеска Неоновых Вершин, голографического мерцания Схемограда, розовой плазменной ауры кибергородов... Ему казалось, что он видит, как целые сонмы крылатых существ парят там, кружа у шпиля Клинка, словно мухи у электронной ловушки.

«Как же этот гребаный ангел сюда свалился? – по-

думал Кюльтэр. – И угораздило же его в мою смену...»

– Мешок и бирка по нему плачут! – воскликнул Гербер. – Давай оприходуем его скорее, а то у меня уже мурашки по коже.

– Тебе такие еще не попадались?

– Еще нет, а тебе?

– Первый попался, когда я только поступил сюда работать. Ангел упал на Зеленую линию, на третий путь надземки. Когда мы соскребали бедолагу, он уже поджарился. Три-четыре года назад попался еще один, искореженный куда больше этого. С первого взгляда мы почти ничего не разобрали.

Гербер сделал еще один снимок. Полыхнула вспышка, и Кюльтэру почудилось, что труп шевельнулся. Вроде его поза неуловимо изменилась... Он подполз к упавшему и склонился над ним, держа инструменты наготове. Чайки и впрямь заинтересовались трупом – они кружили над головами чистильщиков, оглашая вечерний воздух истошными криками. Кюльтэр осмотрел ангела: тот был практически голым, внешних повреждений не видно; похоже, сломались только крылья. Он лежал на спине, повернув голову набок, огромные темно-синие глаза уставились на Кюльтэра. Ангел выглядел как живой, если бы не пустота, навеки поселившаяся в его зрачках.

– Бедолага погиб у самой поверхности, – объявил

Кюльтэр. – Он не рухнул, а спускался сознательно.

– Ничего себе! – изумился Гербер. – По-твоему, это самоубийство? Или... Что, если ангел заблудился?

– Может, экипировка подвела, – предположил Кюльтэр, ощупывая прочный, неведомый ему металл усилителя, который носил ангел. – Да кто ж знает? Сделай все как полагается, потом сунем его в мешок и перетащим в фургон. Чем быстрее сбавим, тем лучше.

Напарники упаковали ангела в мешок и навесили бирку, стараясь не повредить ему еще сильнее крылья, не переломать тонкие руки и ноги. Кюльтэр мог запросто нести мешок в одиночку: в нем словно голые кости лежали. Место падения даже отмывать не пришлось: из ангела не вытекло ни капли крови, или что там было у него в жилах.

К тому времени, когда Кюльтэр перезванивал диспетчеру, другая бригада еще не подросла.

– Извини, Кюльтэр, но тех ребят я отправил на границу с Пароградом. Сообщают, что зона снова смещается, – оправдывался диспетчер.

– Возможно, ты пересмотришь свое решение. Мертвяк у нас. – Кюльтэр глянул на Гербера и ухмыльнулся. – Сядь, если стоишь. Так вот, это ангел.

– О падении с Этажей не сообщалось, триста седьмой.

– Этот и не падал. Он практически спустился к нам. А потом умер.

– Обычные штучки... – В голосе диспетчера звучал скептицизм бывалого.

И ведь не упрекнешь его! Уже не раз им подбрасывали фальшивые трупы ангелов, и кое-кто получал от этого извращенное удовольствие. В Гигиене и общественных работах хватало уродов, ради прикола готовых отправить коллег на задание, чтобы проверить, полные ли они лохи.

Только Кюльтэр знал: этот ангел не фальшивка.

– Хочешь, чтобы мы запихнули ангела к себе в фургон, – не проблема! Может, помнем чуток, но засунем. Просто уточняю: повреждения не на моей совести. Тебе ведь лучше, чтобы мы в Трешку его отвезли?

– А ты уверен, что это не фальшивка?

– Если фальшивка, возьму вину на себя.

– Ладно, тогда везите в Трешку. Только снимите с него всю технику и упакуйте отдельно. Ее мы переправим в Департамент импорта.

Кюльтэр повесил трубку.

– Почему в Трешку? – удивился Гербер. – Мы же не работаем с ними.

Напарники упаковали ангела, закрыли фургон и на маховике поднялись на аппарель. До морга Третьего округа добирались еще минут двадцать – среза-

ли углы, ныряли в подворотни, по спирали уползая от выступа. Морг, пепельно-серый «ящик» с плоской крышей и квадратными оконцами по фасаду, высотой уступал любому из теснившихся вокруг него окрестных зданий, хоть жилому, хоть офисному. Чистильщики подъехали к служебным воротам, дали задний ход и медленно подкатили к двери, у которой ждал приемщик в белом халате.

– Звонил диспетчер, – сказал тот, пока Кюльтэр отпирал заднюю дверь фургона. – Говорит, у вас есть лакомый кусочек для Кильона.

Он почесал ручкой переносицу:

– Давненько вы ничего не подкидывали. Он небось думает, вы уговор забыли.

– Забываем мы, как же! – буркнул Кюльтэр, подписывая акт доставки.

– О чем это вы? – вмешался Гербер.

– Кильон любит с каждой мерзости сливки снимать, – пояснил приемщик. – Наверное, хобби такое.

– У каждого свои тараканы... – Гербер пожал плечами.

– Зато все довольны, – отозвался приемщик. – Кильон кайфует. Другие морги избавляются от уймы документов. Когда поступают такие экземпляры, каждая бумажка пишется в трех экземплярах... Можно взглянуть? – спросил он, когда чистильщики переложили

упакованный труп на каталку.

– На здоровье, – ответил Кюльтэр.

Приемщик расстегнул мешок до половины и сморщил нос при виде бледного, искореженного трупа.

– Наверху они такие красивые, порхают себе, крылья переливаются...

– Эй, поосторожнее с парнем! – Кюльтэр плотно застегнул мешок. – У бедняги был тяжелый день.

– А ты уверен, что это парень?

– Раз уж зашла речь...

– Да ладно! Хотите – везите прямо к Кильону, – отмахнулся приемщик. – Грузовой лифт работает. Езжайте на третий этаж. Он где-то там. А мне нужно еще одну доставку принять.

– Тяжелый вечерок?

– Вся неделька тяжелая. Говорят, граница снова гудит.

– Да, я тоже слышал, – отозвался Кюльтэр. – Ну, теперь жди беды.

Чистильщики закатили каталку в здание морга. Зеленые стены, белый кафельный пол, в воздухе от промышленного моющего средства воняет хлором. Тусклые лампы под потолком излучают грязно-желтый свет. Большинство служащих ушли домой, оставив морг ночной смене и призракам бывших клиентов. Трешку Кюльтэр ненавидел, как, впрочем, и все дру-

гие морги. Как можно работать в здании, где только и делают, что вскрывают мертвецов? Чистильщики хоть на свежем воздухе бывают.

Грузовой лифт привез напарников на третий этаж и распахнул тяжелые решетчатые двери – пора выкачивать каталку в коридор. Кильон ждал в дальнем его конце. Он отправил непотушенный окурочок в привинченную к стене пепельницу. Кюльтэр сразу его узнал, хотя не видел года три-четыре. И ведь не скажешь, что тот не изменился.

– Я как услышал про доставку, размечтался, что нам везут препараты, – начал Кильон спокойным, очень низким голосом. – Давно пора пополнить запасы. А то еще немного – и мы не сможем принимать покойников.

– Мы подарок тебе привезли, так что скажи спасибо, – посоветовал Кюльтэр.

– Как работа?

– По-разному, Кильон, по-разному. Но раз есть город и есть трупы, доходную работенку мы с тобой не потеряем.

Кильон всегда был сухопарым, но сейчас выглядел так, словно минуту назад разлепил веки и сполз с ближайшего секционного стола. Белый халат висел на острых плечах, как на вешалке, белая шапочка покрывала лысую голову. Кильон носил очки с затони-

рованными стеклами, хотя освещение в морге ни ярким, ни резким назвать было нельзя. Обтянутые зелеными хирургическими перчатками пальцы были пугающе длинными и тонкими. Под скулами залегли глубокие тени, восковой бледностью кожи Кильон напоминал мертвеца.

«Как ни крути, такая работа ему в самый раз», – подумал Кюльтэр.

– Что вы мне привезли?

– Ангела, дружище. Он упал к нам на выступ.

Из-за темных очков невозможно было разобрать, как отреагировал Кильон. Нижняя часть лица мало двигалась, даже когда он разговаривал.

– С Небесных Этажей упал?

– Ну это мы так решили. Странно, конечно, но непохоже, что в момент удара он двигался с большой скоростью.

– Вот это интересно, – отозвался Кильон бесцветным голосом человека, который без хорошего пинка о менее интересном думать не способен.

Хотя в этом Кюльтэр сомневался.

– Была при нем кое-какая техника, но мы все сняли. Тебе привезли голый труп с крыльями.

– Таких нам и привозят.

– Вы... хм... часто таких вскрываете? – любопытствовал Гербер.

– Бывает. Не так чтобы регулярно. Мы с тобой знакомы?

– По-моему, нет. Чем они вам так нравятся?

– «Нравится» тут ни при чем. Это просто особенность моей работы. Мы готовы к таким клиентам. На случай ядовитых испарений есть герметичная камера. И взрывостойкие двери есть. После вскрытия документы оформляются стандартно.

– И другим моргам легче, – добавил Кюльтэр.

Кильон согнул тощую шею – получился кивок.

– Да, все довольны.

Возникла неловкая пауза. Чистильщики стояли у каталки, Кильон – на своем месте, вытянув по швам руки в зеленых перчатках.

– Я прослежу, чтобы его вымыли.

– Ладно, до встречи, – проговорил Кюльтэр, пятясь в кабину, которая так и не закрылась.

– До встречи, – отозвался Кильон и поднял руку – пока, мол.

– Очень рад был с вами познакомиться, – вставил Гербер.

Кюльтэр закрыл дверцы. Лифт двинулся вниз под гудение мотора наверху шахты.

Кильон не тронулся с места, пока индикатор этажей на дверной панели не показал, что кабина спусти-

лась в фойе. Тогда он медленно приблизился к каталке, изучил ярлык и рукой, затянутой в перчатку, коснулся мешка с ангелом.

Затем закатил каталку в процедурную, надел хирургическую маску, переложил мешок на секционный стол и извлек ангела.

Даже мертвый, тот поражал красотой. Ангел лежал на спине, глаза закрыты, сломанные крылья свисали к выложенному плиткой полу и желобкам для отвода телесных жидкостей. Секционный стол ярко освещался, и голый ангел казался бледным и безволосым, как эмбрион крысы.

Гостей Кильон не ждал, поэтому снял очки.

Он подтолкнул скрипучую каталку к столику с инструментами и, откинув зеленую простыню, открыл свои рабочие принадлежности во всем многообразии. Тут были скальпели, пинцеты, костерезки, блестящие стерильные ложки, палочки, шпатели, стеклянные и стальные приемники для иссеченных тканей. В свое время инструменты казались нелепо топорными, а теперь сами просились в руки. С потолка свисал микрофон. Кильон притянул его поближе и щелкнул тяжелым переключателем. Где-то зажужжала магнитная лента, касаясь записывающих головок. Кильон откашлялся и заговорил громко, чтобы было слышно через искажающую голос маску:

– Это доктор Кильон. Продолжаю предыдущую запись. Сейчас... – он глянул на часы у дальней стены, – восемнадцать пятнадцать. Начинаю вскрытие трупа, номер на ярлыке пять-восемь-три-три-четыре, недавно доставленного в морг Третьего округа служащими Департамента гигиены и общественных работ.

Кильон остановился и окинул труп взглядом. Нужные фразы сами приходили в голову.

– Первичный осмотр выявил: труп принадлежит ангелу, предположительно мужского пола, взрослому. Внешние повреждения присутствуют лишь на крыльях, пострадавших от удара. На конечностях продольные синяки и шрамы с заметной субэпидермальной припухлостью. Они достаточно свежие, следовательно, могут быть дополнительной причиной смерти ангела. Другие повреждения конечностей отсутствуют, нет ни вывихов, ни переломов. Есть основания полагать, что ангел контролировал спуск до самого последнего момента, когда упал с такой силой, что повредил крылья, а иных травм избежал. Цель спуска неизвестна, но вероятной причиной смерти представляется травма вследствие острой адаптивной недостаточности, а не удар о выступ.

Кильон сделал очередную паузу, проткнул иглой шприца резиновую пробку маленького пузырька, одного из последних десяти, оставшихся в арсенале

морга, и набрал препарат, стараясь отмерить необходимое количество и ни капли больше.

– В соответствии с протоколом, я ввожу смертельную дозу морфакса пятьдесят пять, чтобы гарантировать умерщвление поступившего. – Кильон постучал по шприцу, чтобы избавиться от пузырьков воздуха, и наклонился, готовый вонзить иглу в голую грудь ангела.

За шесть лет работы патологоанатомом он произвел вскрытие сотен человеческих трупов – жертв аварий, убийств, врачебной халатности – и лишь одиннадцати ангельских. Хотя его коллеги и за всю свою карьеру столько не видели.

Кильон прижал иглу к коже.

– Ввожу дозу... – начал он.

Рука ангела метнулась вверх и стиснула запястье Кильона.

– Нет! – произнес ангел.

Кильон замер. Это была скорее инстинктивная реакция, а не осознанный ответ на действия ангела. Он так перепугался, что едва не выронил шприц.

– Ангел еще жив, – пробормотал Кильон в микрофон. – Он продемонстрировал понимание, визуальный контакт и отличную регуляцию моторики. Сейчас попытаюсь облегчить его страдания путем...

Патологоанатом замялся и перехватил взгляд уми-

рающего ангела, который стал полностью осмысленным и пугающе сосредоточенным на нем, Кильоне. Ангел до сих пор сжимал ему запястье. Шприц кинжалом уперся в безволосую грудину.

– Позволь мне сделать это, – попросил Кильон. – Я сниму боль.

– Ты хочешь убить меня. – Ангел говорил медленно, с явным усилием, словно воздуха в легких ему хватило только на эти четыре слова.

У него были большие голубые глаза, глазное яблоко казалось единым целым, у всех ангелов так. Голова чуть заметно поворачивалась из стороны в сторону – ангел оглядывал процедуру.

– Ты все равно умрешь, – заявил Кильон.

– Почему бы не сообщить об этом мягко и деликатно?

– Мягко и деликатно не получится. Ты упал с Небесных Этажей на Неоновые Вершины. К нашей зоне ты не приспособлен, вот твои клетки и не выдержали. Даже ухитрись мы вернуть тебя домой, ты уже получил серьезнейшие повреждения.

– Думаешь, я не в курсе? – спросил ангел голоском тонким, как у ребенка, но достаточно звучным, чтобы подтвердить: это мужская особь. – Я хорошо понимаю, что сейчас случится, но лекарств ваших не хочу – по крайней мере, пока.

Ангел ослабил хватку, чтобы Кильон положил шприц на каталку.

– Мне нужно кое-что выяснить.

– Так выясняй.

Голубые глаза буравили Кильона – чем не зеркала постчеловеческой души? Голова ангела была чуть меньше, чем у взрослого мужчины, но полностью безволосая и прекрасная неземной красотой, созданная словно из мрамора и витражного стекла, а не из механизмов и живой материи.

– Отвечай честно.

– Хорошо.

– Ты Кильон?

Кильон ответил не сразу. Он часто гадал, при каких обстоятельствах преследователи его настигнут. Как ни странно, он даже не предполагал, что встреча произойдет в морге. Скорее, в темном переулке или в переполненной электричке, ну или в его квартире, когда он вернется с работы и включит свет. Метнется тень, сверкнет металл... Имя, которое он принял, уточнять не станут. Раз выследили и загнали в угол, значит его личность сомнений не вызывает.

В общем, единственный возможный вариант такого интереса – желание поддеть его: мол, провалился ты, с треском провалился.

– Да, конечно, – ответил Кильон, надеясь, что ответ

прозвучал спокойно и с достоинством.

– Вот и хорошо. Мне обещали, что я попаду к тебе.

Сперва у Кильона засосало под ложечкой, потом тревога поползла вверх по позвоночнику.

– Кто обещал?

– Те, кто меня послал, разумеется. Или ты думаешь, что мы встретились случайно?

«А если убить его? – мелькнуло в голове у Кильона. – Морфакс наготове...» Только ведь ангел понимал, что такое возможно, и тем не менее говорил с ним. Мысли понеслись наперегонки. Вдруг попытка убить ангела станет сигналом к уничтожению его, Кильона?

– Так почему ты упал? – невозмутимо спросил он.

– Упал, потому что решил: этот способ самый быстрый, хотя и не самый безопасный. – Ангел нервно сглотнул, содрогнувшись всем телом. – Иллюзий я не питал и понимал: миссия самоубийственная, на Небесные Этажи мне не вернуться. Понимал, но миссию выполнил. Я упал и дожил до встречи с тобой. Мне сказали, что ангелов, упавших на Неоновые Вершины, почти всегда везут к Кильону на вскрытие. Это правда?

– Угу, почти всегда.

– И твой интерес здесь очевиден.

Бобины с лентой до сих пор крутились, записывая

каждое слово. Кильон потянулся и отключил микрофон: как говорится, береженого Бог бережет.

– Так уж и очевиден?

– Когда-то ты был одним из нас. Потом что-то случилось, и сейчас... Сейчас ты живешь здесь, среди недолюдей, их вонючих фабрик, гудящих машин и тусклых электроламп.

– Неужели я похож на ангела?

– Я знаю твою подноготную. Тебя переделали в недочеловека – сняли крылья, изменили форму тела, очистили кровь от механизмов. И послали к недолудям – научиться жить, как они, и доказать, что такое возможно. Посылали и других. – Ангел судорожно вздохнул. – Но что-то не заладилось, ты остался один и вернуться не можешь. Работаешь здесь, потому что должен быть начеку: вдруг Небесные Этажи отправят за тобой агента? Обычному ангелу до тебя не добраться, ты понимаешь, что за тобой отправят кого-то особенного или готового умереть сразу, как исполнит миссию.

– В процедурной мы с тобой одни, – выдавил Кильон. – Почему же ты до сих пор меня не убил?

– Потому что послали меня не за этим. – Ангел дышал с трудом, в груди хрипело и булькало. – Я здесь, чтобы предупредить тебя. На Небесных Этажах перемены. Тобой снова интересуются.

– Какого рода перемены?

– Появились знамения и предвестия. Символы аномальной нестабильности в Метке. Ну или в Оке Бога, если ты верующий. Но ты ведь неверующий, правда, Кильон?

– Правда.

– Верующему я сказал бы, что Бог обеспокоен. Зональные колебания ты наверняка почувствовал. Ну, толчки на границе, угрозу зональных сдвигов. Есть в Клинке нечто, до конца не понятное никому, даже ангелам, и многих это пугает. Знаешь, чего хотят те, кто послал тебя сюда? Те, от кого ты прячешься? Они хотят тебя вернуть.

– Сейчас я не принесу им никакой пользы.

– К сожалению, они так не считают. У тебя в голове информация, которую они очень хотят добыть. Получится или не получится, но тебя все равно убьют, чтобы никто другой до нее не добрался.

– Кого еще она интересует?

– Тех, кто прислал меня. Нам тоже нужна эта информация. Разница в том, что мы не собираемся тебя уничтожать.

– А те, другие, тоже здесь?

– Да. В какой-то мере они на тебя похожи – приспособлены для работы в здешних условиях. Но без твоего опыта первого внедрения их модификация ме-

нее эффективна. Другие не могут находиться здесь так долго и так успешно адаптироваться. – Ангел взгляделся в Кильона. – Ведь ты-то адаптировался.

– А те, другие, рядом?

– Думаю, ты уже под колпаком, а пути к отступлению перекрыты. Вдруг ты вздумаешь сбежать с Неоновых Вершин?

– Я спрячусь.

– Ты и так прятался, и это не сработало. Они знают, что искать: твои судебно-криминалистические данные им в помощь. Единственный вариант – бежать. Находиться здесь – уже предел их возможностей. Они не смогут пересекать зоны следом за тобой.

– Бежать с Неоновых Вершин?

Ангел облизал губы тонким синим языком.

– Бежать с Клинка. Вниз, в Глушь.

От такой перспективы Кильон содрогнулся.

– Там же ничего нет!

– Выжить вполне реально. Раз ты здесь приспособился, то и там справишься. Самое главное – информация из твоей головы не попадет к врагам.

– Почему они сейчас всполошились?

– Работа, в которой ты участвовал, – лишь видимая часть проекта, секретной программы по созданию оккупационных сил, армии ангелов с запрограммированной выносливостью, достаточной для захвата всех

зон Клинка.

– Я в курсе.

– Без тебя работа застопорилась. Сейчас из-за угрозы зональных сдвигов проект стал крайне актуальным. Ангелам нужны оккупационные силы, следовательно, нужны твои знания.

– А что хотят те, кто послал тебя?

– Ту же информацию, но с другой целью. Не для захвата Клинка, а чтобы оказывать срочную помощь, если случится худшее.

– Похоже, самый безопасный вариант – убить меня.

– Лгать не стану, мы его... рассматривали. – В слабой улыбке ангела мелькнула жалость. – Но в итоге решили, что ты слишком ценен и твой опыт не должен пропасть даром.

– Так помоги мне вернуться домой.

– Невозможно. Предупредить, чтобы ты сбежал, – максимум, что нам по силам. Дальше ты действуешь самостоятельно. – В голубых глазах, устремленных на Кильона, светился острейший ум. – Сумеешь справиться с Клинка незамеченным?

– Не знаю.

– Если не уверен, то и пытаться не стоит. Помощников, небось, нет?

– Есть один, – ответил Кильон после небольшой паузы.

– Недочеловек?

– Кое-кто, периодически меня выручавший.

– Ему можно доверять?

– Он знает, кто я, и до сих пор меня не сдал.

– А сейчас не сдаст?

– Повода не доверять ему у меня нет.

– Если этот недочеловек способен помочь, отправляйся к нему. Но только если абсолютно в нем уверен.

Если нет, выбирайся сам.

– Сколько я должен отсутствовать?

– Ты узнаешь, когда можно будет вернуться. Скоро расклад сил на Небесных Этажах изменится.

– Не могу же я бросить все и бежать! Я тут обжился.

– По нашим разведанным, ничего подобного. Ни жены, ни семьи, ни друзей. Только работа. Вскрываешь трупы, и сам уже похож на труп. Хочешь считать это жизнью – пожалуйста!

– И ради этого ты пожертвовал собой? – Кильон недоверчиво смотрел на ангела сверху вниз.

– Ради встречи с тобой, Кильон? Да, пожертвовал. Я знал, что погибну, и легкой смерти не ждал. Еще я знал, что, если доберусь до тебя и уговорю всерьез задуматься о самосохранении, результат будет хороший. Такой, что моя гибель высокой ценой не покажется.

– Я даже имени твоего не знаю.

– А свое ты помнишь?

– Нет, его удалили, когда загружали новые воспоминания.

– Что ж, тогда расстанемся незнакомыми. Так лучше.

– Понятно, – тихо отозвался Кильон.

– Сделай мне укол, если не возражаешь.

Ладонь Кильона легла на шприц с морфаксом-55.

– Я сделал бы для тебя больше, если бы мог.

– Не терзайся из-за моей гибели. Упасть к вам – мое решение, а не твое. Главное – не упusti шанс.

– Не упущу. – Кильон убедился, что в шприц не попал воздух, и свободной рукой легонько надавил ангелу на голую грудь. – Не шевелись. Больно не будет.

Он вонзил иглу в тело ангела и нажал на поршень.

Ангел вздохнул и задышал спокойнее.

– Сколько у меня времени?

– Пара минут. Может, меньше.

– Отлично, потому что я забыл кое-что рассказать.

Глава 2

Жужжание механизмов, лязг и треск электромеханического коммутатора, стук реле, урчание ответного сигнала. После десяти-одиннадцати гудков Фрей наконец ответил:

– Кому это неймется?

– Это Кильон.

– Мой любимый монстр! – Фрей сделал паузу, и Кильон услышал шум бара – грубый хохот, звон стекла, сигнал, вызывающий боксеров на ринг: не то по радио, не то по телевизору транслировали поединок. – Что-то ты раненько на операцию собрался. У меня нет при себе швейного набора.

– Возникли проблемы. Нужно потолковать с глазу на глаз.

– Откуда звонишь?

– Из кулинарии по пути домой. – Кильон прикрыл рот ладонью, заметив, что сидящий у витрины хозяин лавки бросает на него недовольные взгляды: тот явно хотел, чтобы посетитель звонил с уличного таксофона, а не с телефона, притаившегося в глубине зала. – За мной хвост.

– Точно или возможно?

– Сегодня кое-что случилось. Пока больше сказать

не могу.

– Ясно, – после долгой паузы проговорил Фрей. – В одном я уверен: ты не из тех, кто паникует без повода. Домой не ходи. Сможешь сюда добраться так, чтобы хвост не притащить?

– Постараюсь.

– Удвой бдительность, но при этом веди себя как ни в чем не бывало.

– Думаешь, это легко?

– Прежде у тебя получалось. Учись заново.

Он отсоединился, а Кильон замер с трубкой у уха, понимая, что привел в действие силу, которую теперь не остановишь. Фрей – потенциальная лавина. Легонько подтолкнешь – рванет вниз с ревом и грохотом навстречу катастрофически непоправимым переменам.

Кильон положил трубку на базу и вышел из зала.

– Спасибо! – Он бросил на прилавок горсть монет.

– Выше голову, не думай о плохом! – посоветовал лавочник, скребя жирный подбородок.

Кильон вывел машину с трассы, припарковался у обочины и взял сумку с пассажирского сиденья. Сумку он принес из морга. Черная кожаная оторочка по краям обтерлась и стала бежевой. Ручка кожаная, золотая защелка, на бирке значит: «Доктор М. Кильон».

Сумка раздвигалась гармошкой, демонстрируя целый арсенал карманов и гнезд на защитной подкладке. Кильон запер машину и поправил шляпу. Пятый район не из благополучных, да и время позднее. Интересно, увидит ли он еще свою машину?

«Розовый павлин» в глаза не бросался. Он притаился в тупичке, упиравшемся в черную стену из породы, составляющей Клинок, в скалу, тянущуюся к небу, даже выше, пока не отскакивала назад, образуя следующий ярус. С одной стороны замшелый отель, с другой – замшелый офис таксистов-неудачников, собственных опознавательных знаков «Павлин» почти не имел. Осталась лишь металлическая основа, на которой висела мятно-зеленая неоновая иллюминация, пока Малкину не надоело ее чинить. Окна закрыли металлической решеткой, грязь и сигаретный дым облепили их так, что не определить, горит ли внутри свет. На стенах – археологические слои постеров и граффити.

Кильон скользнул в конец проулка и постучал в дверь. Она приоткрылась, и на асфальте появился полукруг розовато-красного света.

– Я к Фрею.

– Ты Мясник?

Кильон кивнул, хотя жаргонная кличка взбесила. Охранник – дежурил новенький – что-то буркнул и впу-

стиль его. В «Павлине» было так влажно, что круглые с синей тонировкой очки Кильона мигом запотели. Он вытер их о рукав и снова водрузил на тонкую переносицу. Внутри царил полумрак – именно так нравилось Малкину и большинству посетителей.

За стойкой стоял сам Малкин – протирает стаканы и краем глаза следил за телетрансляцией боксерского поединка. Худой, страшный, руки покрыты вязью багрово-сизых татуировок, которые выглядели так, словно их делали ржавым гвоздем и дешевым смазочным маслом. Он был в пожелтевшем жилете, на шее болталось полотенце. Из-под жилета выглядывала тощая шея, на загрубевшей коже белел шрам-кольцо. Кильон мог только предполагать, что Малкина пытались задушить. Гортань явно повредили – голос Малкина превратился в хрип. Клиентам приходилось наклоняться к нему – иначе не поймешь ни слова.

– Кого я вижу! – воскликнул Малкин. – Ты же недавно сюда заглядывал. Когда я тебя видел? В начале июня? Никак прибавилось хлопот.

– В августе. И пришел я не поэтому.

– Сам знаешь, тебе я завсегда рад. – Малкин потянулся за бутылкой. – Как обычно?

– Без льда.

Малкин налил порцию «Красного глаза».

– Как в морге дела? Вскрывал кого интересного?

– Ну это как посмотреть...

Малкин поставил бутылку на место.

– Хороший мясник нам пригодился бы. Знаток анатомии, так сказать. Что резать, что не резать, с чем человек протянет пару часов, с чем не протянет. Ну, ты меня понимаешь.

– У вас с Фреем таких знатоков и без меня пруд пруди.

– Может, и так. Только Фрей уже не тот, что прежде, а я, видишь ли, хочу слышать визг. Порой слишком быстро захожу слишком далеко, так ведь? – Малкин словно ждал сочувствия за страсть к допросам и пыткам. – А у тебя вот с тормозами полный порядок. Хочу сказать – и Фрей наверняка со мной согласится, – что, если в морге заскучаешь, здесь тебе работа всегда найдется.

– Спасибо за предложение. Только в ближайшее время скуки не предвидится.

– Ясно. Морг есть морг.

– В любом случае я не ищу новую работу. – Кильон пригубил «Красный глаз».

Огненные ручейки потекли по горлу. Как ни модифицируй физиологию, нервная система ангелов к алкоголю невосприимчива. Впрочем, обжигающий вкус «Глаза» нравился Кильону, да еще напиток помогал слиться с другими посетителями бара, на случай если

кого заинтересует худой мужчина в пальто, беседующий с худым мужчиной за стойкой.

– У тебя проблемы? – спросил Малкин.

– Да я из них не вылезал.

– Я имею в виду – помимо того дерьма, что притянуло к тебе Фрея. – Малкин впился в него бледно-желтыми глазками, цветом точь-в-точь как моча на круге для унитаза. – В это дерьмо я, между прочим, никогда не лез.

– И правильно делал.

– Не вынюхивал я и что творится в той камерке, когда ты приходишь и запираешься там с Фреем.

– Это тоже правильно.

Малкин входил в организацию Фрея, но кто такой Кильон – вроде бы не знал. Вряд ли Фрей этим с кем-нибудь поделился.

– Фрей ждет тебя в камерке. Ну как обычно.

Кильон полез за кошельком, но Малкин покачал головой:

– Сегодня за счет заведения. Это самое меньшее, чем мы можем отблагодарить за визит.

Фрей обычно сидел в комнатухе, отделенной от основной части бара. Заходили туда по узким ступенькам под аркой. В камерке без единого окна помещались лишь стол и стулья. Из-за узкого дверного проема посетителю казалось, что он угодил в ло-

вушку. Сегодня Фрей сидел один с сигаретой и полупустой стопкой. Его манера держаться говорила без слов: близко не подходи. Чернокожий здоровяк едва уместился на стуле. При первой встрече с Кильоном Фрей был брюнетом. За девять лет волосы постепенно поседели и стали белоснежными.

– А я уж было подумал, что тот звонок мне помешался, – угрожающе загудел Фрей. Он замигал, задергался. – Что, в центре хреновы пробки?

– Эй, я ведь добрался сюда, так?

– Садись. Похоже, ты намерен провести в моем обществе больше пяти секунд.

Кильон опустил на стул напротив здоровяка с бутылкой:

– Спасибо, что согласился встретиться.

Кильон снял шляпу и повесил на настенный крючок. Фрей курил сигарету, оранжевый огонек которой был единственным источником света в его любимой камерке. Голова у него тряслась так жутко, словно ее дергали за невидимую нитку.

– Я взял на себя смелость пригласить Мероку. Она уже в пути.

– Кто такая Мерока?

– Мой специалист по эвакуации. Она тебе понравится.

– Кто говорил об эвакуации?

– Я говорю. Мы ее проведем. Головоломка уже складывается.

– А мы не опережаем события?

– По телефону ты сказал мне достаточно. – Фрей пригубил свой напиток. – Соединять точки – моя специальность. Я ведь правильно их соединил, когда ты впервые нарисовался?

– Тогда ты просто сделал свою работу, – напомнил Кильон. – Жетон ты в ту пору еще не сдал.

– Теперь жалею, что сдал жетон и не сдал тебя.

– Хочешь узнать, что случилось? – Не дождавшись ответа, Кильон поведал Фрею об ангеле и об их беседе во время осмотра и вскрытия. – Потом я позвонил тебе и проехал мимо своего дома. Да, ты велел мне не возвращаться домой, но я не останавливался, даже не притормозил. И вот я здесь.

– Я ведь запретил тебе, Мясник.

– Меня никто не видел.

– Будем надеяться, что так. Никого подозрительно не заметил?

– Только фургон Пограничного комитета, неумело замаскированный под транспорт Гигиены и общественных работ. Полагаю, к моим проблемам он не относится.

– Сейчас я не стал бы ничего предполагать. Местные власти не просто так дергаются. Они медикамен-

ты запасают по всему городу. Да ты, наверное, знаешь.

– Лекарств в последнее время не хватает, – отозвался Кильон, вспоминая сократившийся арсенал морга. – Я решил, что у поставщиков проблемы.

– Ничего подобного. Мера продуманная, скоординированная. Такое ощущение, что кому-то очень-очень страшно. По слухам, страх ползет и вверх, и вниз. До Небесных Этажей он тоже добрался, если ты не в курсе. Начался глобальный сдвиг, кардинальная перестановка, которая навредит ангелам не меньше, чем нам. Так что, возможно, тут полная взаимосвязь. – В улыбке Фрея чувствовалась симпатия и жалость. – Извини за выражение, но ты теперь хвост, который решили зачистить, пока не пошла серьезная игра.

– Если верить ангелу, речь не о простой зачистке.

– О доступе к твоим подавленным воспоминаниям? Думаешь, они надеются получить важные сведения о рейде в нашу зону? По-твоему, это не притянута за уши?

– Может, я что-то и помню. Что-то в пределах возможного.

– Ангел хоть намекнул, сколько ты должен прятаться?

– Ничего конкретного. Он говорил о переменах на Небесных Этажах, о чем-то вроде переворота. Если

все получится, я смогу вернуться. Если нет, здесь всегда будет грозить опасность и мне, и любому, кто меня приютит.

– Переворот ожидается в ближайшее время?

– Насколько я понял, это вопрос нескольких месяцев. На это время мне нужно исчезнуть с Клинка. Дело тут не только в том, чтобы сберечь мою шкуру. Если я кому-то нужен, значит нужен и тем, кто послал ангела.

– Вот уж их мотивы совершенно неясны.

– Фрей, они дали мне оружие. Значит, блюдут мои интересы.

– И где оно, это оружие?

– Со мной. – Кильон снова пригубил «Красный глаз». – А что еще за специалист по эвакуации? Если честно, я удивлен. В наших разговорах эвакуатором с Клинка всегда выступал ты.

Фрей откинулся на спинку стула:

– Не знаю, заметил ли ты, но за последнее время я малость сдал. Лекарства не действуют, если дозу не увеличить.

– По-моему, ты ее до предела увеличил, – отозвался Кильон.

С тех пор как они не виделись, Фрей сдал сильнее, чем ожидалось.

В ответ на слова Кильона Фрей не то пожал плечами, не то просто дернулся и потерял правое веко.

– Мне ниже Парограда не спуститься, а за пределами Клинка так вообще не выжить. До вокзала провою, а дальше о тебе позаботится Мерака. Не бойся! Девушка с причудами, но дело свое знает. На счету у нее более дюжины успешных эвакуаций.

– А неуспешных сколько?

– Да брось ты! Главное – она может и готова помочь тебе. Поедешь поездом. А сейчас... Покажи то, что дал ангел.

– Здесь безопасно?

– Да, если твое оружие не взорвется.

Кильон поставил сумку на стол, нажал на золотую застежку и поднял крышку.

– Захоти ангел мне навредить, он запросто мог выполнить свое желание в морге. Впрочем, это только предположение.

– Пока примем его как факт.

Кильон пошарил на дне сумки и вытащил тяжелый, обмотанный бинтами предмет, похожий на завернутую в ткань отсеченную кисть. На столе обертка развернулась – сверток состоял из восьми маленьких, каждый в отдельной упаковке.

– Так оно и вышло из ангела. Частями.

– В каком смысле, вышло из ангела?

– Детали ему имплантировали. Синяки и припухлости я заметил сразу, как положил ангела на стол.

Это был единственный вариант. Если бы ангел отпрыто принес в эту зону техническую диковинку, чистильщики забрали бы ее и отправили в Департамент импорта, не дав мне и взглянуть.

– Это доказывает, по крайней мере, что они думали, как передать тебе оружие, а не с бухты-барахты решили.

– Нет, не с бухты-барахты.

– Есть один вопрос. Зачем посылать на нижний уровень то, что не будет там работать? Все технические штучки с Небесных Этажей здесь бесполезны. Ты знаешь это, как никто другой.

– Вряд ли ангелы так старались бы ради того, что заведомо бесполезно.

Одну за другой Кильон развернул детали и положил их на стол. На бинтах виднелись розовые и желтые пятна. Все детали были размером не больше ладони, каждую до сих пор покрывал тонкий слой крови и слизи.

Трясущимся пальцем Фрей указал на детали и шепотом уточнил:

– Ты точно ничего не пропустил?

– Ангел объяснил мне, где именно резать и сколько деталей я найду. Это все, что есть.

Фрей взял одну из самых больших частей, обтер бинтом кровавую слизь и дрожащей рукой поднес к

глазам. Эта деталь, как и другие, была из тускло-серебристого металла.

– Надо же! Легче, чем выглядит с первого взгляда.

– У ангелов все легкое, – кивнул Кильон. – Они и сами легкие. Прямо-таки непревзойденные мастера легкости.

– Быстро ты отучился говорить «мы», а, Мясник?

– Защитная маскировка. Из нее не следует, что я забыл, кто я и откуда.

Кильон вытащил из сумки чистую льняную салфетку и стал не спеша протирать оставшиеся семь деталей. Фрей замороженно следил за его действиями, словно перед ним разворачивалась карточная партия с высокими ставками. Одну за другой, Кильон положил детали обратно на стол.

– Ничто знакомым не кажется? – спросил Фрей.

– Понятия не имею, с чего начать. – Кильон перебирал детали, ощупывая каждую.

Что делать с ними, ангел толком не объяснил. Может, он и сам до конца не понимал, что за оружие доставил. Восемь частей, которые сложатся в одно целое, – вот и весь инструктаж.

– Этот кусок, – Фрей ткнул пальцем, – подходит к вот этому.

Кильон повертел в руках что-то вроде трубки с боковыми выступами. Ствол или фокусирующее устрой-

ство? На другой детали, цилиндре потолще, с открытым концом, имелся паз для ствола. Кильон соединил обе части. Раздался щелчок – едва уловимый, но слишком четкий, чтобы сойти за случайный.

– Отлично! – обрадовался Кильон.

– Никаких ассоциаций не появилось? – спросил Фрей.

Кильон промолчал. Он попытался разъединить детали, но они держались крепко. Стык не просматривался, казалось, части слились воедино.

Кильон перебирал остальные детали, разыскивая ту, которая стыковалась бы с уже собранными. В глаза ничего не бросалось, но он заметил еще две, на вид подходящие друг к другу. Осторожно соединил их и снова услышал щелчок – детали «срослись». Вышло что-то вроде рукояти пистолета, но для стрелка с маленькой изящной кистью.

– Как по мне, Мясник, так это пистолет.

– Не люблю пистолеты.

– А я люблю, – раздалось за спиной у Кильона. – Особенно блестящие. Это и есть новый багаж?

Кильон обернулся – перед ним стояла девушка. Невысокая, под низкой аркой она прошла не нагибаясь. Одета до унылого практично – бесформенные, грубые, как у сварщика, брюки, ботинки с металлическими носками, бурая куртка, которую не мешало

бы ушить на пару размеров. Лицо невыразительное, незапоминающееся, волосы очень короткие, темные, с проседью на висках. «Сколько ей лет? – прикинул Кильон. – Пятнадцать-двадцать?»

– Знакомься, Мерака, это доктор Кильон, – проговорил Фрей. – Твой новый багаж, как ты верно предположила. Я как раз обещал ему, что ты прекрасно справишься и эвакуируешь его с Клинка.

– Надеюсь, веселую прогулку не сулил?

– Иллюзий у меня нет, – ответил Кильон.

– Эвакуация займет дня три. Это если все пойдет по плану, что случается крайне редко. Готовьтесь к трем дням – минимум сна, максимум неудобств и тревоги. Потом будем искать тех, кому Фрей поручил доставить вас в Гнездо Удачи, и надеяться, что они не передумали.

– Еще опасность добавь, – посоветовал Фрей. – Мясник поссорился с ангелами. У них на Неоновых Вершинах агенты глубокого внедрения, они постараются не выпустить его из города.

– Про ангелов ты по телефону не заикнулся! Сказал, заварушка местного разлива. По моим понятиям, это совсем другое.

– Эх, запомятовал! – Фрей поморщился, якобы в знак раскаяния. – Но ведь тебя не отпугнет такая мелочь?

– С ангелами я работала и не боюсь их.

– Так я и думал. Есть и кое-что хорошее: Мяснику наследство перепало. С ним мы сейчас и разбираемся.

Мерока глянула на окровавленный пазл:

– Это оружие, о котором ты говорил?

– Ангельская технология. Наверное, это в помощь Мяснику, чтобы невредимым выбрался.

– Похоже на собачью блевотину.

– Откуда подарочек, тебе лучше не знать. – Фрей пригладил седую шевелюру. – Эй, Мясник, новых идей не появилось?

Кильон уставился на несобранный пистолет. Сначала детали казались несовместимыми. Потом мелькнула догадка, разом объяснившая все. Если поставить одну деталь на другую, получится разъем, в котором можно закрепить ствол. Рукоять крепилась к низу конструкции под небольшим углом к стволу. Кильон вогнал рукоять на место и дождался щелчка, означавшего, что сборка верна. В ту же секунду пистолет ожил у него в руке. Корпус прорезали светящиеся голубые линии, словно пистолет проверял свою работоспособность. Перемена была такой внезапной, что Кильон едва не выронил подарок ангела.

– Думаю, загадка разгадана, – проговорил Фрей.

– Похоже, да.

– Но от слов своих я не отказываюсь. Это технология ангелов. Здесь она работать не должна.

– Если заработает, мы все... – начала Мерака.

– Спасибо, что собрали меня, – перебил ее пистолет. – Примите к сведению, что я запрограммирован на кровную связь с тем, кто держит меня в руках. – Голос был резкий, дребезжащий, с чуть заметными женскими нотками. – Если желаете, чтобы установилась кровная связь с другим лицом, меня следует передать в ближайшие тридцать секунд. Кровная связь устанавливается один раз с одним человеком. Сейчас я начну отсчитывать секунды. Я оповещу об установлении кровной связи.

– Это по твою душу. – Фрей хитро ухмыльнулся Кильону, словно упиваясь каждой секундой происходящего.

– Может, лучше по мою? – предложила Мерака. – В конце концов, за безопасность отвечаю я.

Кильон держал пистолет, хотя подсознание кричало: «Брось его, брось!»

– У этой штуковины есть разум, – заметил он. – А ведь этого не должно быть. В этой зоне машины думать не способны.

– Видимо, какое-то время они продолжают работать, – пожал плечами Фрей.

– Только не те, которые разобрали, потом собрали

заново.

– Дайте мне пистолет! – потребовала Мерака.

– Нет, это игрушка Мясника. – Фрей с вызовом глянул на Мераку: попробуй, мол, возрази. – Ангел ему ее подарил.

– Кровная связь установлена, – объявил пистолет. – Примите к сведению, что мой КПД при режиме энергопотребления в данной среде составляет восемьдесят один процент и непрерывно снижается.

– Что за черт? – вырвалось у Фрея.

– При постоянном пребывании в данной среде дефицит энергии приведет меня в нерабочее состояние через пять часов двадцать две минуты. Предел погрешности – восемь минут. Функциональность значительно уменьшится через три часа сорок пять минут.

– КПД уже падает, – проговорил Кильон.

Он повернул ствол к стене, а палец убрал подальше от курка.

– Пять часов плюс сколько-то минут, – подытожил Фрей. – Который час?

– На моих девять, – подтянув рукав, глянула Мерака на часы. – Последний поезд на окраину в десять пятнадцать.

– Успеть еще можно, как считаешь? – спросил Фрей.

– Если двинуться прямо сейчас, – ответила Мерака.

– Эй, не спешите! – Кильон чувствовал себя, как на стремительно разгоняющемся траволаторе². – Я пришел обсудить возможность эвакуации, и только. Думал, мы договоримся на завтра, на послезавтра, а не так, чтобы... Чтобы отправиться в путь прямо сейчас, без подготовки!

– Ну что поделать, нам поддали жару, – пожал плечами Фрей. – Да и ангел советовал не задерживаться. Завтра может быть поздно.

– Мы с Мерокой не знакомы. Откуда мне знать, что у нее получится? – спросил Кильон и быстро добавил: – Без обид, ладно?

– Без обид, – отозвалась та.

– Мерока работает на меня. Других рекомендаций не требуется. – Фрей испытующе глянул на девушку. – Наверное, глупый вопрос, но – снаряжение при тебе?

Та скорчила гримасу:

– Черт, забыла!

– Мерока! – грозно осадил ее Фрей.

Девушка распахнула куртку. К внутреннему шву крепился целый арсенал, каждая единица в отдельном мешочке или в хомуте. Штурмовая винтовка, пистолет-пулемет, револьвер, мини-арбалет, что-то вроде тромблона, жуткого вида режущее оружие...

---

² *Траволатор* – движущаяся бесступенчатая дорожка, с помощью которой могут перемещаться пешеходы.

Полный набор для дальнего и ближнего боя.

Еще были патроны, магазинные коробки, пороховницы и голубая мечта любого аптекаря – цветомаркированные пузырьки и бутылочки с пробками.

– Как видишь, ничего я не забыла.

– Говорил я тебе, что она умница! – Фрей отодвинул стул, чтобы встать. – Ну, Мясник, пора посвятить тебя в небольшую производственную тайну. Ты, небось, не задумывался, что в моем положении не слишком разумно забиваться в тупик вроде этой каморки?

– Раз ты об этом заговорил...

Фрей вытащил из кармана тяжелую связку ключей и пнул стену за своим стулом. Секция обшивки ушла внутрь, во мрак.

– Что это? – спросил Кильон.

– То, чем кажется. Секретный туннель. – Фрей протянул ключи Мероке. – Иди первая. Я прикрою сзади.

– Фрей, тебе не обязательно идти с нами. Я сама справлюсь.

– Не сомневаюсь, Мерока, но я обещал проводить Мясника до вокзала. Хоть это сделаю.

Пригнувшись, девушка нырнула в проем. Кильон проследовал за ней в короткий узкий туннель, согнувшись чуть ли не пополам, чтобы протиснуться. Впереди маячила еще одна дверь, на этот раз из металла с гальванопокрытием. Такая, возможно, устояла бы и

перед поездом, а уж перед медвежатником – наверняка. Мерака вставила ключ в черную пасть скважины и с усилием повернула. Щелк! – замок сработал. Девушка с силой нажала на дверь, закрытую чуть ли не герметично. Та распахнулась, и в лицо Кильону пахнуло теплом и сыростью. Туннель и не думал кончаться.

– Куда он ведет?

– Наружу, – ответила Мерака.

Первую дверь Фрей закрыл не до конца – из «Розового павлина» тянулся тоненький лучик света. У Фрея наверняка имелся запасной комплект ключей: вторую дверь он запер сам. Шум бара, секунду назад едва слышный, заглох полностью. Тишину нарушал лишь тройной шелест дыхания, а темноту – пляшущий луч электрической ручки-фонаря Мераки.

Кильон коснулся темной, похожей на мрамор стены. От нее веяло древним змеиным холодом. По слухам, подобные ходы тянулись из старейших зданий и вгрызались в породу Клинка. Но видел такой туннель Кильон впервые. Чтобы лучше ориентироваться во мраке, он снял тонированные очки. Туннели, очевидно, бурили в другую эпоху, века, а то и тысячелетия назад, когда местные условия позволяли использовать мощное оружие вроде плазменных копий. Сейчас на Неоновых Вершинах не работало ничего, что способно хотя бы царапнуть плотную черную породу.

Целая жизнь ушла бы на то, чтобы проложить такой ход вручную.

– Ты никогда не упоминал туннели, – сказал Кильон Фрею.

– Ну, Мясник, секрет есть секрет.

– Вот уж не думал, что между нами существуют секреты. Теперь гадаю, что еще от меня утаили.

– Фрей – бизнесмен, – вмешалась Мерака. – Небось, внушил, что относится к вам по-особенному, а на самом деле вы всего лишь один из клиентов. Так, Фрей?

– Мясник больше чем клиент, – возразил тот.

Несмотря на габариты, он не отставал ни на шаг.

– Откуда такая кличка? – полюбопытствовала де-вушка.

Чтобы меньше наклоняться, Кильон снял шляпу и прижал ее к своей драгоценной сумке.

– Фрей считает ее остроумной. Я патологоанатом, трупы вскрываю. Раз есть кличка, Фрею не нужно использовать мое настоящее имя, когда нас могут подслушать. Как бы там ни было, зови меня Кильон и давай на «ты».

– То, что нравится Фрею, нравится мне. Мясник так Мясник.

– Вот уж спасибо! Мы по туннелям пойдем до самого... Как бишь тот город называется?

– Гнездо Удачи, – подсказал Фрей.

– Я о нем только слышал, а как там и что...

– Тебе там будет хорошо, – пообещал Фрей. – Город на семафорных линиях, на отшибе ты себя не почувствуешь.

– Когда там окажемся, Мерака ведь познакомит меня с кем надо?

– Так далеко я не захожу, – покачала головой девушка. – Передам тебя кочевникам, с которыми мы ведем дела. Это торговцы, они колесят по крупным городам, торгуют, меняются, прячутся от черепов и боргов.

– Им можно доверять?

– Пока не доберешься до Гнезда Удачи, они за тобой присмотрят, – ответил Фрей. – Дальше каждый сам за себя. Проблем не возникнет, ты же доктор, руки умелые, пальцы ловкие. Уверен, работу найдешь без труда.

– Надеюсь, не ту, что сулил мне Малкин?

– От пыток Малкин теряет голову, – признал Фрей. – Но он так увлечен своей работой, что поневоле восхищаешься.

– Ты сказал, что вскрываешь трупы, – напомнила Мерака. – Чем это поможет, если патологоанатомов уже пасут?

– Я учился на доктора. Могу ставить диагнозы, вы-

писывать лекарства, выполнять простые операции.

– Это хорошо, – одобрительно кивнула девушка. – Там наверняка есть кого лечить. Если до тебя раньше не доберутся.

– Умеешь ты обнадежить! Чувствую, три дня пролетят, как один.

– Погоди, к Мероке нужно привыкнуть, – сказал Фрей. – К тому же тут ничего личного. Ты ей нравишься, просто она не хочет слишком привязываться к багажу.

– Может, дело в низких шансах увидеть тебя снова, – добавила девушка.

– А вот Фрей, похоже, думает, что я вернусь, да, Фрей?

– Разумеется, – отозвался тот у Кильона из-за спины. – Ни секунды в этом не сомневаюсь.

– Фрей – оптимист. Я всегда говорила: это его самый большой минус, – съязвила Мерока, потом, сообщив, что Кильон не просто клиент, спросила: – Как же вы спелись? Он втянул тебя в аферу с крышеванием?

– Дело не в рэжете, – обиженно возразил Фрей. – Я не рэкетир.

– А врагов своих потрошить любишь, – заметила Мерока.

– Ну, это другое дело.

Кильон наклонился еще ниже, чувствуя, что с каждым шагом в туннеле становится все теснее.

– Далеко нам идти?

– Не дальше, чем нужно. Давай шагу прибавим, не то опоздаем на поезд. Фрей, как ты там, ничего?

– Нормально.

Чувствовалось, однако, что он устал, – дыхание все больше сбивалось, голос слабел. Туннель повернул налево. Ни Фрей, ни Мерака и словом не обмолвились, но Кильон чувствовал: рядом направо убегает другая галерея. Из черного жерла пахнуло зловонным теплом. Троица сильно углубилась в недра Клинка. Кильон ощущал, как давит древняя порода, грозно нависая над дерзко нарушившими ее целостность туннелями, как мечтает навеки их смять и заблокировать. На поверхности Неоновых Вершин опасностей пруд пруди, но Кильону отчаянно хотелось поскорее выбраться наружу.

– Я слышал про туннели, но не знал, правда это или нет, – сказал он. – Почему-то казалось, что это городская легенда. Ну болтают же про гигантских крыс в канализационных трубах.

– Туннели впрямь существуют, – проговорил Фрей.

– А остальное? Твари, которые якобы в них водятся?

– Я полжизни по этим туннелям брожу, – заявила

Мерока. – На глубину меня тоже заносило. Ничего такого не попадалось. Оторопь пару раз брала, но... – Девушка замолчала, словно устыдившись, что сболтнула лишнего о своих страхах.

– Оторопь брала каждого. Ничего постыдного в этом нет, – заметил Фрей. – Вообще-то, туннели совершенно не секретные. Копы про них знают. Вот и я знал еще в годы службы. Тогда мы ими подозреваемых запугивали. Мол, возьмем и бросим тебя здесь. Страшилки опровергать не старались.

– Страшилки? – переспросил Кильон.

– Да случается тут разное дерьмо, – уклончиво заметила Мерока. – Можно потеряться за считанные секунды. Или столкнуться с теми, с кем лучше не сталкиваться, например со мной, когда я не в духе. Остальные байки – просто горы собачьего дерьма, если выражаться образно.

– Хорошо сказано, выразительно, – похвалил Фрей. – Лучше и я бы не смог.

– А как насчет спятивших роботов? – поинтересовался Кильон.

– Кто-то сказок начитался, – съязвила Мерока.

Ее фонарь внезапно погас, оставив их в крошечной тьме.

– Никаких роботов, Мясник, ни больших, ни маленьких. Туннели существуют, но это не значит, что суще-

ствуует все, что о них болтают. – Девушка трясла фонарь, пока он снова не загорелся.

– Значит, сколько вы ни спускались в туннели, ничего диковинного не видели?

– Трупы видела, – сказала Мерака. – Включая трупы тех, кого не хотела бы встретить живыми. Но чтобы огромные страшные роботы шатались по туннелям? Извини, но нет. Клинок – большой старый кол, воткнутый в землю. Здесь тысячами ничего не менялось.

– А дорогу терять случалось?

– Пару раз бывало. Особенно с болтливым багажом.

– Намек понят.

Однако Мерака еще не закончила.

– Потеряться – не худший из вариантов. Если потерялся, можно выбраться. Страшнее угодить в другую зону.

– Зону незаметно для себя не пересечешь, – проговорил Кильон.

– Да, заметить ты это заметишь, но не факт, что сумеешь подготовиться или вернуться. Ты, Мясник, думаешь, что знаешь Клинок, только на деле ты знаешь лишь его поверхность и выступы. Там зоны большие. Фрей вот из Неоновых Вершин почти не выбирается. Внутри все абсолютно иначе. – Голос Мераки зазвучал

чал предостерегающе. – Чем ближе к Метке или к Оку Бога – называй, как угодно, – тем меньше зоны и тем ближе они друг к другу. Там все дерьмо расплывается, на карту ни черта не нанесешь. Поэтому и фонарь мой не работает: чувствует, что переход близко.

– А переходить обязательно?

– Нет, пока туннели не выведут нас в Пароград. Если с прошлого раза сдвигов не произошло, что не исключено. Часовщики уже извелись из-за этого, и не только на Неоновых Вершинах. Остальные предвидели это уже давно. Два года назад, а то и три. Смещения серьезные. Что-то тяжелое спускается с вершины. – Не дожидаясь реакции Кильона, Мерака добавила: – Сама я виню ангелов. При любых непонятках они у меня первые в черном списке.

– Ясно. – Кильон с трудом сглотнул. – И на чем основывается такое... предположение?

– На твоём месте я принял бы это как данность, – посоветовал Фрей.

– Ангелы меня бесят, – заявила Мерака. – Больше тебе знать не требуется.

Дальше шли молча. Кильону не хотелось развивать тему: вдруг Мерака начнет размышлять, откуда такой интерес. Сомнений не вызывало одно: их общий секрет Фрей не выдал. Мерака не подозревала о происхождении Кильона, если не врал по каким-то особым

причинам, из чего вытекало, что Фрей слово сдержал.

– Далеко еще до границы? – поинтересовался Кильон.

– Не больше полулиги. Точнее не определить.

Вскоре Кильон почувствовал, что туннель расширяется, а вытянув руку, едва коснулся ближайшей стены.

– Держись правой стороны, – велела Мерака.

Кильон видел лишь дрожащий блик ее фонаря, но чувствовал: рядом ствол либо галерея, уводящая еще глубже в недра Клинка.

Внезапно во мраке что-то зашелестело, полыхнуло огнем, потом раздался грохот, который эхо унесло в бесконечность. В отблесках вспышки Кильон увидел револьвер в руке Мераки. Девушка стреляла туда, откуда веяло теплом. Кильон собрался с духом, гадая, что она увидела. Вот фонарь осветил бегущего черного зверька. Крыса с обрубком хвоста! Она глянула на путников желтоватыми глазками и потерла нос лапами.

Щелк! – Мерака поставила револьвер на предохранитель и спрятала под куртку.

– Не на что тут смотреть. Пошли!

– До выхода несколько сот дюймов, – просипел Фрей, дыша с трудом. – Наверное, поверну-ка я обратно, а то слишком вас торможу. Поручаю тебя, Мясник, заботам Мераки. Черкни мне открытку из Гнез-

да Удачи. Разумеется, анонимно: незачем трезвонить, что ты удрал из города.

Во мраке туннеля Кильон пожал ему руку.

– Непременно пришлю! Спасибо, что забрел с нами в такую даль. Мог ведь и не мучиться. – Кильон замолчал, вспомнив о том, что хотел отдать Фрею чуть раньше.

– Не посветишь сюда? – попросил он Мероку, дождался, когда свет упадет на докторскую сумку и открыл защелку. На самом верху лежал пакетик. – Вот, тут меньше обычного, но в морг лекарства неделями не подвозили. Боюсь, тебе придется довольствоваться этим, пока я не найду другой источник.

Фрей смял в кулачище пакетик морфакса-55.

– А себе ты оставил, Мясник?

– Мне хватит.

Подумав, Фрей протянул ему пакетик:

– Уверен, тебе он нужен больше, чем мне. Ты в путь отправляешься, а не я. Разве найду я другого поставщика, если ты не вернешься?

– Конечно найдешь, – заверил Кильон, однако настаивать не стал.

Он спрятал морфакс-55 в сумку, тихо радуясь, что Фрей не взял антизональное.

– Дайте знать, когда намилуетесь, – съязвила Мерока. – А то нам на поезд пора.

– Иди! – велел Фрей, еще раз пожав Кильону руку. –
Насладись красотами мира.

Глава 3

Из туннеля они выбрались через низенькую дверцу и попали в подсобку круглосуточной прачечной. Кильон надел шляпу и очки, хотя стекла в них моментально запотели. Бледно-зеленые стены, мешки грязного белья, неутомимо работающие монетные автоматы – прачечная напоминала яркий, утопающий во влажных испарениях оазис. Несмотря на позднее время, двое клиентов на жестких скамейках замороженно следили за кружащимся в барабанах бельем, ожидая завершения цикла стирки. В тот момент Кильон охотно присоединился бы к ним: лучше унылое прозябание у стиральной машины, чем пугающая неопределенность путешествия за пределы Клинка.

Они с Мерокой стояли под ночным дождем, и Кильон поймал себя на том, что оглядывает близлежащие улицы, здания, машины в поисках шпионов и бовиков.

– Не веди себя так, словно у тебя мишень на лбу, – буркнула девушка.

До следующего выступления Мерока и Кильон добрались на фуникулере, потом пересели на наземку. Автомобили и маршрутки проносились мимо голубыми искрами. Поп-певица Блейд смачно затянулась сига-

ретой и подмигнула им с неоновой анимационной рекламы на всю стену многоквартирного дома. Из-за непогоды на улицах было малоллюдно. Редкие пешеходы горбились под зонтами и поглубже натягивали головные уборы. Кильон чувствовал себя слишком заметным и гадал, как, если спросят, объяснит свое общение с хмурой, до зубов вооруженной Меровкой. Но ни одна машина не притормозила рядом, ни один пассажир автобуса или фуникулера не задержал на них взгляд. Пешеходов волновали лужи и канавы, а не Кильон и его спутница.

На вокзал они попали почти в десять.

– Как, успеваем? – Кильон глянул на группу золотых часов, вмонтированных в каменную кладку над аркой входа.

Мерока кивнула на круглосуточное кафе через дорогу от вокзала.

– Жди там, я билеты куплю.

– Разве нам не лучше держаться вместе?

– Нечего тебе по вокзалу слоняться. Ангелы настроены серьезно, ни один закуток из вида не упустят. Пробежимся по залам ожидания, вскочим в поезд – и поминай как звали.

– Ясно.

Кильон проследил, как Мерока входит в здание вокзала, и зашагал в сторону желтых огней круглосуточ-

ного кафе. Внутри за длинной оцинкованной стойкой сидело трое мрачных посетителей. Ни один из них не отреагировал на его появление. Под безучастным взглядом бармена Кильон придвинул к себе табурет с красной обивкой и заказал кофе с пончиком. Достал сигарету, закурил и глубоко затянулся. Как и алкоголь, растительные экстракты сигарет почти не действовали на его нервную систему, но снимали напряжение в легких. Легкие Кильона перестраивались, как и другие части тела.

Когда принесли кофе, Кильон залпом выпил полчашки. С пончиком он заставил себя расправиться в три приема, вытер липкий жир с губ и уперся взглядом в двери вокзала. Где же Мерака? В конце концов, не слишком ли они спешат?

Девушка появилась в дверях вокзала пять минут спустя и зашагала к круглосуточному кафе. Лицо непроницаемое – не определить, купила она билеты или нет. Она распахнула дверь, прошла к стойке и уселась рядом с Кильоном.

– Все в порядке?

– Допивай кофе.

Кильон и Мерака подавленно молчали, словно влюбленные после прилюдной ссоры. Мерака то и дело бросала взгляд на часы за стойкой, сверялась с наручными часами и часами над входом в здание вокза-

ла. Было уже десять минут одиннадцатого, до отхода поезда оставалось меньше пяти минут. Его наверняка уже подали и готовили к отправлению.

– Разве нам не пора?

– Хочешь путешествовать один? Пожалуйста!

– Видела кого-нибудь в здании вокзала?

– Пару человек, не больше.

– Я имел в виду кого-нибудь подозрительного. – Кильон перехватил взгляд бармена, выложил на стойку банкноту и махнул рукой: мол, сдачи не надо. – Моих возможных преследователей.

– Думаешь, они так и расхаживают, ничуть не таясь? – покосилась на него Мерака.

– Нет, не думаю. Зато надеюсь, ты достаточно компетентна, чтобы подмечать то, что не видит простой обыватель.

Мерака затихла, явно расстроившись, что не может подобрать язвительный ответ.

– Я никого не видела, – наконец призналась она. – Но это не значит, что опасности нет. Ангельские лазутчики хороши, засечь их трудно. Даже мне.

Кильон глянул на свои часы.

– Тогда остается лишь уповать на лучшее. Нам не пора?

– Поезд отправляется через три минуты.

– Чтобы добраться до платформы нужно как мини-

мум две минуты.

– Девяносто секунд. – В голосе Метроки зазвучал металл.

Еще полминуты они посидели молча, потом девушка кивнула – пора, мол. Кильон чувствовал и взгляд бармена, и полное равнодушие троих посетителей. Они с Метрокой покинули кафе, пересекли улицу и вошли в здание вокзала. Минутные стрелки всех часов на арке застыли на отметке двенадцать, словно механизмы, скрытые циферблатами, переводили дыхание. Потом стрелки двинулись дальше. До отхода поезда оставалось менее минуты.

Метрока и Кильон быстро шагали по сводчатому полумраку вокзала, едва не срываясь на бег. Вниз по синей плитке лестниц, на деревянный настил перрона, где сильно пахло маслом, паром и озоном. Метрока не оставила и секундной форы, зато у выхода на посадку, где проверяли билеты, никто не болтался. Их пропустили, велел поторапливаться. На платформе не было ни одного пассажира: все они вместе с багажом уже находились в поезде. Вдоль состава расхаживали только проводники в шляпах-таблетках, белоснежных перчатках и с серебряными свистками наготове да носильщики с пустыми тележками. Тепловоз был ярко-красный, как транзисторный приемник. По другую сторону от платформы черный паро-

воз с длинным составом грузовых вагонов застыл, дожидаясь, когда его разгрузят после долгого подъема из нижней зоны. Окутанный паром, он шипел всеми трубами и клапанами – того и гляди не выдержит давления и взорвется.

Кильон с Меровой сели на поезд с красным тепловозом, забравшись в тамбур в конце вагона. У самой двери девушка задержалась, настороженно оглядывая затянутую туманом платформу. Почти все вагоны уже закрыли, один из проводников свистнул в свисток. Тепловоз ответил пневмогудком. Состав тронулся. Меровка захлопнула дверь.

Подозрительного типа они заметили одновременно. Шагающий силуэт точно материализовался из белой дымки с другой стороны платформы. Мужчина был не в железнодорожной форме, а в широкополой шляпе и пальто до колен, перехваченном на поясе. Ни дать ни взять пассажир, ожидающий последнего поезда, чтобы добраться домой. В левой руке он держал нечто, блеснувшее в красном свете семафора.

– Это один из них, – шепнула Меровка в тот самый момент, когда страшная догадка осенила Кильона.

На что решится лазутчик? Сядет на поезд или выйдет, пока он не уедет с вокзала и не устремится вниз по длинному серпантину, который тянется до самого Парограда? Момент длился нескончаемо долго.

Кильону захотелось действовать, проявить инициативу, но он давно не сталкивался с подобными трудностями, и прежняя сноровка исчезла. В немом оценении он наблюдал, как лазутчик хватается за поручни движущегося вагона, подтягивается к двери, открывает ее и проникает внутрь. Сложная цепочка движений, выполненных с жуткой, нечеловеческой грацией, – Кильон словно смотрел замедленную киноленту. Лазутчик забрался в поезд за четыре или пять вагонов от того, где укрылись они с Мерокой.

– Уходим, – бросила девушка, распахивая дверь.

Кильон глянул на платформу, деревянный настил которой с каждой секундой промедления двигался все быстрее. Поезд уже набрал скорость, – если прыгнуть неосторожно, можно получить серьезную травму.

– Мы едем слишком быстро.

– Прыгай, Мясник!

Страх и нерешительность парализовали Кильона. Ему хотелось полностью довериться Мероке, но он не мог пошевелиться. Девушка сжала его руку так, словно собиралась взмыть в космос, но обязательно с ним. Поезд рвался вперед, набирая скорость так стремительно, что голова уже спустилась ниже уровня платформы. Кильон инстинктивно схватился за поручни повыше, чтобы не сорваться с подножки.

– Слишком быстро, – повторил он упавшим голо-

сом. – Извини.

Шанс спрыгнуть был упущен.

– Ты сорвал эвакуацию, – процедила Мерака. – Мы и полчаса не едем, а ты... Ты все изгадил.

Внутри Кильона что-то оборвалось. Он швырнул девушку на стену вагона, удивленный силой и внезапностью своей вспышки.

– Послушай меня, – начал Кильон, ощущая прилив холодной ярости. – Может, я кажусь тебе размазней; может, в сравнении с тобой я и впрямь размазня, – но уясни кое-что.

Он ухватил ее за ворот и с силой вдавил в стену.

– Я не твой чертов багаж, я человек, целых девять лет прозябающий в одиночестве. Девять лет назад я убил двоих коллег, потому что они уничтожили мою любимую. «Убил» – значит садистки накачивал лекарствами, пока они не умерли. Именно так бывает с теми, кто разбудит во мне зверя. Целых девять лет я сидел и не высывался. Я мухи не обидел до сегодняшнего дня, когда мой мир снова перевернулся. Жизненный уклад я изменил быстрее, чем люди выбирают себе вкусный ужин. Я просто отработал смену, а сейчас, несколько часов спустя, бегу из города. Если к новым обстоятельствам я приспособился не так хорошо, как хотелось бы тебе, то ты уж смирись.

Он отпустил девушку. Та вскинула голову и облиза-

ла губы:

– Мясник, ты закончил?

– Пока да.

– А ты силен, хотя на вид червяк червяком. – Мерака поправила измятый воротник. – Здорово пар выпустить, правда?

– Просто предупреждаю, что не стоит меня недооценивать.

– Насчет убийства и пыток ты серьезно говорил?

Кильон закрыл глаза, вспомнив, к чему его вынудили.

– Да.

Мерака захлопнула дверь: ей здорово помог ветер, который сопровождал несущийся поезд. Вагоны стучали, качаясь на серебристом лабиринте пересекающихся рельсов.

– Итак, мы едем, нравится нам это или нет.

– Неизвестно, сколько лазутчиков пряталось на вокзале, помимо того, что сел на поезд. Зато известно, что мы разбились бы, если бы спрыгнули на ходу.

Мерака глянула влево, на длинный коридор, который тянулся через весь вагон.

– Что абсолютно точно известно, так это то, что один из них сейчас едет с нами.

– Может, он нас не видел? Просто вскочил в поезд в надежде, что мы там?

– Он нас видел. Тебя – точно.

– Нужно перебраться ближе к голове поезда. Может, он не успеет до нас добраться.

– Следующая остановка через двадцать минут: будут менять локомотив. Времени ему хватит.

– Но это же не значит, что мы будем безропотно его ждать, верно? – Кильон вдохнул и выдохнул, надеясь успокоиться, пусть даже ненадолго. – Мы не беззащитны. Оба вооружены. И нас двое, а он один.

– Мы видели одного, но это не значит, что он еще не обзавелся дружками.

Девушка снова оглядела длинный коридор. От двери было видно лишь до конца вагона, где коридор нырял в тамбур. «Лазутчик в четырех или пяти вагонах отсюда», – подумал Кильон, вызывая в памяти его образ. Вдруг вспомнятся подробности, которые он сразу упустил? Если лазутчик пробирается к ним, то появится из-за того угла.

– Ты с ангельской пушкой разобрался? – спросила Мерака.

Кильон нащупал спрятанный в кармане пальто пистолет и осторожно вытащил:

– Эй, ты в рабочем состоянии?

– В данный момент КПД составляет шестьдесят три процента и снижается. – Пистолет отвечал негромко, чтобы не слышали в соседних купе. – Дефицит энер-

гии приведет меня в нерабочее состояние через четыре часа три минуты. Функциональность значительно уменьшится через два часа двадцать пять минут. Данные представляю с учетом допустимой погрешности.

– Обойдемся без погрешности. – Кильон поспешил спрятать пистолет в карман, пока в коридор кто-нибудь не вышел. – Четыре часа – это не так уж плохо, да? Избавимся от хвоста – и сразу полегчает!

– Ага, полегчает, как же... – Мерака распахнула куртку и выбрала себе оружие – удобный в обращении массивный пистолет-пулемет со стволом из тисненого металла и прямой рукояткой с длинным магазином внутри. Девушка нащупала на боку черной ствольной коробки рычаг и перевела его в третье положение. – Чем-нибудь еще тебя утешить?

– Я думал, утешение не по твоей части.

– У нас два варианта. Ждать в голове поезда, пока лазутчик нас не разыщет, а он рано или поздно разыщет и поймет, что прижал нас. Либо дать ему бой.

– Думаю, тебе по душе второй вариант.

Мерака убрала автомат под куртку, накрыв полкой и правую руку.

– Держись позади. Раньше меня огонь не открывай.

Они зашагали по коридору вдоль тянувшихся справа купе. Первые два пустовали, единственная пассажир-

ка третьего, молодая женщина, смотрела в окно. Неоновые Вершины проплывали мимо нечетким пятном. Дождь размыл многоцветие рекламы, которое сменилось пронзительной электрической белизной. Четвертое купе тоже пустовало, в следующем за ним курили и смеялись двое мужчин. В последнем купе не было никого, на сиденьях валялись старые газеты. Кильон чувствовал, что начался спуск. Поезд двигался против часовой стрелки по серпантину на боковой поверхности Клинка. За каждые тридцать лиг пути он спускался на лигу. До следующей зоны еще ехать и ехать. Точное расстояние Кильону высчитывать не хотелось.

У тамбура Мeroка остановилась, выхватила автомат и развернулась к глухому углу. Кильон дождался ее кивка и двинулся следом, на шаткую площадку между вагонами. В следующем тамбуре он снова ждал, пока Мeroка проверяла коридор.

– Путь свободен, – тихо объявила она.

Они двинулись вдоль очередного ряда купе. И здесь одни пустовали, в других скучали одинокие пассажиры. Полным оказалось лишь второе по счету купе, где пять шумных бизнесменов потчевали друг друга байками. Воротники рубашек расстегнуты, узлы галстуков ослаблены, пахнет спиртным. В следующем купе сидели мать с дочерью. У обеих прямые спины, девочка в шляпе, у матери вуалетка до середи-

ны лица. Строгие, изысканные наряды – ясно, уважаемые жительницы Парограда возвращаются из трудной, дорогостоящей поездки на Неоновые Вершины. На коленях мать держала большой коричневый конверт, стиснув его как величайшее сокровище на свете. Слишком бледная и худая, девочка постоянно дрожала. Операция на Неоновых Вершинах матери, вероятно, не по карману, но она оплатила рентгеновские снимки, которые пригодятся местному пароградскому хирургу.

Кильону хотелось поговорить с ними. В сумке у него достаточно инструментов, чтобы провести первичное неврологическое обследование. Девочке это не поможет, но, по крайней мере, докажет матери, что она сделала все возможное.

Кильон замешкался. Девочка повернулась и посмотрела на него через стеклянную перегородку. Мать перехватила его взгляд. Глаза у нее темные, да еще скрыты вуалью, зато в линии рта Кильон прочел невыразимую грусть и безысходность. На руках напряглись жилы – так отчаянно она сжимала конверт со страшной медицинской правдой.

Мерока оглянулась, подгоняя его взглядом.

– Извините! – шепнул Кильон, словно это могло что-то изменить.

Внезапно из-за поворота позади Мероки показался

мужчина. Кильон заметил, как девушка дернулась, готовая выхватить оружие. Мужчина в форменном жилете и шляпе железнодорожника казался ниже и плотнее стоявшего на перроне, он едва помещался в узком коридоре. В одной руке проводник держал компостер, в другой – карманное расписание.

– Задержитесь на минуту, сейчас я к вам подойду! – велел он, входя в первое купе.

Мерока шла дальше. В четвертом купе крепко спал единственный пассажир, в пятом не было никого. Проводник перебросился парой слов с ехавшими в шестом купе, пробил билеты и выбрался в коридор. Он двинулся навстречу Мероке, до сих пор прятавшей руку под курткой, и Кильону, которой стоял за ней с ангельским пистолетом в кармане.

– Предъявите билеты и можете вернуться в купе, – сказал проводник.

Свободной рукой Мерока вытащила билеты из кармана. Проводник тщательно проверил их, щурясь подслеповато из-за очков.

– Вам нужно вернуться, – заявил он. – Вы проскочили свое купе, оно в третьем вагоне. Были в вагоне-ресторане, да?

– Да, – подтвердила Мерока.

Проводник пальцем ткнул себе за плечо:

– Там первый класс до самой головы поезда.

Он закомпостировал оба билета и вернул Мероке, довольный хорошо сделанной работой.

– Нам нужно пройти дальше, – сказала девушка.

От профессиональной вежливости не осталась и следа.

– Мисс, боюсь, вы не понимаете. Вы оплатили поездку вторым классом, в первом вам делать нечего.

– А вы почему знаете? – огрызнулась Мерока.

– Незачем создавать проблему на пустом месте. Вы неправильно сосчитали вагоны – ничего страшного, с кем не бывает! Давайте развернемся и спокойно...

Как показалось Кильону, дальше все происходило слишком быстро. Только что проводник надменно разговаривал с Мерокой, а секундой позднее она ткнула стволом в его пухлую щеку. Проводник уронил компостер, расписание и прижался к перегородке между коридором и купе.

– Зря ты волну поднял, – процедила Мерока и, развернувшись, кивком велела Кильону открыть дверь пустого купе рядом с тем, в которое только что заглядывал проводник.

Она втащила бедолагу в купе и от души пнула по яйцам, заставив рухнуть на сиденье, испещренное сигаретными подпалинами.

– Не убивайте! – взмолился проводник, дрожащей рукой поправляя сползшие очки.

– Обещаешь сидеть тихо и не останавливать поезд, пока мы не скроемся из виду?

– Конечно-конечно!

– Вот и умница. – Не выпуская автомат из левой руки, правой Мерака вытащила из-под куртки нечто серебряное – не то пистолетик, не то шприц для подкожных инъекций – и швырнула ошеломленному проводнику.

– Подними! – велела она, когда инструмент упал между скорченных ног кондуктора. Кильон заметил, как на форменных брюках расплывается темное пятно.

– Что вы хотите...

– У тебя, толстяк, два варианта. Либо прижимаешь эту штуковину к шее и делаешь себе укол, либо я тебя застрелю. Выбирай!

– Что в шприце? – спросил проводник, поднимая инструмент негнущимися от волнения пальцами. – Откуда мне знать, что содержимое меня не убьет?

– Тебе что, гарантии нужны?

– На вашем месте я согласился бы, – посоветовал Кильон, уповая на то, что в импровизированном шприце транквилизатор.

– Мне прям не терпится курок спустить, – пригрозила Мерака.

Сообразив, что дело нешуточное, проводник при-

жал кончик инструмента к шее, чуть выше накрахмаленного воротника, зажмурился и спустил пружинный курок. Послышался щелчок, потом шипение, и содержимое попало под кожу. Результат не заставил себя ждать. Пальцы бедняги разжались, шприц упал на пол. Бессмысленно вращая глазами, проводник развалился на сиденье. Теперь лишь форма отличала его от пассажира, отсыпавшегося после попойки.

– Пожалуйста, скажи, что я не зря его убедил! – взмолился Кильон.

Мерока подняла шприц и спрятала под куртку.

– Он под наркозом. Через полчаса оклемается.

– Так мы просто... бросим его? Разве не нужно снять с него форму, чтобы не был похож на проводника?

– Ага, нужно. Займись этим, пока я буду убивать того, кто сейчас пробирается по вагонам, чтобы убить тебя. – Она вышла из купе и закрыла за собой дверь.

Тем временем приоткрылась дверь соседнего купе, в коридор выглянул мужчина и уставился на Кильона и Мероку.

– Здесь что-то случилось? – грозно осведомился он низким, скрипучим голосом.

Грубое лицо выдавало в нем любителя побузить, а подозрительные глазки-бусинки – задиру, для которого вечер прожит зря, если не удалось ввязаться хотя

бы в одну драку.

– Нет, все нормально, – заверила Мерака, снова спрятав оружие под куртку.

– Где проводник? Он был здесь минуту назад.

– Мы его не видели, – заявил Кильон. – Наверное, он пошел обратно.

– Откуда ты знаешь, куда шел проводник, если не видел его? – Любитель потасовок выбрался в коридор и, судя по выражению лица, укрепился в своих подозрениях.

Он попытался заглянуть в купе, но Мерака плотно закрыла дверь.

– А там кто? Только что никого не было!

– Не твое дело, – отрезала Мерака. – Поверь мне на слово.

– А ну пусти меня! – Мужчина схватил девушку за плечо и вознамерился отшвырнуть к стене вагона.

Мерака не позволила. Она выхватила автомат и ткнула задиру под подбородок.

– Я же сказала, это не твое дело. Сказала ведь? – прошипела Мерака, задирая ему голову стволом.

Мужчина захрипел.

– Вам лучше вернуться в купе, – посоветовал ему Кильон, гадая, хватит ли Мераке транквилизаторов, чтобы утихомирить весь поезд.

Несмотря на любовь к дракам, тот понимал: под ду-

лом автомата не спорят. Он начал пятиться назад, по-прежнему хрипя.

В конце коридора показалась фигура. Кильону, который смотрел не на Мeroку и не на задиру, а дальше, понадобилась лишь секунда, чтобы узнать типа с перрона. В полумраке вокзала он казался вполне нормальным, зато в ярко освещенном вагоне на нормального совершенно не тянул. Кильон сперва даже не понял, что смотрит на ангела, – перед ним был серокожий упырь, труп, безуспешно изображающий живого.

Мeroка не растерялась. Она отдернула руку с автоматом, пнула любителя потасовок правой ногой и, лишив равновесия, толкнула на упыря. Даже в пальто худой как щепка, тот оказался на удивление сильным и ловким. Плавно, как в замедленном кино, он вытащил блестящее оружие, которое они заметили у него на перроне. И так же неторопливо Мeroка опустила ствол автомата и прицелилась в упыря. Тот прятался за крупным задирой, придерживая его свободной рукой как щит. Кильон поднял ангельский пистолет.

Упырь открыл огонь первым, прямо через задиру, прострелив в его груди аккyратную сквозную дыру. Кильон отстранился, слева забил теплый фонтан из крови, дробленых костей и легочной ткани. В Кильона упырь не попал, но промахнулся лишь чуть-чуть. В следующий миг Мeroка дала в ответ оглушительную

очередь. Ее ствол полыхал голубым пламенем, стреляные гильзы падали сбоку. Тело несчастного любителя потасовок – он погиб мгновенно от выстрела упыря – превратилось в кровавое месиво. Мерака стреляла, пока не опустошила магазин. Упырь отступил и наконец выпустил труп-щит, испачкавший его пальто кровью и ошметками мертвой плоти. Он прижался к задней стене вагона и оскалил зубы в чудовищно неестественной улыбке, словно невидимые крючки растягивали уголки его рта.

За сизыми губами проглядывал тугой комок черного языка, будто чересчур много ужаса затолкали в слишком малое пространство.

– Я один из великого множества. – Его сухой, потусторонний голос напоминал шелест ветра среди деревьев. – А ты, Кильон, просто один.

Упырь выпустил свое оружие.

– Так ты с компанией? – осведомилась Мерака, бросая пустой магазин и вытаскивая запасной.

– Конечно.

– И где ж твои приятели?

– Вокруг вас. Убегать бессмысленно. – Упырь кашлянул – изо рта потекло вязкое, черное. – Нас слишком много. Теперь нам точно известно, где вы и куда направляетесь.

– А вот об этом вам вряд ли известно. – И Кильон

вскинул ангельское оружие.

Взгляд упыря упал на пистолет, и через мгновение на сером лице мелькнуло узнавание.

– Здесь внизу он не...

Кильон выстрелил. Пистолет дернулся – получилась не столько отдача, сколько движение оружия, пробудившегося от сна. Из ствола вылетел малиновый луч, достаточно яркий, чтобы оставить на сетчатке Кильона следовой образ. Луч пронзил упыря и буквально тотчас же превратил половину его в черную головешку. Мгновение спустя Кильона настиг запах.

А с ним – понимание того, что он убил в третий раз.

Глава 4

Они потащили ангела к ближайшей наружной двери. За ним тянулся липкий черный след и хлопья пепла, как от сожженной газеты. Если на трупе имелись ценности – оружие или приборы, которые могли пригодиться, – от них пришлось отказаться.

Мерока открыла окно и потянулась к дверной ручке. Теперь она толкала дверь против ветра. Поезд мчался по решетчатому мосту. Давным-давно некий катаклизм создал в этом месте расселину в черной породе Клинка, пробив коническую трещину до выступа следующей зоны. Мерока вытолкнула труп в дверной проем, и Кильон заметил, как тот падает в брешь между рельсами и исчезает в черной пустоте под мостом. До поверхности лететь многие лиги; когда упырь об нее ударится, опознавать будет некого. Кильон представил, как озадачит труп его коллегу, молодого амбициозного патологоанатома из конеградского морга.

Они возились со вторым трупом, когда открылась дверь среднего купе и в коридор ввалились подвыпившие бизнесмены. Выглянула и пароградская мать из купе по соседству. Оцепенев от ужаса, они взирали на Мероку с Кильоном, труп и следы кровавой бойни.

– Разойтись! – скомандовала Мерока.

Все вернулись в свои купе.

– Не надо сбрасывать его с поезда, – проговорил Кильон.

– Тебе-то что?

– Он случайная жертва. Если упадет на выступ следующей зоны, никто не узнает, что с ним случилось. А если оставим труп в поезде, его найдут.

– Вместе с отпечатками твоих пальцев.

– Это меня не особо волнует.

Кильон не собирался пояснять, что отпечатки пальцев у него намеренно заурядные – папиллярный узор едва определишь.

Погибшего любителя потасовок они кое-как пристроили на лавку в пустом купе. Неестественная поза, в груди дыра – сразу видно, на сиденье труп, но теперь он хотя бы в коридоре не валялся.

– До остановки еще десять минут, – объявила Метрока, глянув на часы. – Пойдем-ка поищем пустое купе в другом вагоне.

– Думаешь, в поезде есть еще ангелы?

– Не видела я таких ангелов, как тот хмырь. У него даже крыльев не было! Ты точно знаешь, кто за тобой гонится?

– Нам попался ангел, но не такой, как парят в вышине, – сказал Кильон, когда они двинулись в хвост поезда. – Ангелы годами искали способ существова-

ния за пределами Небесных Этажей. Нам встретился упырь, их агент глубокого внедрения, хирургически и генетически приспособленный для жизни на Неоновых Вершинах.

– Мне он полудохлым показался.

– Он умирал с момента попадания в нашу зону. Но его тело здесь действовало, а это для ангелов колоссальнейший прорыв.

– А ты про ангелов много знаешь.

– Узнаешь тут! На меня же охоту объявили. – У туалета Кильон остановился. – Мерока, я лицо ополосну, смою всю эту гадость, ладно?

– Только не засни там.

Он заперся в туалете. Зеленовато-желтый свет зажегся автоматически. Кильон снял шляпу, очки и посмотрел в зеркало – хотелось сравнить себя с упырем и убедиться, что разница огромная. Попав на Неоновые Вершины, он первое время и среди бела дня не отличался от людей. Но вынужденная ссылка затянулась, и естество понемногу брало свое. Начали выпадать волосы – Кильон стал бриться наголо; посинела радужка – помогли тонированные очки. Он смыл мылом кровавые брызги, промокнул лицо жесткими бумажными салфетками и, еще раз глянув в зеркало, убедился: кожа превращается в прозрачную пленку, обтягивающую череп диковинной формы. Кильон до-

статочно долго жил среди людей, чтобы понимать, как странно выглядит в последнее время.

Полупокойником.

Он завернул руку за спину и через одежду потрогал место, где следовало быть жесткому выступу лопатки. Вместо него нащупывалась мягкая злокачественная опухоль-«почка». Точно такая же симметрично располагалась с другой стороны.

Он годами спасался химиотерапией, накачивался коктейлем лекарств, чтобы замедлить обратную мутацию. Когда перестало помогать, обратился к Фрею. Нелегальные операции, проводимые в убогом флигеле «Розового павлина», не давали прорезающимся крыльям прорасти. Каждые двенадцать месяцев крылепочки тщательно срезались, раны зашивались и перевязывались. Потом рост крыльев ускорился, операции пришлось делать каждые шесть месяцев, потом каждые три.

На этот раз ее не успели сделать в срок.

Когда Мерака и Кильон сошли с поезда, тепловоз уже сменили черным паровозом, пыхтящим, как дракон. На следующем участке пути поезд повезет он. Замена происходила как по часам: одна и та же процедура повторялась веками.

– Может, зря мы сошли, – засомневался Кильон, ко-

гда они с группой других пассажиров брели к зданию вокзала.

– По-любому рискованно, – пожалала плечами Мерака. – Сейчас мы, по крайней мере, не заперты в поезде, как в клетке.

Откуда-то сзади донесся вопль, за ним – крики и нарастающий ропот толпы.

– Кажется, труп обнаружили. – Кильон вздрогнул, но постарался не сбиться с шага.

– Глянь-ка, что там, – глухо проговорила Мерака.

Кильон опасливо глянул через плечо. У вагона, в котором отгремела бойня, толпились железнодорожники и пассажиры, в том числе и подвыпившие бизнесмены. Люди громко кричали, показывали пальцами. Седоусый мужчина в форме свистком подал условный сигнал, резкие звуки эхом отражались от высокой металлической крыши вокзала. Из задней двери вагона появились двое, поддерживающие толком не оклемавшегося проводника.

– Вон они! – завопил один их бизнесменов, указывая на Мераку и Кильона. – Они ехали в нашем вагоне! Это они убили того мужчину!

Кильон медленно обернулся, изображая искреннее недоумение: мол, он понятия не имеет, в чем его обвиняют.

– Вы что-то хотели сказать... – начал он, сам чув-

ствуя фальшь.

– А ну стоять! – гаркнул чернобородый тип в форме – старший проводник, начальник станции или агент железнодорожной полиции.

Он неспешно приближался к Кильону и Мереке, на ходу отстегивая что-то от пояса. Длинноствольный табельный револьвер! Бородач сжал его обеими руками и прицелился в подозреваемых.

– Стой, не то стрелять буду! – провозгласил он, подражая герою боевика.

– Дело труба, – вздохнула Мерека и снова полезла за оружием.

– Хватит убивать, пожалуйста! – взмолился Кильон. Бородач пальнул в воздух, спугнув с крыши птиц и летучих мышей. Темные крылья так и захлопали.

– Последнее предупреждение. Остановитесь немедленно!

Мерека что-то в него швырнула, и на миг Кильону показалось, что это леденец или стеклянный шарик. «Леденец» приземлился у бородача под ногами. Грохнул взрыв, и в воздухе стал сгущаться удушающий голубоватый дым. Для большей надежности Мерека метнула в толпу еще одну гранату, затем развернулась и бросилась бежать. Кильон кинулся следом. В левой руке у него болталась докторская сумка, правой он судорожно сжимал выхваченный из кармана ан-

гельский пистолет. Они промчались по перрону и через широкую дверь нырнули в выложенный черно-белой плиткой зал ожидания. Там ночные пассажиры встревоженно прислушивались к шуму снаружи. Самым бдительным оказался железнодорожный чиновник, который только что повесил трубку настенного телефона. Увидав беглецов, он храбро бросился им наперерез. Мерака вытащила автомат и пальнула по плиточной мозаике над распахнутой дверью. Осколки дождем посыпались на чиновника, прикрывшего глаза руками. Кильон рискнул оглянуться еще раз. Бородач с табельным револьвером отстал несильно, хотя слегка спотыкался на ходу, явно пострадав от дыму-вухи. Он на миг замер, наклонившись вперед – одна рука на колене, другая сжимает револьвер, – и снова бросился в погоню. Его нагоняли другие железнодорожники и несколько зевак.

Внимание Кильона привлек один из пассажиров в зале ожидания. С непоколебимым спокойствием тот свернул газету, положил на соседнее пустующее сиденье и медленно поднялся. Он был в длинном сером пальто с поясом, широкополой шляпе и лакированных туфлях. Упырь не спеша опустил руку в черной перчатке в карман, словно нащупывая зажигалку.

Ангельский пистолет Кильон держал наготове, но стрелять не рискнул. В зале ожидания было немногочисленно.

людно, но несколько человек все же оказалось как раз между Кильоном и упырем. А тот медленно выбирался из зоны отдыха. Уголки его черного узкогубого рта ползли вверх.

Мерока рванула Кильона за руку и поволокла за собой. Табельный револьвер гроыхнул снова, но они были уже на улице. Их встретил холодный дождь – грязные струи воды, стекая с верхних зон, хлестали по лицу. На миг мир превратился в столпотворение такси, трамваев, трассовых машин и автобусов. Кильон словно остолбенел. Взгляд Мероки остановился на одном из такси. Она ринулась прямо на него, вынудив водителя резко затормозить, чтобы не сбить ее. Распахнула пассажирскую дверь и не двигалась с места, пока Кильон не упал на заднее сиденье с левой стороны. Потом забралась следом, захлопнула дверь и велела таксисту жать на газ.

– Куда направляемся? – обернувшись, спросил водитель.

От пассажиров его отделяла стеклянная перегородка.

– Просто езжай, – бросила Мерока.

Кильон оглянулся. Упырь выбрался из здания вокзала и неспешно брел к другим такси. Когда они сами тронулись с места, трассовый автобус развернулся и загородил обзор. Потом автобус отъехал, мигнув

напоследок огнями фар сквозь пелену дождя. Таксист все спрашивал, куда именно они направляются, а Мерека отбивалась фразами вроде: «Главное – подальше от вокзала».

Кильон оторвал взгляд от зеркала заднего обзора, вытащил десятку и постучал в стеклянную перегородку:

– Мы вам заплатим. Вот, держите аванс.

Таксист просунул руку в отверстие в перегородке и выхватил купюру.

– Все равно я должен понять, куда ехать.

– Давай направо, – скомандовала Мерека.

Таксист резко повернул, сдвигая контактный башмак на объездную трассу. Машина дернулась за башмаком и покатила вдоль дешевых отелей и жилых домов. Эту часть Неоновых Вершин процветающей не назовешь, слишком близко от края зоны. Состоятельные люди селились подальше от границы – так риск угодить в зональный сдвиг намного меньше.

– А теперь налево, – продолжала давать указания Мерека.

Такси рвануло влево, вливаясь в плотный транспортный поток. Едва свернули за угол, Кильон заметил горящие фары машины, выезжающей на боковую дорогу.

– Мне кажется, за нами следят, – проговорил он.

– Кажется или следят? – уточнила Мерака.

– Я видел упыря, спешащего к такси. За нами хвост.

– Давай снова направо, – велела Мерака таксисту.

Тот покачал головой:

– Нельзя. Там слишком близко к границе.

Мерака постучала стволom по стеклянной перегородке:

– А ты все равно сверни.

Глянув на пушку, таксист лишь равнодушно пожал плечами, словно такое случилось как минимум раз за смену.

– Думаете, это поможет? Через пару кварталов мы попадем в неэлектрифицированную зону.

– Маховики и батарейки у машины есть?

– Конечно.

– Тогда делай, что говорят.

Направо таксист свернул на следующем перекрестке – нырнул в проулок между брошенных домов и пустырей. Теперь трясло куда сильнее, причем не только из-за плачевного состояния асфальта. Многолетний слой грязи и мусора плотно набился в колею. Машин сюда ездило недостаточно, чтобы очищать электрическую цепь. Такси неслось вперед: когда тяговый ток перестал поступать на контактный башмак, за дело судорожно взялся маховик. Кильон оглянулся. Они уже достаточно углубились в проулок, а с главной ули-

цы никто больше не свернул. Может, он ошибся на счет второго такси? Он облегченно выдохнул.

Проулок осветили фары.

– Это они!

– В какой стороне граница? – спросила Мерака таксиста.

– Прямо по курсу.

– Вот и двигай туда. А ты, Мясник, попробуй вырубить хвост, покажи, насколько ты крут.

Трясущимися руками Кильон открыл окно.

– Я не могу стрелять по такси. Что, если попаду в водителя?

– Так импровизируй, мать твою! – Мерака впиалась в него свирепым взглядом. – Есть трасса, на трассе колея. Попробуй ее вырубить.

Кильон вытащил ангельский пистолет, развернулся и с опаской высунулся из левого окна. Второе такси понемногу нагоняло их, мигая фарами на обесточенных участках. Когда ток появлялся, из-под башмака летели голубые искры. Такси Кильона тряслось и дергалось – как тут прицелиться в колею! Он собрался, прицелился и осторожно нажал на курок. Поджилки затряслись: сейчас вылетит малиновый луч. Не вылетел. Кильон снова спустил курок. На сей раз луч появился, но будто тусклее, чем раньше. Вместо колеи выстрел пришелся на асфальт, выбив яму разме-

ром с канализационный люк. Кильон прицелился снова и выстрелил в другую колею. Пистолет бездействовал. Кильон спустил курок еще два раза. Луч вылетел, но почти тут же погас. Кильон свалился на сиденье. Он вроде бы попал в колею, но преследователи проскочили поврежденный участок благодаря маховику и инерции.

– Что-то не так. – Кильон потрянул пистолет, словно это могло помочь. – Он выдыхается, хотя заряда должно было хватить еще на несколько часов полноценной работы.

– Так спроси его! – Мерака уже открывала окно со своей стороны.

Высунувшись, она пальнула из автомата, не заботясь о том, попадет ли в колею или в такси. Очередь – и магазин опустел. Девушка заменила его, вытащив из-под куртки полный. Грянул выстрел, в заднем оконце такси появилась аккуратная дырочка, окруженная белой паутиной трещин.

– Все, это уже не прикольно! – завопил таксист. – Вылезайте, платить не надо! И десятку свою заберите!

– Остановишь – застрелю, – процедила Мерака, повернулась к окну и, высунувшись, снова открыла огонь.

Стреляя она прямо из салона, Кильон точно оглох

бы.

– Ты не работаешь, как положено, – обратился он к пистолету. – В чем дело?

– Предыдущие выкладки основывались на зональной стабильности, – медленно ответил тот; голос звучал глухо и неестественно. – Фиксирую переход в нижнюю зону. КПД при режиме энергопотребления... в данный момент... составляет двадцать два процента... и снижается. Я приду в нерабочее состояние... через тридцать пять... минут. Функциональность... значительно уменьшится... через восемь минут. Для поддержания оптимальной функциональности... я отключаю... все... вспомогательные функции... все вспомогательные функции... все вспомогательные функ... функ... функ...

Пистолет умолк.

В их такси попали еще дважды. Мерака ответила очередью. Кильон высунулся в окно со своей стороны и жал на курок до тех пор, пока пистолет не выпустил малиновый луч. В дорогу он попал или в преследователей – Кильона это уже не волновало. Пассажир того такси хочет его убить – это перевешивало все контраргументы.

Вдруг такси круто взяло влево. Мерака отстранилась от окна и в очередной раз сменила магазин.

– Я что, велела поворачивать влево?

– Там колея кончалась, – пояснил таксист.

– Поворачивай вправо!

Мерока высунулась в окно и снова открыла огонь.

Таксист крутанул руль вправо, контактный башмак оторвался от колеи, и такси рвануло вперед на аккумулярованной энергии маховика. Их обстреливали справа – пули так и стучали в дверцу, – потом им удалось укрыться в темном проулке. Первое время маховик давал им преимущество, но его затихающий гул подтверждал: они неуклонно теряют скорость. Кильон рискнул обернуться и не удивился, увидев, как другое такси съезжает с трассы, как тускнеют обесточенные фары. Высунувшись из окна, он попробовал стрелять из ангельского пистолета. Лишь с шестой или с седьмой попытки пистолет полыхнул малиновым, но луч погас, не коснувшись машины преследователей. Такси Кильона сбавило скорость: водитель объезжал машины-развалюхи, брошенные на пустынной улице. Бампер душераздирающе визжал, «целуя» металлические бока развалюх. При каждом «поцелуе» такси теряло скорость: маховик не мог разогнать машину до прежнего уровня. Утешало только то, что второе такси приближалось к той же полосе препятствий.

– Дальше не поеду. – В голосе таксиста слышалось отчаяние. – Хоть казните меня! Мы вот-вот окажемся на нейтральной территории. Еще секунда – и это по-

чувствуется.

– Не останавливайся. – Мерака была неумолима.

– Я вырублюсь. Плохо переношу зональные сдвиги.

Кильон отложил ангельское оружие – неизвестно, пригодится ли оно еще, – запустил руку в докторскую сумку и вытащил пузырек. Высыпал на ладонь шесть белых таблеток и протянул через отверстие в стеклянной перегородке:

– Возьмите! – Кильон надеялся, что его голос звучит властно и убедительно.

– Хочешь меня отравить?

– Это антизональные. Границу зоны вы пересечете в любом случае. Таблетки не помешают.

Мерака схватила две таблетки для себя.

– Делай, как говорит этот добрый человек, – посоветовала она таксисту.

Придерживая руль одной рукой, таксист поднес таблетки к губам, на миг замер, потом разом проглотил.

– Нам нужно пересечь границу, – пояснил Кильон. – Потом можете вернуться на Неоновые Вершины. Таблетки нейтрализуют побочные эффекты перехода.

– Мне уже не по себе, – пожаловался таксист.

– Это от предстоящего перехода, а не от таблеток. Они подействуют через пару минут.

Электрочасы на руке у Кильона зазвенели, изве-

щая о скором переходе. Физиологически он тоже ощущался все сильнее. Голова кружилась, потоотделение усилилось, пульс подскочил. Переход с Неоновых Вершин в Пароград – пустяки по сравнению с муками ангела, падающего с Небесных Этажей. Кильон искренне надеялся, что переход доконает упыря, ослабленного пребыванием на Неоновых Вершинах. Впрочем, ангельское прошлое имелось не только у упыря, но и у Кильона. Он не представлял, как вынесет переход, и уповал на выносливость, врачебный опыт и арсенал лекарств в своей сумке. Этого должно было хватить.

Жалобный визг маховика превратился в стон. Такси ползло по дороге раза в два медленнее, чем на колее. К концу дороги редкие строения окончательно уступили место пограничной пустоши. Ни одного невредимого дома – уцелевшие при последнем зональном сдвиге пали жертвами непогоды, гнили, огня, а также бесстрашных мародеров, – остались только голые остовы. Пустошь тянулась в разные стороны, более-менее повторяя контур некрутого склона. За ее дальним краем виднелись предместья Парограда – темная полоса низких зданий, освещенных преимущественно газовыми фонарями.

Кильон оглянулся, надеясь, что погоня захлебнулась, но второе такси по-прежнему следовало за ними

и даже немного сократило отставание. Из-за разбитой, почти не годной для использования дороги преследователи двигались не быстрее бегущего человека. Автотранспортом через границу обычно не ездили. В основном использовали поезда, лифты и другие виды транспорта, приспособленные для многократных пересечений.

Кильон напрягся. Ощущение перехода усилилось, к горлу подступила тошнота. На миг Кильона сковал космический холод, словно в каждой клетке тела открылась дверца, пропуская вселенский сквозняк. Такси накренилось, на мгновение замерло, потом поползло дальше. Неприятные ощущения притупились, зато теперь чувствовалось: изменилось что-то принципиальное. Неоновые Вершины Кильон покинул впервые за девять лет.

– Мне плохо, – пожаловался водитель.

– Пройдет, – пообещал Кильон. – Двигайтесь дальше.

Вдруг откуда-то из-под пола раздался металлический скрежет. Такси дрогнуло, скорость стала ниже пешеходной.

– Маховик отказал, – объявила Мерака. – Не справился со сменой зоны. Переключаемся на батареи.

Таксист сдвинул рычажок на приборной панели:

– Переключился. Надолго батарей не хватит.

Дальше поползли под пронзительный визг электропередачи. Еще одна пуля угодила в багажник такси и скрикошетила во тьму. Мерака высунулась в окно и выпустила очередь, которая на этот раз внезапно оборвалась. Девушка откинулась на спинку сиденья и, стиснув зубы от напряжения, подергала рычажок затвора. Затем снова высунулась в окно и нажала курок. Автомат дал короткий залп и замолк.

– Все отказывает! – посетовала Мерака и, отшвырнув оружие, вытащила из-под куртки большой черный револьвер.

– По-моему, они тормозят, – заметил Кильон.

– Стрельни-ка еще разок из ангельской пушки.

Кильон высунулся в окно, нажал курок, потом еще раз и еще – безрезультатно. Бесплезный пистолет захотелось вышвырнуть, но, не поддавшись порыву, Кильон сунул его в карман. Переход в нижнюю зону губителен для большинства технических устройств – они ремонту не подлежат, но Кильон знал, что ангельское оружие способно восстанавливаться, хотя бы на время.

– Они тормозят, – проговорил Кильон. – Может, наконец решили... – Он осекся.

Передняя дверь второго такси распахнулась, и из салона выбрался упырь. Он неуклюже замер возле машины – точь-в-точь большой серый паук. Водитель

такси исчез.

– Что ты сказал?

Упырь забрал из салона шляпу, водрузил ее на лысую серо-зеленую голову и пошел в их сторону. Он двигался, как на шарнирах, выбрасывая вперед длинные ноги, словно механическая кукла. Через каждые несколько шагов упырь поднимал револьвер и стрелял по такси Мерики и Кильона.

– Он догоняет нас, – предупредил Кильон.

– А ну стой! – велела Мерика водителю.

Тот обернулся и изумленно переспросил:

– Остановиться?

– Сказала, остановись! – Для пущей убедительности девушка пальнула через стеклянную перегородку.

На приборной панели появилась дымящаяся дыра. Водитель рывком убрал руки с руля, и такси со скрипом остановилось.

Мерика распахнула дверцу со своей стороны, – держась за ручку, наполовину высунулась из салона и разрядила в упыря револьвер. Серая фигура покачнулась, уронила шляпу, но равновесие удержала. Упырь хромал дальше, правая нога волочилась по земле, лодыжка неестественно вывернулась, выражение лица в полумраке не разглядишь. Пули забарабанили по двери, одна вдребезги разнесла окно. Мерика словно ничего не видела и не слышала. Она невозмути-

мо раскрыла барабан револьвера и принялась его перезаряжать. Прервавшись на мгновение, девушка пошарила под курткой и протянула Кильону маленький изящный револьвер – ни дать ни взять дамский.

– Он заряжен?

– Взведи курок один раз – и можно стрелять. Найдешь курок?

– Постараюсь.

– А для меня что-нибудь найдется? – поинтересовался таксист из-за разбитой перегородки.

– Найдется, – отозвалась Мeroка. – Добрый совет. Не высывайся, мать твою!

Мeroка снова открыла огонь, – резко приподнимаясь, она стреляла через разбитое окно, длинный ствол револьвера дергался в такт каждому рывку. Пули дырявили одежду и тело упыря и тонули в нем, как галька в глубоком озере. Кильон высунулся в окно с другой стороны, выстрелил из «дамского» револьвера – отдача у него была совсем не слабая – и почувствовал, что стреляет в нечто бесплотное, призрачное.

Стало казаться, что им по силам лишь задержать упыря, но тот вдруг споткнулся: выстрел Мeroки снес ему полруки с револьвером. Упырь наклонился, поднял револьвер целой рукой и заковылял дальше, продолжая стрелять. Он прошел уже полпути от брошен-

ной машины.

– Что это за звук? – насторожилась Мерака, перезаряжая револьвер.

– Какой еще звук?

– От ангельской пушки.

Поглощенный перестрелкой, Кильон ничего не замечал вокруг, но после слов Мераки прислушался. Ангельский пистолет лежал на заднем сиденье такси – наверное, выпал у Кильона из кармана. И жужжал, словно внутрь залетела злая оса. Кильон накрыл пистолет ладонью и тотчас отдернул руку, невольно вскрикнув: таким раскаленным тот оказался. Жужжание усилилось. Прежде невидимые стыки засияли розовым.

– С ним надо что-то делать, – проговорила Мерака.

Кильон отложил револьвер, нащупал в кармане пальто носовой платок, обернул им руку и схватил жужжащую штуковину. Тепло мгновенно проникло через ткань. Пистолет дребезжал, грозя вот-вот рассыпаться на куски. Кильон уже подался вперед, готовясь швырнуть ангельское оружие в упыря, как дрожание прекратилось. Пистолет не остыл, но больше не жужжал.

– Мясник, бросай эту чертову хрень! – заорала Мерака. – Бросай, пока мы все не подорвались на ней!

Но Кильон только крепче сжал пистолет. Как теперь

выглядело ангельское оружие, сказать было трудно – оно еще было скрыто под носовым платком. Но сомнений не оставалось: пистолет преобразовался, настроившись на более примитивную форму существования.

Кильон прицелился в упыря и нажал на спуск. На этот раз выброса энергии не было, зато был результат. Целился Кильон не очень хорошо, но, выстрелив, почувствовал, как дернулся пистолет. Появилась отдача, послышался грохот пули, вылетающей из ствола.

Воцарилась тишина. Упырь словно исчез.

Выждав минуту, Мeroка вылезла из салона и опасно приблизилась к месту, где в последний раз видели своего преследователя. Она держала на изготовку большой револьвер. Кильон выбрался из машины со своей стороны и двинулся следом за девушкой.

– Думаешь, он погиб?

Носком ботинка Мeroка подцепила розово-серый кусок грязной плоти и отшвырнула его подальше.

– Однозначно, Мясник.

– Я не ждал, что он так долго протянет.

Кильон глянул на разлетевшиеся останки, мысленно складывая из них то, что можно было опознать. В сущности упыря он уже разобрался. Генетическая модификация и хирургическое вмешательство приспособ-

собили его, изначально ангела, к жизни под Небесными Этжами. Кильона подвергли аналогичным принудительным процедурам, но в его случае они проводились куда тщательнее. Если над ним работали как над хронометром, то над упырем – как над одноразовой зажигалкой.

– По-твоему, он камикадзе? – спросила Мерака.

Кильон по-прежнему сжимал ангельский пистолет.

Рука у него дрожала.

– Почти наверняка.

– Зачем они спускаются сюда? Понимают ведь, что погибнут?

– Думаю, дело в вере. В горячем убеждении, что они поступают правильно, служат истине. Убеждение это, скорее всего, усилено некоей формой психохирургической обработки. – Кильон остановился, высматривая в лице девушки признаки того, что ей известна его сущность. – Это похоже на правду.

– А ты неплохо осведомлен о возможностях ангелов.

– Конечно, врага нужно знать в лицо.

Мерака нашла еще один кусок плоти и раздавила его ботинком.

– Кстати, ты молодец. Правильно сделал, что не слушал меня и не выкинул ангельскую пушку.

– Давай запишем это для памяти, а?

– Не зарывайся, Мясник! – посоветовала Мерака, согнулась пополам, и ее вырвало на останки упыря.

Глава 5

Трясаясь на деревянной полке второго яруса оглушительно гремящего вагона, Кильон крепко прижимал к себе докторскую сумку – это было единственное напоминание о последних девяти годах его жизни. К поезду они с Мерокой целый час брели пешком, бросив несчастного таксиста на произвол судьбы: пусть сам возвращается на Неоновые Вершины. Вагон освещался газовыми лампами. Немногочисленные пассажиры верхнего яруса зябко кутались в пальто и шарфы. Над окнами висела черно-белая реклама мыла, снадобий от простуды и хандры. Все препараты были Кильону незнакомы. До Неоновых Вершин были считанные лиги, а казалось, он уехал на край света.

– Планы меняются, – объявила Мерока. – На поездах теперь слишком опасно. Придется спускаться по Клинку иначе.

– Что будем делать? – спросил Кильон, крепче прижимая к себе докторскую сумку.

– Отправимся в купальню. Там разыщем Тальвара. Это друг и деловой партнер Фрея. Он его пароградский представитель, Фрей-то сейчас с Вершин почти не спускается.

– Ему можно доверять?

– Почему бы и нет?

– Сколько я ни говорил с Фреем, что-то не припомню, чтобы он хоть раз упоминал Тальвара.

– Тальвар надежный, он нас не кинет.

Кильон уставился в окно. Упадок сил и недомогание после перехода отбили желание продолжать разговор. Нужно довериться Тальвару? Ладно, он готов. Доверился же Мероке и Фрею, если уж на то пошло. Никогда прежде Кильон не чувствовал такой безысходности.

Поезд полз со скоростью чуть выше пешеходной. Мимо окон проплывали здания, общий вид которых не слишком отличался от архитектуры строений Неонных Вершин. Только огни были желтыми, тусклыми, дрожащими, там и сям использовался светильный газ. Ни холодного ровного сияния телевизоров, ни сочного розового неона, ни фиолетовых вспышек трассовых машин и электропоездов видно не было. Электричество в Парограде существовало – нервная система Кильона не давала сбоев, а значит, подтверждала это, – но оборудование, необходимое для его производства и распределения в нужном объеме, работало нестабильно. Зато энергия пара и газа до сих пор широко применялась. Кильон знал о попытках подать электричество из другой зоны, чтобы износо-

устойчивое оборудование работало и в Парограде. Но каждая из тех попыток и все подобные, предпринимаемые в других зонах, кончились ничем. «Что работает, то работает» – так издавна говорили на Клинке.

Стуча колесами, поезд катился из квартала в квартал, и вскоре признаков жизни и цивилизации прибавилось. Трещины сменились ухоженными домами, перед каждым – островок желтоватого света от высоких черных фонарей на дороге. За окнами мелькали пешеходы и всадники: даже в поздний час улицы не пустовали. Мерака выбрала правильный наряд: ее вид не привлекал внимания ни в той зоне, ни в этой. Кильон решил, что и он с одеждой не промахнулся, хотя получилось так скорее случайно, чем по расчету. Весь в черном – длинное пальто, шляпа, неприметная сумка, – он думал, что похож на священника, возвращающего заблудшее дитя в лоно церкви.

– Покажи мне ангельскую пушку, – попросила Мерака.

Кильон вытащил из кармана пистолет. Тот был еще теплым, но не горячим, как прежде. Кильон опасливо развернул носовой платок и показал пистолет Мераке, держа его на коленях, чтобы не увидели другие пассажиры.

– Он чем-то стрелял, – проговорил Кильон. – На этот раз не лучом, а чем-то вроде пули.

– Ну, пуля не пуля, а ту тварь расколошматило здорово. По-моему, там было что-то осколочно-фугасное.

– Кажется, разума в пистолете не осталось. Теперь это просто металлический предмет. Наверное, он больше не переродится. Способен ли он стрелять и сколько раз, понятия не имею.

– Надо показать пушку ангелам, они жутко умные. И чего только ум свой с толком не используют? Почему нам всем жизнь не облегчат?

– Не такие они и умные, – осторожно заметил Кильон.

Пару промахов он уже допустил. Обронил, например, что девять лет прожил «тут, внизу». Мерака вроде бы не заметила, но такие ошибки Кильон очень старался не делать и теперь тщательно подбирал слова:

– Они дружат с техникой, мастерят игрушки вроде этого пистолета. Порой кажется, они создали новинку, нечто, прежде не существовавшее, хотя так получается очень редко. А на самом деле ангелы углубляются в прошлое, на века, а то и на тысячелетия, и выискивают чужие открытия. Ничто не ново под луной, и если спросить ангела, как этот револьвер установил со мной кровную связь или как он переродился, вряд ли получишь внятные ответы.

– Тогда ангелы не умнее остальных. У них лишь иг-

рушки ярче.

– Да, вроде того.

– Мясник, а ты бывал у них?

– На Небесных Этажах? – уточнил Кильон, озадаченный прямоотой ее вопроса. – Нет, повода не было.

– Что, никогда сильно не болел и не нуждался в их лекарствах?

– Я здоровее, чем кажусь. – Кильон завернул платок в носовой платок и сунул в карман. – А ты там бывала?

– Таблетки их мне даром не нужны. Да я в рожи им выплюнула бы, если бы одну ненароком проглотила! Лучше сдохну, чем позволю гадам до меня дотронуться!

– Фрей тоже так считает?

– Ты же дружбу с ним водишь, вот и спроси сам.

– Боюсь, шанс я упустил, – заметил Кильон.

– Да, пожалуй. Но ведь ты давно с ним знаком. Кстати, как давно?

– Только не говори, что вдруг мной заинтересовалась.

– Меня интересует прошлое Фрея, ты лишь часть головоломки. Ты его поставщик или один из них, это я вычислила. Но когда вы с ним снюхались? И зачем тебе Фрей, зачем ты дурь ему поставляешь?

Кильон поморщился. Что именно известно Мероке

о его прошлом? И что еще она пытается выяснить? Что мог поведать Мероке Фрей, ведь абсолютно все, помимо основных фактов, стало бы вопиющим предательством?

– Полагаю, тебе известно, чем прежде занимался Фрей.

– Ты о его коповском прошлом? Нашел секрет! Его жетон и сейчас висит за стойкой в «Розовом павлине». Ты фигурировал в его расследовании?

– Вроде того. – Кильон вздохнул, понимая, что таким ответом любопытство Мeroки не унять. – Фрей расследовал убийство, вел дело, которое в его отделе фактически забросили. Труп обнаружили на складе лекарств во Втором округе. На дне лифтовой шахты... Вот в том деле я и фигурировал.

– Как свидетель или как подозреваемый?

– И как тот, и как другой. Ту женщину в шахте я не убивал, но Фрей недаром подозревал меня. Я убил двоих. – Кильон ждал презрения или восхищения – хоть какой-то реакции, но Мeroка хранила молчание. – Я уничтожил их, потому что они погубили дорогого мне человека. Женщину.

– И Фрей все это раскопал?

– Он выяснил, что случилось. Я изложил ему свою позицию. На тот момент делом занимался он один, и никто не знал, как далеко он продвинулся в рассле-

довании.

– Ты хочешь его убить?

– Хватит уже убийств! Я врач, я должен возвращать к жизни, а не отнимать ее.

– А, так вот почему ты так рвался прибрать к рукам блестящую ангельскую игрушку!

– Времени на размышление не хватило. Уж прости, если в чем ошибся, – пожал плечами Кильон и снова замолчал, ожидая хоть какой-то реакции. – Вскоре после того Фрей уволился из полиции. Занялся, так сказать, расширением поля деятельности и понял: в другие зоны придется переходить куда чаще прежнего. Я имел возможность снабжать его морфаксом фармацевтической степени чистоты, гораздо сильнее и чище того, что он мог добыть в других местах.

– Так дело в банальном крышевании? Ты продавал ему краденые наркотики, а он держал рот на замке.

– Нет, все не так просто, – покачал головой Кильон. – Фрей помогал мне, постоянно помогал. Я обязан ему не только свободой. Поэтому на этот раз и пришел в «Розовый павлин».

– И чем же он тебе помогал?

Про крылья Кильон рассказать, конечно, не мог. О том, как крылопочки отрезались, раны зашивались, как от боли – операцию проводили под слабой местной анестезией – он метался и корчился на импрови-

зированной операционном столе, пока Фрей орудовал стерильным ножом... И все это с пониманием того, что крылья начнут отрастать практически мгновенно, а боль придется терпеть все чаще и чаще.

Ничего этого он рассказать не мог.

– Фрей помогал опережать тех, кто меня искал, только и всего.

– Похоже, от вашей договоренности выигрывал он.

– Нет, не он выигрывал, – проговорил Кильон.

Через несколько кварталов они сошли с поезда, сразу же попав в толпу ночных гуляк, высыпавших из баров, борделей и казино. Тех, кому не хватало ума уступить дорогу, Мерака расталкивала, а Кильон понуро брел по расчищаемому ею коридору. Жонглеры, глотатели огня и каталы развлекали народ каждый на свой манер. Размалеванная грудастая певица, забравшись на гору ящиков, голосила под аккомпанемент парового органа. Стоящая посреди улицы каллиопа³ играла мелодию по перфокартам, а органщик подбрасывал в печь растопку и следил за давлением пара. Кильон узнал песню: ее исполняла певица Блейд.

– Вот уж не думал, что здесь слушают Блейд, – уди-

---

³ *Каллиопа* – паровой орган; отличается громким, пронзительным звуком и не позволяет регулировать громкость – только высоту и длительность.

вился он.

– Нет, Мясник, ты все понял шиворот-навыворот. Песня старинная, а Блейд за нее ухватилась.

Кильон улыбнулся своему невежеству:

– Я понятия не имел.

– Чтоб ты знал, Клинок куда сложнее, чем кажется большинству. Кочевать из зоны в зону – это тебе не раз плюнуть. Я вот за свои странствия поняла, что Клинок наш – живой организм, внутри его все движется. Тебе ли не знать, что кочевая жизнь творит с телом.

– Да уж, мне ли не знать... – пробормотал Кильон, пробираясь вслед за Мерокой сквозь галдящую толпу. – Тебе ведь здесь нравится? В смысле, на Клинке?

– Да, черт подери! Сбегала отсюда пару раз, но что-то тянет меня обратно.

Каллиопа стояла перед светло-зеленым зданием с деревянной обшивкой, украшенным изысканным портиком и многочисленными красными балкончиками. Фасад освещала гирлянда бумажных фонариков пастельного цвета. Над входом резная ящерица изгибалась вокруг вывески, гласящей: «Купальня „Красный дракон“». Свет в окнах и клубы валящего из труб пара подтверждали, что заведение еще открыто.

– Нам сюда, – сообщила Мерока.

– Откуда ты знаешь, что Тальвар на месте?

– Тальвар всегда на месте, на то он и Тальвар. Это его фишка. – Девушка приостановилась. – Мясник, ты как, сильно брезгливый?

– Я патологоанатом.

– И то правда.

Мерока поднялась по ступенькам к входу и заговорила вполголоса со стоящим под портиком длиннорылым крепышом-портье. Тот оценивающе глянул на Кильона и кивнул, пропуская обоих в купальню. Девушка явно знала дорогу. Она повела Кильона длинным коридором, вдоль которого располагались парные, раздевалки, бассейны. В удушливо влажном воздухе резко пахло ароматическими маслами и духами. Кильон уже почти сварился в своем пальто, лоб и шею усеяли капли пота. Он снял очки, протер запотевшие стекла и тотчас надел снова, пока Мерока не успела заглянуть ему в глаза. То и дело мелькали посетители в полотенцах – лоснящиеся от пота пузатые мужчины сенили из комнаты в комнату. Повсюду сновали мойщицы в длинных шелковых халатах, с волосами, собранными в пучок и скрепленными украшенными жемчужинами шпильками. Ни дать ни взять восковые фигурки!

В конце коридора располагался кабинет. Мерока постучала в дверь со стеклянной панелью и вошла. Внутри находились две женщины. Одна из них, пожи-

лая, в очках, сидела за дорогим письменным столом с обитой кожей столешницей и как раз обмакнула перо в чернильницу. Ее седые волосы были убраны назад и схвачены заколкой из расписанного цветами папье-маше. Перед ней стояла молодая мойщица – ее подбородок дрожал, на глазах закипали слезы. Судя по всему, Мерака с Кильоном явились в разгар служебной выволочки.

– Это послужит тебе уроком, Ицли, – проговорила седая. – Ступай, не будем больше об этом. Но учти: второй раз предупреждать не стану.

Девушка подобрала юбки и бочком двинулась к двери. Казалось, она катился на невидимых шасси.

– А, Мерака! – воскликнула седая. – Как чудесно, что ты снова порадовала нас своим присутствием! В купальне очень тебя не хватало.

– Простите, мадам Бистури, что не успела предупредить.

– Не думаю, что это что-то бы изменило. – Мадам Бистури сняла очки. – Позволь поинтересоваться, кто твой спутник?

– Его зовут Кильон.

– Вверх едете или вниз? – Мадам Бистури изучающе уставилась на Кильона. – Полагаю, что вниз: не похоже, что он бывал за пределами города. Снимите шляпу, сэр. Да и в темных очках вам, наверное, ниче-

го не видно.

– Нет, все в порядке, спасибо. – Кильон почтительно коснулся полей шляпы.

– Как пожелаете.

– Мы пришли... – начала Мерака.

– К Тальвару, – уверенно закончила мадам Бистури. – Конечно, к кому же еще!

– Разве для вас не лучше, что мы пришли не как посетители? Еще репутацию купальне испортим.

– Конечно, нужно довольствоваться и крохами утешения. Мистер Кильон – это ведь фамилия, да? – как вам ваша проводница? Скажу в ее оправдание, что Мерака не всегда была такой. Когда-то ее можно было допускать в приличное общество. Я, конечно, предупредила ее. Мне ведь уже доводилось такое видеть не раз и не два. Увы, она не послушала. – Мадам Бистури водрузила очки на нос и черкнула что-то в одном из лежащих перед ней раскрытых гроссбухов. – Не буду вас задерживать. Вы ведь к Тальвару пришли. Передадите ему мой привет?

– Непременно, – пообещала Мерака.

– Удачи вам в ваших странствиях, мистер Кильон, куда бы они вас ни привели.

– Спасибо, – ответил Кильон.

Они оставили мадам Бистури наедине с ее гроссбухами. Кильон молчал: пусть Мерака показывает, что

и куда дальше. Девушка привела его к неприметной двери с надписью «Только для персонала». Два лестничных пролета вниз – и вот они уже в подвале. Жара угнетала, свет газового фонаря едва сочился в окна под самым потолком. По каменным плитам Мерака подошла к тяжелой двери с круглым зарешеченным окном в верхней части. За стеклом трепетал неяркий оранжевый свет.

– Тальвар! – Девушка заколотила в дверь.

Оранжевый свет внезапно померк. За дверью воцарился мрак, послышались громкое шарканье и скрежещущие, свистящие хрипы. К дверному окну приблизился смутный человеческий силуэт с фонарем в руке. Металлическая решетка отодвинулась, раздался грубый голос:

– Мерака, сегодня я тебя не ждал.

Кильон узнал пароградский выговор – он был мягче и протяжнее, чем у жителей Неоновых Вершин.

– Мы нарвались на пару проблем, – пояснила Мерака. – Впустишь нас?

– А у меня есть выбор?

– Хочешь остаться человеком Фрея? По-моему, вопрос в этом.

– Тут без перемен.

Говоривший приоткрыл дверь и уставился на гостей. Из мрака выплыло лицо, подсвеченное фона-

рем и оттого еще более страшное. На Кильона смотрел дикий белый глаз в сморщенной глазнице. Второй глаз скрывала тень. Ритмичный скрежет, который Кильон принял за хриплое дыхание, вовсе им не был. Издавал его Тальвар, но сейчас он говорил, а скрежет не прерывался.

Тальвар посторонился, чтобы пропустить гостей. В главной бойлерной было еще жарче. Кильон с трудом разглядел бойлер, невысокий черный котел размером с домишко, всепоглощающего монстра, который не насытится, сколько растопки ни закладывая ему в пузо. Лабиринт прямых и обратных труб змеился к потолку, подавая пар во все отделения купальни «Красный дракон».

Тальвар быстро закрыл за собой дверь. Кильон даже не успел толком его рассмотреть.

– Да уж, нескучный у вас выдался вечерок, – протянул Тальвар.

– Ты-то откуда знаешь? – фыркнула Мерака.

– Об этом весь город болтает. В поезде нашли труп, что-то стряслось на вокзале по ту сторону границы.

– Ерунда.

– Хочешь сказать, что совершенно тут не замешана?

– Ну, может, самую малость. Скажем так: при эвакуации возникли непредвиденные сложности.

Глаз уставился на Кильона.

– При эвакуации этого джентльмена?

– Половина Небесных Этажей, черт бы их драл, за ним охотится.

– Особый клиент. – Голова одобрительно кивнула. – Чем же он так насолил ангелам?

– Его самого и спроси. Мы не с обычными ангелами столкнулись.

– В свое время необычные и мне попадались. – Тальвар повел их мимо бойлера, источающего тепло даже при закрытой топке. – Но это было давно.

Остановившись, он стучал ладонью по регулятору давления до тех пор, пока светящаяся стрелка манометра не вернулась к нужному делению. Удары получались гулкими, как от дерева по металлу.

– Эти из группы проникновения, – Кильон чувствовал, как сосет под ложечкой, – лазутчики, модифицированные для существования на Неоновых Вершинах. Без крыльев и механизмов в крови. Если не присматриваться, они ничем не выделяются из толпы. – Кильон нервно сглотнул. – Вы часто сталкивались с ангелами?

– Воевал с ними и убил несколько сотен, – равнодушно бросил Тальвар.

– Так вы кем-то вроде солдата были?

– Ага, кем-то вроде солдата, – эхом отозвался Таль-

вар. – Похоже, Мерака не рассказывала обо мне.

– Особо не распространялась.

– Ну, скоро сами разберетесь. О провод не споткнитесь.

– О какой провод?

– Тот, что из меня тянется.

Из главной бойлерной Тальвар провел их в пристройку, служившую ему квартирой. Дверь за собой он закрыл, но не до конца. Фонарь поставил на стоявший посреди комнаты стол и зажег свисавшую с потолка лампу помощнее. Нить накала становилась все ярче и постепенно разбавила тьму. Стол оказался круглым, на нем лежали карты – судя по прореженным рядам, какую-то игру не доиграли до конца, – тут же примостились стакан и высокая бутылка ликера со светло-коричневой этикеткой, которую Кильон не узнал. В комнате было чуть прохладнее, чем в примыкающей бойлерной, благодаря медленно вращающемуся потолочному вентилятору, который наверняка работал на пару. В одном углу было окошко для подачи еды, предположительно сообщавшееся с местной кухней, в другом – аккуратно заправленная кровать.

– Мое скромное жилище, – объявил Тальвар. – Присаживайтесь.

– Разговаривать нам особо некогда, – заметила Мерака. – Если хотим успеть в Конеград...

– Все равно присаживайся. – Глаз усталился на Кильона. – И ты, кем бы ты ни был.

– Я Кильон. – Он опустил на стул.

Мысли кружились в бешеном водовороте, но страх не следовало показывать ни в коем случае. Тальвар проковылял в другой конец комнаты и открыл буфет под окошком для подачи. Он поставил на стол еще два стакана и плеснул в них по порции ликера.

– Чем занимаешься?

– Я патологоанатом в морге Третьего округа на Неоновых Вершинах.

– Как же доктора угораздило вляпаться так, что пришлось бежать с Клинка?

– Долгая история.

– Так ведь сию секунду никто с места не срывается. – Тальвар придвинул один стакан Кильону, другой – Мероке. – Выпейте. Уверен, вам обоим не помешает.

– Но ведь мы принимаем антизональные, – запротестовал Кильон.

Мерока залпом выпила полстакана.

– Я тоже. Ликер вас не убьет, – пожал плечами Тальвар и чуть ли не угрожающе добавил: – Пьем до дна!

Он подтянул стул и уселся напротив своих гостей, впервые позволив Кильону рассмотреть себя. Внешность Тальвара потрясала до глубины души. Круп-

ный, практически лысый, он был явно старше Кильона и Фрея, но точнее его возраст определить не удалось. Глаз виднелся только один, левый. Правый скрывала повязка, сделанная, как казалось, из темного металла, кожи и дерева. Она закрывала всю правую часть лица, от щеки к виску. К обеим сторонам черепа винтами крепилось по прямоугольной металлической пластине. Живой была только правая рука, державшая фонарь. Левую заменял механический протез, соединенный с телом тяжелой привязью из кожи и металла. Протез формой напоминал человеческую руку: деревянная кисть заканчивалась изящно сочлененными пальцами, по желобкам тянулись проволочные сухожилия.

Белую сорочку Тальвар расстегнул до середины. Большую часть его туловища занимал пристяжной аппарат – зеленый нагрудник, испещренный ржавчиной и покрытый конденсатом, со шкалой измерения давления пара под толстым стеклом. Кильон понял, что скрежет доносится из этого устройства. Сегментный рукав из меди тянулся от одной стороны аппарата по полу к двери, которую Тальвар оставил приоткрытой.

– Могу я спросить, что случилось? – полюбопытствовал Кильон.

– Угадай.

– Можно было бы предположить аварию на про-

изводстве... Но травма не объясняет симметричного расположения металлических пластин на скулах. Вашего заявления об убитых ангелах она тоже не объясняет. Тальвар, вы были солдатом?

– А что ты скажешь, док?

– Войны с ангелами не ведутся уже несколько поколений. Пару раз их затевали киборги, но это дело очень давнее. Говорят, что киборги живут столько же, сколько ангелы. Вы были киборгом, Тальвар?

– Суди сам.

Кильон пригубил ликер.

– Полагаю, что вы на невральном уровне интегрированы в боевые доспехи, большая часть нервной системы у вас напрямую подсоединена к их сенсорному интерфейсу. На месте головных пластин в ваш череп наверняка тянутся первичные каналы ввода. Отсутствующий глаз может быть давним повреждением, которое так и не устранили, либо прицелом, которым заменили органический глаз. Я не знаю, как вы потеряли руку, намеренно или с определенной целью. Зато знаю, что ваши органы сильно модифицированы, что сердце и легкие заменены кислородным насосом, а другие внутренности встроены прямо в циркуляционную систему доспехов. В своей броне вы можете существовать вечно, без нее погибнете за считанные секунды. Даже среди киборгов.

– А я-то держусь.

– Только потому, что кто-то оказался на диво изобретательным. Кто-то придумал, как поддерживать вас в мире, где не работают простейшие электрические приборы. Вас подпитывает пар дровяного бойлера.

Тальвар начал расстегивать сорочку:

– Хочешь рассмотреть меня получше? Выяснить, как я устроен?

Мерока глотнула ликер и отвела глаза.

– Не обижайся, Тальвар, но тебя и без подробного изучения красавцем не назовешь.

Кильон поднял руку:

– Не нужно.

– Брось, док! Ты же медик! Разве можно упускать такой шанс? – Тальвар развел полы сорочки, обнажив смотровую панель, прикрепленную к основанию нагрудной пластины. Он начал поднимать фиксатор с другой стороны. – Я себя не стыжусь. Наоборот, горд тем, что был солдатом, что мне доверили защищать государство от ангелов. Я наполовину развалина? Ну и что? Это заслуженные боевые раны.

– Мне не нужно заглядывать вам внутрь, – проговорил Кильон.

– Тебе совсем не любопытно?

– Конечно любопытно. Очень хотелось бы помочь вам, но для этого мне нужно как следует вас осмот-

реть. Так что затевать лечение стоит уже после того, как вернусь на Клинок. – Кильон помолчал и осторожно уточнил: – Вы ведь давно в таком состоянии?

– Дольше, чем ты можешь себе представить.

– Значит, до моего возвращения продержитесь.

Тальвар опустил фиксатор и начал застегивать сорочку.

– Ты правда поможешь?

– Вы друг Фрея. Иных рекомендаций мне не нужно. Глаз Тальвара вспыхнул от удивления.

– Друг? Он так и сказал?

– Это я так сказала, – вмешалась Мерака. – Кильон повторил мои слова.

– Тебе не кажется, что «слуга» лучше соответствует моим отношениям с Фреем?

– Слуга ты лишь тому, кто над нами.

– Ох, не делай из Фрея бога! – недовольно фыркнул Тальвар. – Только не ты, Мерака, с твоей-то набожностью. Она с Библией не расстается, док. Везде ее с собой таскает. Не верится, да? Язык-то у нее ужас какой.

Кильон начал было говорить, но замолчал на полуслове.

– Фрей хорошо к тебе относится, – заявила Мерака. – Помнишь, кто устроил тебя сюда, когда ты стал недоразумением даже для своих? Кто дал тебе убе-

жище со стабильным потоком пара?

– Фрей получает откат от мадам Бистури, так что благотворительностью тут и не пахнет. Или он навещает меня, интересуется моим состоянием, спрашивает, желаю ли я швырять уголь в топку до конца дней своих?

– Тебе известно, Тальвар, что Фрей с места почти не снимается.

– Ну, он хоть из подвала периодически выползает.

Кильон отставил свой стакан и взглянул на Мероку:

– Разве нам уже не пора?

– Не обращай внимания, – посоветовал Тальвар, криво улыбаясь. – Мы с Мерокой постоянно лаем, постоянно спорим из-за Фрея, хотя знакомы уже сто лет. Это у нас манера общения такая.

– Но порой это достает, – заметила Мерока.

– Ладно, не кипятись, у меня сегодня тяжелый день.

В купальне кончаются дрова, значит давление пара придется уменьшить. Плохо и «Красному дракону», и мне. Обычно я удочки закидываю, выясняю, где можно разжиться, но, похоже, лишних дров нет ни у кого. И так с начала зимы. Дров все меньше, ехать за ними все дальше, качество все ниже. Огнесок тоже не достанешь. В общем, жди холодов. Не верится, что я здесь холод чувствую, но это так. – Тальвар задумчиво пожал плечами. – Хотя бизнесу это во благо. Если

считаете, что здесь холодно, представьте, что будет, когда уедете за пределы Клинка.

Он смерил Кильона долгим взглядом:

– Надеюсь, ты вынесешь холод, док. Он ведь и навредить может.

– Кстати, об отъезде, – проговорила Мерака. – Наверное, на поезд нам садиться не стоит.

– Однозначно – не стоит, – согласился Тальвар. – Вы тут такого натворили, что теперь за вами охотятся не только ангелы. Полиция Неоновых Вершин наверняка передала ваши словесные портреты констеблям Парограда. Теперь все вокзалы под наблюдением.

– Значит, воспользуемся запасным вариантом. Это ведь возможно?

– Что-нибудь придумаем. А теперь, учитывая количество боеприпасов, растраченных вами по пути сюда, можешь восполнить арсенал. – Тальвар судорожно мотнул головой, указывая за плечо. – Через заднюю дверь, помнишь ведь? Нужно возьми, ненужное оставь.

– Спасибо, – кивнула Мерака.

– И новые часы прихватите. Антизональные нужны?

– Все необходимое у нас есть, – отозвался Кильон, похлопав по сумке.

– Хорошо. – Тальвар наполнил себе стакан и протя-

нул бутылку Кильону, но тот вежливо отказался, подняв руку. – Пока вы здесь, я хотел бы обсудить с доктором Кильоном несколько медицинских вопросов.

Мерока кивнула и исчезла в закутке, по-видимому обрадованная возможностью порыться на складе без присмотра. Тальвар молча выждал, когда девушка окажется за пределами слышимости, и криво ухмыльнувшись, бросил Кильону:

– Да, здорово у тебя получается.

– Что именно?

– Притворяться и шифроваться. Если не ошибаюсь, Мерока понятия не имеет, кого эвакуирует с Клинка. Тебе же лучше. У нее на ангелов нюх почти такой же острый, как у меня, доктор Кильон.

– По-моему, вы ошибаетесь.

– А по-моему, нет. Все дело в запахе. – Тальвар постучал деревянным пальцем по ноздре. – Ангела я чую с другого конца улицы, и не важно, как он выглядит. Тебя вот замаскировали под человека. И удачно замаскировали, черт подери. Удачно, но не идеально.

Он нахмурился, и кожа возле уголков височных пластин туго натянулась.

– Фрей-то знал, когда организовывал эвакуацию? Да что я спрашиваю! Ясное дело, знал, разве мог он не знать...

Кильон уставился на свои руки. «Продолжай отпи-

раться!» – велели эмоции, а рассудок твердил: «Бесполезно».

– Фрей в курсе, – тихо ответил он.

– Так я и думал. А Мерака?

– Нет, насколько я знаю. – Кильон замер. – Очень жаль, что так получилось. Я не хотел никого обманывать, уверяю вас.

– Да ты ходячий обман!

– Какой смысл разоблачаться? Я спасаюсь от ангелов. Маскировка – моя единственная защита. Зачем мне афишировать свою сущность?

– Давай я расскажу тебе о Мераке, – предложил Тальвар. – Не всегда она была такой, как сейчас. Она женщин любит. Ты пойми, о вкусах не спорят, и я не осуждаю Мераку, а просто объясняю что и как. Одну женщину Мерака любила по-настоящему, но та заболела. Чем-то таким, что здесь не лечат. А вот как насчет ангелов, тут никто не знал. На Небесных Этажах они чудеса творят. По специальным каналам им направили ходатайство с просьбой помочь этой женщине. Ангелы практикуют такое, каждый год берут определенное число больных, примерно как в Вознесение. За свой счет та женщина, назовем ее Идой, не могла отправиться на Небесные Этажи. Не нашлось средств и у ее близких. Ангелы заявили, что помочь не сумеют. Как по мне, так Ида их просто не заинтере-

совала. Они ведь душу высасывают и мозг сканируют, но мозг им нужен здоровый, а не наполовину разложившийся. Иде стало хуже. Ее друзья кинулись собирать средства, но когда наскребли достаточную сумму, было уже поздно. Иду накачали антизональными, но поднять смогли лишь до Схемогграда. Мeroка сопровождала подругу. Несчастливая умерла у нее на руках. Поэтому, если Мeroка узнает правду, признаний в любви не жди.

Несколько секунд Тальвар молча разглядывал Кильона:

– Что, по-твоему, случится сейчас?

– Понятия не имею.

– А ты угадай.

– Вы можете убить меня. Или рассказать правду Мeroке. Выдать властям или держать в заложниках, пока не сдадите ангелам.

– И испортить отношения с Фреем? Предам его – он меня убьет. Не стану отрицать, Фрей ко мне добр, даром что он полнейший кретин, ни ума, ни фантазии, и в упор не видит шансов измениться к лучшему.

– Он и ко мне добр, – заметил Кильон.

– Получается, мы с тобой в одной лодке. Оба прячемся, оба в долгу перед Фреем. Вообще-то, сейчас меня так и подмывает потянуться через стол и придушить тебя. Но если вспомнить старую поговорку, враг

моего врага...

– ...Мой друг. Уясните одну вещь: не все ангелы чудовища. Я нажил себе врагов именно потому, что отказался содействовать злу.

Тальвар покосился на подсобку, где Мерока еще перебирала залежи боеприпасов.

– Какому еще злу?

– У нас запустили экспериментальную программу. Заявленной целью было модифицировать ангелов, чтобы мы выживали в условиях, аналогичных существующим на Неоновых Вершинах. По идее, у нас могла сформироваться выносливость к будущему зональному сдвигу, чтобы не всем погибнуть, если граница катастрофически изменится.

– Так и ангелы встревожены.

– Чем встревожены?

– Величайшей проблемой. Признаки ты наверняка заметил – повальная нервозность нарастает день ото дня.

– Беда может прийти лет через сто, а то и через тысячу.

– Некоторые считают иначе. Твоя ангельская программа наводит на мысль, что, по крайней мере, у части жителей Небесных Этажей есть повод тревожиться.

Кильон подался вперед, понизил голос, но загово-

рил эмоциональнее:

– Суть в том, что официально заявленная цель программы оказалась фальшивкой. Нас отправили на Неоновые Вершины, чтобы проверить, как мы выживем в другой зоне, имея при себе лишь простейшие лекарства. Разумеется, такие условия на Этажах не смодулируешь: требовалась скрытность. Я понял это, как и то, что следовало постоянно поддерживать максимальную секретность. Впрочем, испытаниями дело не ограничилось. – В голосе Кильона почувствовалось сдерживаемое волнение. – Конечной целью программы было создание оккупационных сил, дивизии зонально-устойчивых ангелов, способных штурмовать и покорять большие участки Клинка. В шпионской группе нас было четверо. Двое не подозревали, какова конечная цель. Когда один из них выяснил, двум знающим осталось лишь заткнуть ему рот – точнее, ей. Но она уже успела поделиться опасениями со мной. Рано или поздно мне тоже заткнули бы рот. Я лишил их такой возможности: убил своих коллег, отравил лекарствами. Поэтому я сейчас прячусь.

– Что ж, по крайней мере, тебя адаптировали отдельно, – заметил Тальвар.

– Мне было легче, чем вам. Уясните один момент: на Неоновые Вершины меня отправили, сделав все, чтобы я остался необнаруженным. Поверх моих ис-

тинных воспоминаний наложили фиктивные воспоминания человека, родившегося и выросшего на Вершинах. Чужую маску я ношу девять лет, за этот срок она уже начала ко мне прирастать. Я по-прежнему люблю Небесные Этажи, но теперь люблю и Неоновые Вершины, и, если на то пошло, весь Клинок. Раз грядет большая беда, нам однозначно не следует усиливать враждебность между и так разобщенными анклавами.

– А именно это я сделаю, если убью тебя или сдам?

– Я уверен лишь в том, что знания, во мне заложенные – мне сказали, что они заложены, – могут служить не только злу, но и добру. Собственная жизнь не слишком меня волнует. Я беспокоюсь о будущем Клинка, и, если мое существование Клинку во благо, я обязан цепляться за жизнь.

– Убитая, ну, та, которая почти раскопала правду, она была тебе не просто коллега, верно?

– Верно, – подтвердил Кильон. – Не просто коллега.

– Имя у нее есть?

– Арувал. Так звали ее по местной легенде. Настоящего ее имени я не помню.

– Я тоже потерял близкого человека. И тоже по вине ангелов. Поэтому не знаю, сочувствовать тебе или ненавидеть пуще прежнего.

– Здесь я вам не советчик, – вздохнул Кильон.

Тальвар откинулся на спинку стула. Скрежещущее

шипение системы его жизнеобеспечения прорезало воцарившуюся тишину. Он нагнулся к шкале у себя на животе:

– Нужно срочно подкинуть дров. Стрелка вон отклоняется.

– Значит, вы приняли решение?

Мерока вернулась из подсобки, ее куртка заметно потяжелела. Кильон представил, что каждый карман девушки набит жуткими инструментами для убийства и расчленения. Ему почему-то не верилось, что она потратила столько времени, выбирая часы.

– Какое еще решение? – спросила Мерока.

– О том, когда вам уезжать, – прохрипел Тальвар. – Я рассказывал любезному доктору, как мы получаем растопку и что отправляем обратно в пустых вагонах.

– Ясно, – буркнула Мерока, вывалив на стол пять-шесть механических часов. – Значит, снова поедем на труповозке. Вот счастье привалило!

Фуникулер мало напоминал скоростные электрички, связывавшие разные уровни Неоновых Вершин. В верхней точке трассы, то есть в Парограде, находился стационарный паровой двигатель, работающий на дровах. Двигатель вращал огромное горизонтальное колесо, соединенное с канатом такой длины, что тянулся пол-лиги до станции в Конеграде и подни-

мался обратно. Пустыми вагончики не спускались – всегда было что отправить в Конеград, – но никогда не уравнивались с поднимающимися. У основания Клинка стояла дюжина фуникулеров. Медленные, ненадежные, опасные для здоровья и жизни, они считались наилучшим средством перевозки грузов, а порой и людей, между Пароградом и Конеградом.

Когда человек Тальвара привез Мероку и Кильона на верхний вокзал, настала пора давать взятки. Лишь благодаря им они попали в один из дюжины вагончиков, где пришлось дрожать от холода среди трупов. Деревянная кабина, обшитая изоляцией, притаилась в вагончике на шасси с большим наклоном. В крыше вагончика имелись закрытые контейнеры, куда закладывали лед, чтобы трупы не оттаивали. Мертвецов уложили на горизонтальные полки и накрыли белыми простынями.

Тальвар снабдил их дополнительными пальто и шарфами, этого забытого добра в «Красном драконе» хватало – замерзнуть-то недолго. Сам спуск длился несколько минут, но к ним прибавлялось как минимум полчаса ожидания в начале и в конце поездки: медленно загружалась и выгружалась длинная вереница машин. Натянув негнушимися от холода пальцами перчатки, Кильон принялся искать в сумке антизональные, годные для предстоящего перехода. Сколь-

ко еще можно позволить себе вдобавок к уже принятому? Как врач, он понимал, что они уже превысили дозу. Самым разумным казалось ловко лавировать между собственной интуицией и опытом Мeroки, уже совершавшей такие переходы. «Помоги мне отключиться», – повторяла она.

Чтобы открыть пузырек, Кильон стянул перчатки и окоченевшими пальцами отсчитал таблетки.

– Возьми, пока хватит. – Он протянул две таблетки.

– И все?

– Слишком много не менее опасно, чем слишком мало. Я ведь даже не знаю, насколько сильно пострадала твоя нервная система.

– Вред уже нанесен, Мясник, это точно.

– Но дальше вредить не стоит. Видела ведь, каково Фрею! Насколько мне известно, чтобы стать таким же, хватит одной неверно рассчитанной дозы.

Мерока взяла таблетки с недовольной гримасой, но, по крайней мере, устояла перед соблазном усилить их действие своими наркотиками. Кабина пришла в движение: вагончик спускался почти беззвучно, за исключением редкого скрипа и визга от соприкосновения натянутого каната или металла с металлом. Мерока с Кильоном сидели напротив друг друга на самых нижних полках-лежанках для трупов. Они делили вагончик с мертвецами, совершавшими свою послед-

нюю поездку вниз после Вознесения. Те, кто не следовал этой традиции, попадали к докторам ходячими призраками, полутрусами или, если отбросить церемонии, мясом для ангелов.

Большинство обитателей Клинка не имели доступа к качественной медицине, потому что жили не в той зоне, но существовало одно исключение. Те, кому нечего терять, могли пройти осмотр, а то и курс лечения на Небесных Этажах. Для этого следовало покинуть свой анклав и поскорее пересечь все другие, отделяющие от зоны ангелов. Большинство обитателей Клинка могли надеяться, что проделают такой путь в одиночку, лишь если копили на него много лет. Тот, кто по дороге не умирал от приступа острой адаптивной недостаточности, получал возможность посмертно сохранить разум на неуязвимом, весьма малопригодном инфоскладе Небесных Этажей. Зачастую что-то удавалось исцелить, а изредка вылечивали и накопленные повреждения, и даже недуг – причину путешествия. Впрочем, живыми с Этажей спускалось менее одного процента отправившихся к ангелам. Для остальных Вознесение было поездкой в один конец, если, конечно, не считать возвращения трупом.

Кильон снова натянул перчатки и спрятал ладони под мышки. Воздух, который он выдыхал, превращал-

ся в струйки белого пара. У Мерики брови покрылись изморозью. Кильон не учел, как холод повлияет на обмен веществ, замедлит или ускорит усвоение антизональных. Сейчас ничего нельзя было поделаться, да и в любом случае поправка на холод получилась бы умозрительной. Кильон глянул на часы и удивился: они показывали разное время. Было ли это из-за близящегося перехода или потому, что часы оказались дрянной дешевкой, оставалось лишь гадать.

– Можно вопрос? – спросил Кильон, стремясь выяснить правду, а заодно и добиться того, чтобы зубы перестали стучать. – В купальне мадам Бистури обмолвилась, что ты не всегда была такой, как сейчас. Потом Тальвар упомянул Добрую Книгу и твой язык...

– Это две разные вещи, Мясник.

– Может, просветишь меня? Нам ведь еще долго общаться, а я едва тебя знаю.

– По-моему, у нас все путем.

– Ну, любопытство не порок. Я читал о накопительных неврологических травмах, в частности о повреждении мозга из-за частой смены зон и употребления сильных антизональных. В определенных случаях это повреждение проявляется в нарушении речевых функций или идиосинкразии речевого центра. Порой... мм... несдержанными на язык люди становятся после травм головного мозга. Так у тебя получилось?

– Поздравляю, – мрачно проговорила Мерака. – Черт подери, да ты в точку попал!

– Стыдиться тут нечего.

– Кто говорил про стыд?

– Извини. Я лишь предположил, что порой это затрудняет социализацию. Но ведь у тебя проблема медицинская, не более. Может, она даже лечению поддается, если найти правильную методику.

– Спасибо. Непременно ее поищу.

– А второй вопрос... Ну, Библия?

– Второй вопрос не важен, черт его дери!

Наступил переход, в этот раз быстрее, чем когда они ехали по пустоши между Неоновыми Вершинами и Пароградом. Вагончик плавно опускался – и плавно нес Кильона и Мераку через границу. В момент ее пересечения Мерака впилась в Кильона взглядом. Кильон и так замерз, но по сравнению с космическим холодом, мгновенно растекшимся по телу, вагончик казался уютным и теплым. Мучительно-жуткий озноб сковал кости на несколько минут. Вскоре стало если не лучше, то, по крайней мере, не хуже, чем следовало ожидать. Пульс немного подскочил, выступил обильный пот, перед глазами все поплыло. Но все это было лишь вполне ожидаемыми последствиями зонального недомогания. Если бы таблетки не смягчили тяжесть перехода, Кильон сейчас сложился бы попо-

лам и захлебывался бы рвотой. Он понял, что рассчитал дозу более-менее правильно.

– Переходы всегда такие тяжелые? – поинтересовался Кильон, когда головокружение прекратилось и он рискнул открыть глаза.

– Только первые сто раз. Потом легче.

Всучив очередную взятку соответствующим чиновникам, они беспрепятственно покинули перегрузочно-транзитный пункт. Кильону подумалось, что в Конеграде нет ничего такого, чего он не видел в Парограде, который на пол-лиги выше по спирали Клинка. На его взгляд, привокзальные склады и конторы и по архитектуре, и по функциональности мало чем отличались от окружающих пароградский вокзал. Вместо газовых фонарей горели факелы, улицы освещались хуже, однако Кильон удивился цивилизованности и организованности Конеграда. Если вечером смотреть вниз с Неоновых Вершин, Конеград казался темной полосой у подножия Клинка, захолустьем, вымирающим с наступлением темноты. Сейчас Кильон понял, сколь ошибочно это мнение, и ощутил в душе холодок от ломающихся предрассудков.

Но едва глаза привыкли к свету масляных ламп, темные подворотни начали выдавать свои секреты. Стоило, взглянув вверх, уловить ослепительное сияние ярких красок – символа Неоновых Вершин – и

становилось понятно, почему жители Конеграда носят широкополые шляпы даже ночью. Им не хочется смотреть вверх, не хочется лишний раз вспоминать о зоне, где есть быстрые машины и электрические дикивины, о зоне, которую они мельком увидят лишь при Вознесении.

За перегрузочно-транзитным пунктом Кильон понемногу изменил свое первое впечатление. Большинство домов оказались деревянными – из кирпича строили лишь муниципальные и коммерческие здания государственной важности. Сплошные развалюхи, латаные-перелатаные бесчисленное множество раз! Новое возводилось прямо на обломках старого. Улицы и дороги были на удивление узкими, даже если принять во внимание, что единственной тяговой силой были кони. Домов выше чем в четыре-пять этажей не просматривалось. Они нависали над улицами, едва не касаясь стоящих напротив. От такого зрелища голова у Кильона кружилась сильнее, чем когда он смотрел вверх на пятидесятиэтажные здания Неоновых Вершин. Точно любовники, слившиеся во французском поцелуе, дома соединялись крытыми эстакадами сомнительной прочности. Стены выкладывались из выкрашенных в черный цвет бревен, на стыках желтел уплотнитель. На каждой горизонтальной поверхности – залежи голубинового помета. В просве-

тах между домами виднелись черные равнины, тянущиеся к основанию Клинка. Черноту разбавляли, а порой, наоборот, усиливали тусклые огоньки крошечных поселений, разбросанных тут и там до самого горизонта. Мерака и Кильон спустились в самый низ Клинка. Здесь спиральный выступ и основание разделяло менее половины витка.

Ужаснее всего был запах. За перегрузочно-транзитным пунктом Кильон почувствовал его сразу. Накатывал запах торжественными фуговыми волнами, словно симфония. В основе «симфонии» лежала вездесущая вонь канализации, слагаемая из человеческой и животной составляющих. Следующий уровень занимала чуть менее гадкая химическая вонь заводиков по переработке сельхозсырья, скотобоен, коптилен, клееварен, дубилен. Кильон, вдыхая студеной воздух, каждый раз чувствовал дым. Он и не помышлял снимать второе пальто, за которое был очень благодарен Тальвару.

– Думал небось, чем ближе к земле, тем теплее, – заметила Мерака, когда Кильон повыше поднял воротник пальто. – Может, раньше так и было.

– А сейчас?

– Вокруг Клинка давно холодает. На Неоновых Вершинах это не чувствуется лишь из-за тепла нижних уровней. Теплый воздух поднимается на радость ан-

гелам. А здесь видишь как? Ниже-то уровней нет. Отныне так и будет. Считай, мы еще счастливички, на экваторе сидим. А на севере и юге холодина адская.

«Вдруг Земля и впрямь остывает? – подумал Кильон. – Вдруг никто из живущих среди света и тепла не обращает на это внимания?»

Как выяснилось, поздно вечером лошадей напрокат не возьмешь. К тому же Мерака предупредила, что целый день в седле отнимет немало сил и это их последний шанс нормально выспаться, пока с Клинка не спустились. Девушка нашла комнату над игорным домом, неподалеку от конюшен, где она обычно брала лошадей. В комнатухе стояли две железные кровати с ветхими простынями, из окна немилосердно дуло, этажом выше в половом настиле кто-то носился туда-сюда, словно выполняя задания из длинного списка. Только разве это важно? Мерака вымыла руки и ополоснула лицо в старой ржавой раковине, примостившейся в углу. Потом сняла куртку, легла на кровать и тотчас заснула. Кильон погасил масляную лампу, снял пальто, очки и шляпу. Усталость сжала его бархатными тисками.

Когда Кильон проснулся, за окном светило по-зимнему неяркое солнце. Мерака ушла. На подушке осталась вмятина – след ее головы. Ключ от комнаты

лежал на тумбочке, рядом стояла докторская сумка. Кильон встал и потянулся, разминая онемевшее тело. Он разделся до пояса и умылся, дрожа от холода. Затем повернулся, чтобы рассмотреть спину в потускневшем зеркале над раковиной. Позвоночник просматривался с анатомической четкостью. Крылопочки, мягкие и бесполезные, напоминали сжатые кулачки, выпирающие сквозь кожу. Он оделся и водружал шляпу на голову, когда заметил на тумбочке у Мерики маленькую черную книгу.

Что-то заставило его взять книгу в руки. Черный кожаный переплет сморщился и истрепался, как его докторская сумка. Кильон открыл Библию с опаской, ожидая подвоха: сейчас в лицо ему что-то вопьется. Бумага была тонкой до прозрачности: сквозь страницы просматривались буквы, напечатанные на обороте. Текст был напечатан плотными столбцами, в начале каждого параграфа стояли цифры, отдельные места были выделены жирным шрифтом или курсивом. Книга показалась Кильону старше Мерики, хотя почему – он объяснить не мог. Он листал ее, и в шорохе страниц слышалось что-то заговорщицкое.

«В ту пору, прежде чем открылись им врата рая, мужи и жены ходили аки дети. Так изобильны были плоды и дары рая, что жили они по сорок лет, иные еще дольше. В ту пору была Земля теплой, зеленой и си-

нею, не счесть было уделов ее».

На скрипучих ступенях, потом в фойе слышались шаги. Кильон быстро захлопнул книгу. В дверь постучали. Кильон едва успел вернуть Библию на место, как в комнату вошла Мерака. Он бросил взгляд на тумбочку – книга лежала иначе, чем прежде, девушка непременно это заметит.

– Пора ехать, – объявила Мерака. – Я коней раздобыла.

Она не глядя потянулась за Библией и, нащупав, сунула ее в карман куртки.

Глава 6

Кильон впервые видел лошадь так близко. Призрачно-белые создания, с нелепо-тонкими ногами, узкими мордами, настороженно косящими темными глазами и трепещущими алыми ноздрями, казались не от мира сего. Он затолкал свою сумку в свободный отсек одной из чересседельных корзин, вставил ногу в стремя и – наверняка неуклюже – взобрался на коня. Несмотря на седло, он ощущал нетерпеливую дрожь скакуна, который бил копытом о землю, готовый к отправлению. Кильон знал, что тело у коня большое, сильное, а разум не развит, но простейшие команды понять способен. Владелец конюшни показал, как держать вожжи и научил останавливать коня, если понадобится. Мерака поедет первой, а его конь, как заверили в конюшне, за ее скакуном хоть в обрыв последует.

Благодаря приему антизональных препаратов симптомы перехода пока не ощущались. Вскоре путешественники уже ехали по Конеграду, по склону выступа спускаясь на землю. Мощные улицы обледелели, рысью не поскачешь: слишком опасно. Пару раз, когда конь спотыкался, Кильон в панике натягивал поводья. Однако того, похоже, возмущало вмеша-

тельство всадника в его дела, и Кильон быстро усвоил: лучше довериться коню.

Через пару часов езды Кильон заметил, что дорога больше не поворачивает, а за придорожными домами уровень поверхности не ниже того, на котором они сейчас. Он с содроганием понял: они спустились с Клинка и едут по самой земле. Никакой видимой отметки перехода не было. Даже если бы имелось четко определенное основание, место, где заканчивался спиральный выступ, за тысячи лет ветра и люди засыпали его грязью и мусором. Из Конеграда Кильон с Мерокой еще точно не выбрались, значит теоретически были досягаемы для врагов. Реальная территория Богоскреба тянулась намного дальше геометрических границ его основания.

Чем дальше они ехали, тем пустыннее становилось вокруг. Улицы расширялись, просветы между домами увеличивались. Деревья постепенно превращались в лес, подступающий к городской черте. На страже усеянных скалами холмов стояли бледные часовые – телеграфные башни. Их венчали изогнутые рейки семафорного устройства: они непрерывно двигались, посылая сигналы следующей башне в цепи, – так новости и разведданные отправлялись далеко за пределы Клинка.

Теперь лошади скакали не по мостовой, а по утрам-

бованной земле. Опасность поскользнуться миновала, и Мерака изредка пускала коня рысью. Кильон неуклюже трясся в седле, пока чисто случайно не поймал ритм скачки. Он больше не мерз: и конь здорово грел, и физическая нагрузка помогала. Сейчас они ехали под несущими канатами, закрепленными на деревянных столбах. Бесчисленные корзины, груженные заготовленными дровами, поднимались на Клинок. Сотни канатных систем, подобных этой, кормили ненасытный Богоскреб топливом. Тянулись они со всех сторон, через бескрайние леса. Часть дров сгорала в печах Конеграда, другая – в бойлерной Тальвара, оставшееся – в электростанциях Неоновых Вершин. Корзины скрипели, и казалось – запас дров неистощим.

Через три часа скачки Кильон впервые почувствовал, что антизональные перестают действовать. Он принял еще одну таблетку и крикнул Мераке, чтобы она поступила так же. Но препарат не устранил зонального недомогания полностью. Опомнившись, Кильон глянул на механические часы, которые дал Тальвар, и увидел, что стрелки отклоняются. Выходит, они уже неподалеку от границы зоны.

Близился полдень, бледно-желтый диск солнца поднялся на максимальную высоту. Впереди маячил допотопный перевалочный пункт с дюжиной привя-

занных лошадей. За ним дорога становилась еще хуже. Кильон рассмотрел заросшие травой разломы и глубокие рытвины, появившиеся, судя по виду, лет сто назад.

Выяснилось, что дальше лошади не пойдут. Смену зон животные переносят намного хуже людей, а антизональные в ветеринарии – тема совершенно неисследованная. Кильон чувствовал: его лекарственный арсенал принесет коням больше вреда, чем пользы, да и Мерака оплатила поездку лишь до перевалочного пункта. Они спешили, привязали лошадей к свободным колышкам, вытащили из корзин свои вещи и зашли в помещение, чтобы перекусить. Наскоро поев, запили еду крепким кофе и собрались в путь.

Границу они пересекли по канатной дороге: влезли в корзину, пустой возвращавшуюся в лес. Так получилось быстрее, чем пешком, хотя пришлось карабкаться на шаткую платформу и забираться в движущийся контейнер. Задачу облегчила дверца с боку корзины. Придерживая шляпу, Кильон смотрел сверху на перевалочный пункт. Оказывается, он был двигателем канатной системы: в поле за ним табуны коней крутили огромное колесо, подсоединенное к системе.

– Я должен проверить твой уровень зонального недомогания, прежде чем мы пересечем границу, – сказал Кильон девушке.

Корзина, в которой они сидели, раскачивалась от ветра и жалобно скрипела.

– Все будет нормально, – отмахнулась Мерака. – На другой стороне полегчает. Раз ты в Парограде выжил, то и тут справишься.

– А техника там работает?

– Большой частью – да. Но техники не много, а имеющаяся зачастую попадает не в те руки. Ты еще не в безопасности.

После Неоновых Вершин для Кильона это был третий переход и, пожалуй, самый легкий. Впервые окружающая среда изменилась в лучшую сторону, приблизилась к привычным для него условиям. Уровень зонального недомогания следовало проверить у них обоих, но Кильон чувствовал: на внутриклеточном уровне его тело вздыхает с облегчением. Они словно поднялись на высокую гору, надышались опасно разреженного воздуха, а теперь снова спускались. Кровь так и пела у него в жилах.

– Я даже не представляю, куда мы попали. – Он неловко улыбнулся, признаваясь в своем невежестве. – Как называется это место, какую территорию занимает, кто здесь правит?

– Сказать мне особо нечего, Мясник. Здесь просто зоны, большинство протяженностью в сотни лиг, некоторые – больше. Та, где Напасть... О ней пока не бу-

дем. Правительства и Пограничного комитета здесь нет, да и, если подумать, нет ничего похожего на закон и порядок. Есть несколько городов вроде Гнезда Удачи, которые живут за счет заготовки и экспорта дров и огнесока на Богоскреб. Ну, еще несколько караванов торговцев-кочевников. Вот и вся цивилизация. Ясное дело, черепа не в счет.

– Кто такие черепа?

– Если нам повезет, ты об этом не узнаешь.

Покачиваясь, корзина доползла до перевалочного пункта с другой стороны границы. Он отличался от конеградского разве что большей примитивностью и заброшенностью. Когда приблизились к платформе, Мерака распахнула дверцу, и они выпрыгнули из корзины. Девушка едва успела ухватить Кильона за рукав: тот потерял равновесие и чуть не упал за невысокий бортик платформы.

– Да ты под своим костюмом сущий скелет, – проговорила она, медленно отпуская Кильона.

Они снова взяли напрокат лошадей и целый день скакали на запад от Клинка. Садящееся солнце щедро дарило золотисто-медовое сияние, но ни намек на тепло. Кильон поплотнее закутался в пальто и натянул шляпу почти до самого носа. Руки, сжимающие вожжи, окоченели.

Он дремал, убаюканный мерным шагом коня. Вне-

запно Мерака остановилась. Конь Кильона замер прежде, чем тот успел натянуть поводья. Опустив голову, конь так разочарованно нюхал сухую мерзлую землю, словно ожидал обнаружить зеленую траву. Ветер взметал пыль у него под копытами.

Путь они проделали немалый. В какой-то момент тропа отклонилась от канатной системы и проложила по равнине собственный извилистый маршрут. Остались позади редкие деревушки, перелески и рощицы, но до настоящих лесов было еще далеко. Последнюю пару лиг тропа немного поднималась, а теперь начался каменистый склон, усеянный валунами. Через несколько сот пядей тропа сливалась с дорогой, которой, судя по виду, часто пользовались. Мелово-желтую поверхность изрезали колеи повозок, но сейчас никого не было видно.

– Мы на месте, – уверенно объявила Мерака. – К утру подоспеют твои новые сопровождающие. Следующая остановка – Гнездо Удачи.

– При условии, что Фрей передал поручение.

– Фрей не подведет. В любом случае что-нибудь да придумаем. – Мерака вытащила ноги из стремян и тяжело прыгнула на землю. – Все, привал! Условия не ахти, но потерпишь. – Она начала распаковывать переметную суму. – Если кого увидишь – сразу прячься.

Кильон кивнул, спешился – еще тяжелее Мераки –

и вытащил из своей сумы все нужное для ночлега. Его конь фыркнул и побрел было прочь, но Кильон схватил узду и резко дернул: Мерака делала именно так. Девушка уже осматривала ложбинку в тени огромного, как дом, валуна, не заметную ни с тропы, ни с дороги.

Они разложили подстилки, соорудили из седел подушки и приготовились спать под открытым небом. Кильон знал: холодно будет даже под толстым одеялом, но утешался, что мерзнуть придется только одну ночь.

– Хочешь – спи, – проговорила Мерака таким тоном, будто сама спать не собиралась. – А хочешь – перекуси, если устроит холодное. Огонь разводить слишком рискованно.

Кильон огляделся и понял ее опасения. К ночи распогодилось. В западной части неба ярко сияла Венера, в восточной – поблескивал зловецкий Марс. Скоро покажется одна из половин Луны, но пока еще просматривался Млечный Путь – россыпь звезд, жемчужным мостом перекинувшаяся через небосвод. В общем, для любителей астрономии ночь прекрасная, для желающих затаиться – не очень. Даже если развести костер в укромном месте, дым будет виден издалека и привлечет ненужное внимание.

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально, Мясник. Ты о себе беспокойся. – Сняв с коня узду, Мерака накинула на него кожаный недоуздок, в котором тот мог пощипать то небольшое, что разыщет. Веревку она не привязала, оставив волочиться по земле. Конь воспримет это как сигнал и далеко не уйдет.

У его спутницы аппетита не было, и Кильон принялся за паек в одиночку, не переживая, что еда холодная и несвежая. Пока он ел, стемнело еще больше. Изредка над головой проносилась летучая мышь или ночная птица, то и дело слышалось сопение любопытного зверька, копошащегося во тьме. Наверняка вокруг рыскали твари куда опаснее, но Мерака не волновалась, и Кильон последовал ее примеру. В любом случае кони почуют хищников и предупредят.

Спать не хотелось, и Кильон бродил вокруг их маленького лагеря, пока не поднялся на возвышение пядей в шесть.

– Далеко не забредай, – негромко окрикнула его Мерака.

– Только посмотрю, куда мы заехали, – отозвался он.

С тех пор как они спустились на поверхность земли, Кильон почти не оглядывался на Клинок, предпочитал думать о трудностях путешествия и не вспоминать, сколь крохотный отрезок они преодолели. Теперь он

чувствовал, что первый этап его бегства близится к концу, и решил посмотреть правде в глаза. Утром он будет среди друзей – по крайней мере, среди тех, кто приютит и оценит его умения.

Лишь пятнадцать лиг отделяло их с Мерокой от основания Клинка, максимальная ширина которого была тоже пятнадцать лиг. Со стилобата он тянулся в небеса, плавно сужаясь до трети лиги в пятидесяти лигах над землей. На этой высоте Клинок не обрывался. Сохраняя ширину в треть лиги, он уходил выше. Черная, тонкая, как перо, колонна пронзала атмосферу и исчезала в непроницаемом космическом вакууме. Даже неосвещенный Клинок выделялся бы на фоне темнеющего пурпурного неба. Однако бо́льшая его часть ослепительно сияла огнями цивилизации.

Городские огни сияли и переливались. Кильон разглядывал Клинок снизу вверх, определял зоны и их внутренние области по карте, которую помнил наизусть, учитывая, что с другой позиции легко ошибиться и в знакомых масштабах, и в знакомых высотах. Он вроде бы отыскиал Неоновые Вершины, которые начинались лигах в пяти-шести от основания и заканчивались там, где неоновое сияние встречалось с ослепительно-яркими холодными огнями Схемограда. Под Неоновыми Вершинами остывающими углями мерцали огни Парограда, а еще ниже Конеград

фактически тонул во мраке: его костры и факелы едва виднелись издали. Спиральная поверхность Клинка – витой выступ, по часовой стрелке восходящий от основания к вершине, – просматривалась только там, где ее подчеркивали массивы домов или бледный поднимающийся вектор электропоезда. Лишь считанное число домов дотягивались от выступа одной зоны к следующему.

Максимально широкий у основания, выступ сужался параллельно сужению самого Клинка. Даже с небольшого расстояния городские зоны напоминали тонкое световое покрытие, люминесцентную обмотку на винтообразной колонне. Не верилось, что люди способны жить и работать на тех высоких ярусах, что они не терзаются вечным страхом о бессчетных лигах, отделяющих от земли. Просто какое-то массовое бегство от реальности! Однако на самом Клинке все ощущалось совершенно иначе – и на Неоновых Вершинах, и в Парограде, и даже среди мерцающей плазмы Схемограда. Как ни сужались ярусы, для частой сети улиц места хватало. Края обычно загоразживал как минимум один ряд зданий, поэтому страхи забывались без особых усилий. Разумеется, на каждом витке вокруг Клинка выступы поддерживала стена, но чаще всего эту роль играла темная скала, нависающая над улицами и домами, либо ее маскирова-

ли баррикады высоких сооружений для лифтов и фуникулеров. В большинстве случаев удавалось не думая ни о стене, ни о зонах, «парящих» в вышине.

Метка, сингулярная точка⁴, где зоны сжимаются с невероятной, недокументируемой компактностью, лежала в недрах стилобата и сейчас оказалась на уровне глаз Кильона. Он представлял ее кипучим, бурлящим узлом, из которого исходили зоны, постепенно становясь больше и стабильнее в тектоморфизме. Их глубинная сущность – то есть уровень технологического развития каждой, – насколько удалось установить, определялась случайными факторами. Но будь случайность единственным фактором, развитые и неразвитые общества существовали бы вперемешку, безотносительно к их вертикальному расположению. Ничто не объясняло, почему ангелы занимают высоты Небесных Этажей или почему кони – главная тягловая сила у основания Клинка. Впрочем, дело было скорее в некоем реальном порядке вещей, чем в простом стечении обстоятельств. Об этом говорили темные пятна на освещенной поверхности Клинка – места, где никто не жил и ничто не двигалось. Такие мертвые участки имелись на всех без исключения

---

⁴ *Сингулярная точка* – место перехода из одной зоны Вселенной в другую, из одного пространства – в другое; пример сингулярных точек – черные и белые дыры.

Этажах, вплоть до Небесных.

Зоны определяли основные уровни развития, но сам технологический потенциал еще не гарантировал, что зона пригодна для жизни людей. Зона вроде Конеграда, где ничего сложного не работало, могла существовать лишь у основания Клинка, где имелось самое необходимое – воздух, вода, источники тепла. Все добывалось и перевозилось простейшими устройствами. Плюс к тому возможность продавать сырье и товары в прилегающих к границе поселениях вроде деревушек, мимо которых проезжали Мерака с Кильоном.

По тем же причинам ангелы и другие постлюди, хоть и могли существовать ниже Небесных Вершин, ничего от этого не выигрывали и, вполне логично, не желали дышать тем же воздухом, что примитивные недочеловеки. Они жили на недоступной другим высоте и с упоением парили там, где небо ярко-синее, а теплый воздух, поднимающийся с нижних уровней, создает идеальные условия для полетов. Кильон видел их и сейчас – крошечные точки, облетающие сужающуюся колонну, мерцающие, как последние тлеющие угли.

Он вспомнил ангела, который упал с тех высот на выступ Неоновых Вершин и чье предсмертное послание и привело его, Кильона, в эту глухомань.

От созерцания Клинка его оторвала Мерака. Девушка приблизилась неслышно, хотя вряд ли бы он расслышал ее шаги – настолько отрешился от всего вокруг. Кильон вздрогнул и заставил себя успокоиться.

– Тоска по дому – штука жуткая, – проговорила Мерака.

– Думаешь, я уже тоскую по дому?

– Тут и думать нечего. У тебя, Мясник, все на лице написано. Ты спрашиваешь себя: «А не перестраховался ли я? Может, следовало остаться?»

Ее тон задел Кильона.

– О том, чтобы остаться, речь не шла. Я хорошо понимал, во что ввязываюсь.

– Да у тебя комок в горле и слезы на глазах!

– Тебе виднее. – Кильон отвернулся, злясь, что позволил Мераке себя поддеть. – Чужую тоску по дому ты мигом подмечаешь, но не признаешься, что сама ее чувствуешь, так ведь?

– Замолчи, – велела Мерака.

– С удовольствием. Но лучше не затевай разговор, если особого желания разговаривать нет...

– Я сказала – тихо! Похоже, что-то приближается.

– Что-то? – севшим голосом пробормотал Кильон.

– Да, по дороге. – Мерака кивнула во тьму. – Разыщи коня и приведи его в лагерь. И смотри, шум не под-

нимай.

Далеко конь не ушел: помешала веревка. К лагерью он брел безропотно. Мерака привела своего коня, светлая шкура которого в свете звезд казалась прозрачной. Лишь тогда Кильон слышал в ночи стук копыт и колес, гул мотора и крики.

Коней они привязали там, где не увидят с дороги, а сами затаились у своих импровизированных постелей.

– По-твоему, кто это? – шепотом спросил Кильон. – Те, кого мы должны встретить?

– Нет, для них рановато.

– Может, поручение не так передали?

– Это не они. Объясняю: слишком много лошадей, слишком много колес.

Грохот усиливался, затихал, порой пропадал начисто, появлялся снова и каждый раз ближе. Обрывки разговоров распадались на части, которые Кильон вроде бы понимал. Выговор грубый, гортанный – слова усекались до одной гласной и выразительного рыка.

– Слушай, если кони напугаются и дело примет скверный оборот – прячься, – сказала Мерака. – Если все обойдется, я трижды выстрелю.

– А если я не услышу трех выстрелов?

– Что ж, тогда приятно было познакомиться.

Тут Кильон заметил движение: вдали мерцали факелы. Мерака медленно двинулась прочь от лагеря, потом замерла и припала к земле, глядя на место, где тропа соединялась с дорогой. Сейчас тропки напоминали ручейки ртути, мерцающие среди тенистого мрака. Раздался щелчок – девушка сняла пистолет с предохранителя. Ее силуэт был виден на фоне пурпурного горизонта, но, если Мерака не станет шевелиться, ее будет не отличить от валуна.

Пока лошади и повозки не приблизились вплотную, Кильон подбежал к Мераке, распластался рядом и вытащил ангельский пистолет.

– Зря это ты, – прошипела Мерака.

– Я с тобой. Если тебя убьют, сколько я один продержусь?

Девушка промолчала, и Кильону пришлось самому искать ответ на свой вопрос. Грохот и топот приближающейся процессии усилились, тьму рассеял свет факелов, отбрасывающих на дорогу мрачный отблеск. К шуму прибавились резкие звуки – вой двигателей и гудки. Кильон услышал грубый пьяный хохот.

Постепенно картина прояснилась. Впереди скакали всадники в красно-белых доспехах. Мускулистые тела коней почти полностью скрывались под хитро сочлененными пластинами, к которым для пущего эффекта привязали и прибили звериные кости. Верх-

няя часть лиц всадников пряталась под металлическими масками. Пустыми глазницами и оскаленными зубами маски напоминали черепа, а кое-где черепа действительно использовались. За авангардом, с сопровождающими на конях и самоходных аппаратах по обоим флангам, катились тяжелые повозки, запряженные где парой, а где и шестеркой лошадей. Большинство повозок состояли из широкой огороженной платформы с палаткой или деревянным домиком посередине. По краям платформы восседали бандитского вида охранники, вооруженные очень по-разному. У одних были мечи и пики, у других – пистолеты, ружья и ручные пулеметы. По углам повозок располагалась артиллерия – вращающиеся пушки или жуткие многоствольные картечницы со щитками и двуручными рукоятками. Часть всадников держали в руках треугольные вымпелы, знамена и флаги развевались над домиками в глубине повозок. Факелы – в руках у всадников или прикрепленные к повозкам – освещали процессию дрожащим оранжевым светом. Трициклы и квадроциклы, движущиеся в колонне, казались развалюхами, сваренными из металлолома. К опорным шасси крепились рамы с пулеметами, пиками и таранами. Трициклы и квадроциклы ехали быстро, словно не могли замедлиться до скорости коней и повозок. Они то и дело сворачивали, описывали коль-

ца и восьмерки, подвеска постоянно их подбрасывала, ездоки с трудом удерживались на сиденьях. Колонна приближалась, и Кильону казалось непостижимым, что их с Мерокой не заметят.

– Черепа, – прошептала Мерака.

– Те, с которыми мне не следовало встречаться?

– Ну, я надеялась, что мы не пересечемся. – Девушка держала пистолет прямо перед собой, у самого лица, почти касаясь земли. – Лежи смирно, помалкивай, глядишь, и обойдется. Похоже, они куда-то спешат. Черепа ищут приключений, только когда в драчливом настроении.

– Что это за настроение?

– Молчи!

Голова колонны поравнялась с ними. Шума и света хватало, и Кильон боялся, что вот-вот заржут спрятанные их кони, один или оба сразу. Вообще-то, черепа своим грохотом могли заглушить ржание, но охранники по углам повозок казались трезвыми и бдительными. Кильон сомневался, что здесь работают приборы ночного видения, но чувствовал себя яркой теплой точкой на фоне остывающей земли.

Однако колонна двигалась дальше, и коней Мероки и Кильона слышно не было. Мимо гроыхали дюжины повозок, каждая на вид больше предыдущей. Последние лошадям тянуть было не под силу, поэто-

му использовали тракторы: черные громадины крутили металлическими маховиками, с фырканием выбрасывая клубы белесого пара. Следом за тракторами двигались повозки с большими, как дома, клетками. За их прутьями жались друг к другу люди в лохмотьях, закованные в кандалы и связанные вместе.

– Пленные, – пояснила Мeroка, словно это вызвало сомнения. – Черепа их покупают по дороге в городах и деревнях. А то и силой забирают.

– Они чем-то провинились?

– Кто да, кто нет. – Мeroка помолчала. – А кто просто сбежать не успел.

– Что с ними будет?

– Ничего хорошего.

– Лучше скажи, Мeroка. Хочу знать, чем рискую.

Девушка тяжело вздохнула, глядя на окутанную пылью и паром колонну.

– Некоторых, в основном женщин, черепа продадут в рабство или возьмут себе в услужение.

– Почему эти черепа такие?

– Большинство от природы угрюмые злыдни. Любой, кого выгоняют из нормального поселения – убийца, вор, насильник, – имеет отличные шансы оказаться среди черепов. Если поначалу новенькие лишь потенциальные психопаты, то потом, когда их напичкают дурью, на которой сидят остальные, начинают пус-

кать слюни и щериться, будто с рождения идиоты.

– О какой дури ты говоришь?

– Не о простых антизональных и не о растительных аналогах, Мясник. Грязные дела заставляют черепов кочевать из зоны в зону. Нормальных лекарств не достать, вот они и химичат. Готовят дурь сами или принимают то, что борги дают в обмен на пленных. Постепенно в голове все мешается, мозги отшибает напроць. Не забывай еще о разном прочем дерьме, которым они себя потчуют.

– Боргов ты упоминала еще у Фрея. Кто они такие?

– Не кто, а что, Мясник. Долбанутые биомеханические машины. Но тебе из-за них волноваться не надо.

– Как не надо было волноваться из-за черепов?

– Черепа шарятся всюду, а боргам глубоко в эту зону не проникнуть.

Почти все клетки уже проехали. Замыкали караван конные повозки поменьше. Кильон понемногу успокаивался, чувствуя, что их не заметят. Большая шумная часть колонны ушла вперед, а их с Мерокой коням хватало примитивной хитрости стоять тихо. Кильон глянул на последнюю, самую маленькую клетку. Наполовину меньше предыдущих, она вмещала, как ему сперва почудилось, лишь одну пленницу – девушку в рваном платье или в плаще с оторванными рукавами, не то лысую, не то бритую наголо. Она держалась за

путья худыми, но мускулистыми руками. Нет, девушка не одна! В ее подол вцепился ребенок. Мальчик или девочка – определить невозможно: он был в лохмотьях, грива спутанных черных волос скрывала лицо. Ребенку было года четыре, максимум пять, а матери, если та девушка и впрямь его мать, – от силы пятнадцать.

– Что станет с ними? – Кильон кивком указал на девушку с ребенком.

– Что-что... В рабство попадут.

– Ужас!

– Добро пожаловать в реальную жизнь, Мясник! Хочешь воззвать к совести черепов – вперед с песней! Только сперва я удочки смотаю, ладно?

– Выходит, нужно спокойно и безропотно смотреть на то, что они творят?

– Черепа повсюду, Мясник. Они хозяева Внешней Зоны. Разозлишь одного – молва мигом разлетится. Не страшно, если безвылазно на Клинке сидеть. Но мне-то нужно на жизнь зарабатывать.

Колонна уходила. Последние повозки и всадники с грохотом и криками исчезали во мраке. Вскоре дикие вопли затихли, но Кильон еще видел девушку с ребенком в клетке. Казалось, она смотрит прямо на него, словно что-то видит во мраке. Он вздрогнул, заверив себя, что ему чудится, а потом девушка медленно по-

вернулась в сторону движения и притянула ребенка к себе. Кильон увидел ее затылок и во тьме разобрал не то большой шрам, не то родимое пятно от макушки до шеи.

Его так и подмывало что-нибудь предпринять, но он понимал: это бесполезно, Мерака права. Каким нелепым он, наверное, казался ей сейчас: городской хлыщ, бурно возмущающийся бесчеловечной жестокостью, которую только что заметил. А ведь жестокость существует давно, не годами, не десятилетиями, а тысячелетиями. Жестокость и несправедливость собирали страшный урожай беспрестанно, каждую секунду его жизни.

– Знаю, это дико, – проговорила Мерака, когда шум каравана почти стих, – но привыкнуть можно. Либо привыкаешь, либо сходишь с ума. Я выбор уже сделала.

– Не мне тебя судить.

Они поднялись и убрали оружие.

– Не думай, что мне плевать... Просто их много, а нас слишком мало. – После каждого предложения Мерака делала паузы, с заметным трудом подбирая слова. – Вот если бы жители Клинка объединились, собрали армию... спустились сюда – что-то, может, и получилось бы. А это разве возможно? Черта с два! Рой простит нас раньше, чем это случится.

– Что еще за Рой?

– Рой – это то, из-за чего тебе, Мясник, не следует волноваться.

Глава 7

На рассвете Кильона разбудило ржание. Кони чего-то испугались, и среди еще не развеявшейся тьмы он слышал сердитое бормотание Мeroки, пытающейся их утихомирить. Выбравшись из-под теплого одеяла, Кильон поежился от предрассветной прохлады. Кружилась голова, словно он слишком резко вскочил. Что встревожило коней? Он глянул на дорогу – пусто. Еще одного каравана черепов слышно точно не было.

С трудом вглядываясь в темноту, на ватных ногах Кильон побрел на шум. Мeroка гладила испуганных коней по мордам, стараясь успокоить. Те били копытами, дико сверкали глазами, скалили зубы, прижимали уши к головам.

– Что-то раздражает их, Мясник. – Мeroка выбилась из сил, пытаясь усмирить отчаянно рвущихся из рук лошадей.

– Похоже на то. – Он покрепче перехватил поводья своего коня и прижал ладонь к его блестящей от пота шее. Лошадиное сердце стучало, как часы, заведенные слишком сильно. – Что-нибудь видела или слышала?

– Всю ночь было тихо, как в склепе. Потом кони начали эту свистопляску.

У Кильона мелькнула одна мысль, но он решил пока ею не делиться.

– Как ты себя чувствуешь, Мерака?

– Словно всю ночь не спала. Да и предыдущую тоже.

– Я имел в виду помимо этого.

Девушка повернулась к нему. Лицо ее, обычно бесстрастное, выражало недоумение.

– Почему ты об этом спрашиваешь?

– Да потому, что сам неважно себя чувствую. Либо съел что-то несвежее, либо... – Не выпуская коня, Кильон свободной рукой засучил рукав и глянул на часы.

Стрелки и циферблаты отливали бирюзовым. Лошадь рвалась из рук, и рассмотреть время было трудно. Кильон сосредоточился и наконец понял, что к чему. Часы показывали разное время, минутные стрелки больше не двигались синхронно. Разница между самыми спешащими и самыми отстающими часами уже составила пятнадцать минут.

– Что-то не так?

– Перед тем как заснуть, я проверял синхронность. Тогда все часы шли одинаково. А сейчас... разбегаются. – Кильон с трудом подбирал слова; казалось, высказав свое подозрение, он воплотит его в реальность. – У меня симптомы, похожие на зональное недомогание. Часы подтверждают: что-то происходит.

Кони нервничают. Животные чувствуют такие явления раньше людей и машин.

– Может, это просто порыв.

– Ну, может, и так, – согласился Кильон, а сам вспомнил подозрение Фрея о том, что приближается нечто глобальное. Что-то куда серьезнее простого порыва. – Думаю, у нас неприятности, – проговорил он. – Я должен оценить динамику изменений и просчитать дозу антизональных для нас обоих.

Едва он это сказал, из коней словно пар выпустили. Они перестали бить копытами и трясти головами. Зрачки у них сузились, уши поднялись. Животные фыркали и сопели, показывая людям, что отнюдь не спокойны, но то, что их взволновало, временно исчезло.

У Кильона до сих пор кружилась голова и дрожали ноги, однако недомогание постепенно проходило. Он отпустил коня побродить и подвел часы, выставив на всех более-менее точное время. Теперь он будет внимательно за ними следить.

– Что ты сказал?

– Может, это был и впрямь порыв.

– Да, порывы случаются. Я чувствую себя нормально, а ты?

– Что-то накатывало, но уже проходит.

– Небось граница подтягивалась к нам на пару

мгновений, а потом вернулась обратно.

Кильон снова прислушался к ночи – тишина.

– Думаю, заснуть мне больше не удастся. Сна ни в одном глазу.

– Ждать еще долго. За тобой не скоро приедут.

– Ничего страшного. Может, это тебе стоит передохнуть, а я за лошадьми пригляжу.

– Ну, если ты настаиваешь... – подумав, согласилась Мерака. – Только, чур, не дремать.

– И не собираюсь, уж поверь.

Кони более-менее успокоились, и довольная Мерака скользнула под одеяло. Кильон наблюдал за ее темным силуэтом, прислушиваясь к дыханию девушки. Наконец оно выровнялось: Мерака заснула. Тяжелый день ждал и ее: предстояло в одиночку вернуть обоих коней к подножию Клинка – на одном ехать, другого вести в поводу.

Кильон нашел удобный пригорок и опустился на него. Голова работала, словно в турборежиме. Лошади сопели и фыркали, но слушались. Короткой памяти животных впору позавидовать. Он снова глянул на часы. Светящиеся точки циферблата напоминали круглое созвездие. Все стрелки двигались синхронно. Часы собирали так, чтобы на зональные изменения они реагировали чуть иначе, а не спешили или отставали в унисон. Ради этого их и купили. Тем не менее

определить по ним время было непросто; проконтролировать, что они заведены и идут, – тоже. Гражданам Неоновых Вершин на часы смотреть лень. Они уверены, что вездесущий Пограничный комитет оперативно уведомит их о зональном сдвиге. Большинство носят часы в качестве модного аксессуара и едва помнят, как определять время. То же самое в разной степени относится к другим районам. Зато во Внешней Зоне все решают только часы. Здесь нет Пограничного комитета, и Кильону оставалось полагаться лишь на себя, решая, когда принять антизональные, какие и в какой дозировке.

Следующий сдвиг подкатил так внезапно, что часы едва успели среагировать. Если в прошлый раз у Кильона закружилась голова, то сейчас он почувствовал жуткое давление в глазах и непроизвольно охнул: такой сильной и неожиданной была боль. Встать Кильона подвиг летательный рефлекс, а не осознанное желание. Он сжал виски – боль усилилась, превратившись в клин, который вонзился в мозг меж полушариями. Подкатила рвота. Шатаясь, Кильон побрел, не разбирая дороги. Казалось, земля лихо накренилась, приподнявшись к небу. Он повернулся вокруг своей оси, борясь с рвотой, и увидел коней, черными мешками лежащих на земле, словно их пристрелили. Мертвы они или без сознания, Кильон не знал, но чувство-

вал: если не удержится на ногах, станет таким же бессильным мешком. Он уже двигался как во сне, словно разум отторгал реальность, сметая защитные барьеры.

Кильон разыскал Мерову. С той творилось неладное. Обессиленная и беспомощная, девушка билась в конвульсиях под одеялом. Ее зональная выносливость была куда ниже, чем у Кильона. Если он страдал от боли и дезориентации, то Меровка без немедленного введения лекарства долго не протянет. Но лучше не давать ей ничего, чем ошибиться с препаратом. Кильон опустился на колени и коснулся Меровки, надеясь успокоить или хоть привести в сознание, но девушка продолжала биться в судорогах. Он дотронулся до ее рта – ладонь обрызгала кровавая слюна.

Их захлестнул не порыв. Порыв сравним с волной, разбивающейся о берег. Сейчас разразился потоп: другая зона поглощала ту, в которой они находились. И потоп не думал отступать: предыдущая конфигурация зон не восстанавливалась.

Жгучая резь в животе заставила Кильона согнуться пополам. Его вырвало. Головная боль, слабость, дезориентация не отпускали, а вот тошнота немного улеглась. Он заставил себя наклонить голову и посмотреть на часы. Сдвиг начался менее минуты назад – стрелки толком отклониться не успели. Впро-

чем, секундные по-прежнему бежали – ни одни часы не остановились. Случись такое с одними часами, еще можно было бы подумать о сдвиге в сторону менее развитой зоны, где простейший часовой механизм не работает ввиду чрезмерной замысловатости. Раз тикали все часы, напрашивался обратный вывод. Сдвиг произошел в сторону другой, более развитой зоны, где часовые механизмы работают лучше и легче. Условия стали благоприятнее, кулачки и шестеренки, словно обрадовавшись, крутились быстрее, чем следовало.

Кильон потянулся к сумке и дрожащими пальцами открыл ее. Поле зрения резко сузилось, координация движений ухудшилась. Неуверенно, как пьяный, он нащупал держатели с антизональными средствами – пузырьки с резиновыми пробками и шприцы. Нащупал, но с трудом фокусировал на них взгляд. Снова посмотрел на часы: ни одни не остановились. Минутные стрелки побежали вразнобой, секундные закружились с ощутимо разной скоростью. Кильон вытащил шприц, воткнул в пузырек и набрал густую, как смола, жидкость.

Интуиция подсказывала: сперва нужно ввести лекарство себе. Он ведь врач, Мерака – пациент. Но Кильон склонился над девушкой, придержал, чтобы не дергалась, откинул одеяло и, поймав ее руку, засучил

рукав. Потом нащупал вену, вонзил иглу и нажал на поршень. Все это время зажатый в его собственной руке шприц казался далеким-далеким, как блестящая стеклянная игрушка, которую к глазам не поднести. Тело Мeroки словно тянулось до самого горизонта.

Лекарство подействовало быстро, конвульсии у Мeroки стали слабее и реже. Кильон облегченно вздохнул и поднялся, надеясь, что поступил правильно. Сразу ведь не определишь: даже неточно подобранные антизональные поначалу успокаивают, и врач думает, что принял верное решение. Он снова посмотрел на часы и с облегчением отметил, что стрелки ведут себя по-прежнему.

Кильон сделал себе укол другим шприцем и убрал оба в соответствующие отсеки. Раз нет возможности стерилизовать их, нужно хоть убедиться, что для Мeroки использован один шприц, для себя – другой.

Облегчение наступило почти мгновенно. Зрение прояснилось, головная боль стихла. Слабость, замедленность мыслей и движений пройдут не сразу, но если он угадал с препаратом, то постепенно избавится от очевидных симптомов зонального недомогания. Пока обстановка не изменится – в лучшую или худшую сторону, – у лекарства есть время выветриться.

Кони так и валялись на земле, безучастные, словно тени. Может, они впрямь погибли – Кильон не заметил,

чтобы они дышали. У Мерики дела шли получше: она уже не билась в конвульсиях, а лежала на боку, будто наблюдала, как он вводит себе антизональные.

Когда Кильон подошел к девушке, она провела рукой по лицу. На востоке небо посветлело, и он увидел, что ее глаза открыты, а вокруг рта размазана кровь.

– Состояние – швах, – неразборчиво пробормотала Мерика.

– Ты язык прикусила.

– Что случилось?

– Порыв вернулся. – Кильон опустился на колени рядом с ней. – И на этот раз посильнее. Тебя он парализовал, не дав проснуться. Боюсь, кони погибли. Я рискнул предположить, что это сдвиг вверх, и, к счастью, кажется, не ошибся. Нам обоим я ввел антизональное, которое счел подходящими.

– Чувствую себя хреново.

– Ты не поверишь, но это хороший знак. Сесть можешь?

Мерика попробовала, застонав лишь раз.

– Грудь болит.

– Возможно, поранилась, когда билась в судорогах, – сломала ребро или мышцу растянула. Я помог тебе, но недостаточно быстро.

– Да уж, небось и своих проблем хватало. – Мерика осторожно выскребла песок их уголков глаз. – Ты мо-

лодец, Мясник, рассудил правильно.

– Надеюсь. Когда рассветет, осмотрю тебя лучше. Может, пойму, что у тебя повреждено. Пока лучше сидеть здесь и контролировать наше состояние. Если я переборщил с антизональным, придется ввести корректирующую дозу. – Кильон постучал по нескольким часам на оголенном запястье. – Это скоро выяснится.

Мерока поднялась:

– Нет, так не пойдет.

– Мы же не собирались сниматься с места, пока за мной не приедут твои друзья. Произошел зональный сдвиг, но больше ничего не изменилось. Боишься, что они теперь сюда не доберутся?

– У них есть лекарства. Не такие классные, как твои городские, но им, чтобы добраться сюда, хватит.

– Тогда в чем дело?

– Вроде ты сказал – сдвиг в прогрессивную сторону?

– Да, по всей вероятности. В противном случае нам с тобой стало бы хуже.

– Большой сдвиг?

– Не знаю. Определить не успел, времени не хватило. Поэтому не исключаю, что превысил дозу или, наоборот, занизил. Но интенсивность симптомов... Судя по ней, сдвиг немаленький.

– Дело серьезнее, чем при переходе с Неоновых

Вершин в Схемоград?

– Полагаю, намного серьезнее.

– Настолько, что борги теперь могут здесь существовать, хотя прежде не могли?

– Вот уж не знаю. С боргами я не сталкивался. – Кильон остановился. Следующая фраза повисла в воздухе. – А не пора ли нам в путь?

– Нужно глянуть на коней.

Кильон положил ей руку на плечо:

– Тебе нужно сидеть спокойно, пока не убедимся, что я угадал с дозой.

Мерока оттолкнула его руку и поднялась легче, чем Кильон считал возможным. Он с изумлением наблюдал, как она заковыляла к неподвижным коням. Девушка шаталась, спотыкалась, но сумела не упасть. Либо у нее развилась неожиданная, невероятная с точки зрения медицины выносливость к смене зон, либо дело в железной воле. Неплохое самочувствие и полный контроль над своим телом не давали Кильону никаких преимуществ.

Мерока доковыляла до лежащих лошадей, опустилась на колени и коснулась шеи коня, на котором ехал Кильон, прижав руку под жесткой выпуклостью щеки. Через несколько секунд она молча проверила своего коня.

– Оба мертвы.

– Жаль, но я не удивлен.

Мерока встала.

– И лекарства твои не помогли бы?

– Человеческие антизональные даже мартышкам не помогают. Ты как, сможешь вернуться пешком?

– Кто говорил о возвращении?

– Мы же так договорились. Ты передаешь меня кочевникам, которые вот-вот появятся, и возвращаешься на Клинок.

– Ситуация изменилась. – Бросив лошадей, Мерока зашагала вверх по склону. – Здесь оставаться нельзя. Только не сейчас, когда, возможно, сюда направляются борги!

– А как же те люди? Они будут искать нас здесь. – Кильон шел следом за девушкой.

– Ну, они сообразят, что у нас изменились планы. Если поедут оттуда, – Мерока показала на дорогу, – то как ошалелые от старой границы примчатся. Оттуда полно маршрутов в обход этого места.

– Значит, мы с ними никогда не встретимся?

– Я так не говорила. Просто теперь нужно быть гибкими. Можно встретиться в другом месте, лиг за десять-двенадцать отсюда. Я там уже бывала. Туда они и направятся, если сдвиг повторится.

– А если их там не будет?

– Тогда придется завести новых друзей, таких, что-

бы подвезли тебя к Гнезду Удачи. – Мeroка замолчала на полуслове. Она явно собиралась сказать что-то еще, но передумала. – Эй, Мясник, похоже, тебе стоит это увидеть.

– Что увидеть?

– Лучше иди сюда!

Кильон встал рядом с Мeroкой. Чуть раньше на том же самом месте стоял он сам и разглядывал Клинок. Город все так же тянулся ввысь на фоне утреннего неба с бордово-оранжевыми разводами. Инкрустированный световыми пятнами Клинок пронзал кору Земли и поблескивал в холодной дали, слишком близкий, чтобы Кильон почувствовал себя покрывшим приличное расстояние, и слишком недосягаемый, чтобы сулить убежище.

– По крайней мере, Клинок, похоже, не задело, – отметил Кильон.

– Да ты смотри, смотри.

Кильон послушался и вскоре понял, о чем говорит Мeroка. Буквально через несколько секунд у него на глазах погас освещенный участок, полоса огней – целый район или жилой массив – неожиданно померкла. Больше огни не зажглись, и участок превратился в черную линию, рассекающую Клинок. На глазах у Кильона чуть ниже первой полосы возникла вторая. На сей раз огни мигали, словно древний перегруженный

генератор то отключался, то включался снова, пока наконец не капитулировал перед тьмой. Двумя полосами дело не ограничилось. Во внешне разрозненных частях Клинка появились темные прямоугольники и квадраты, причем не только на Неоновых Вершинах, но и выше – и в районах Схемограда, и даже у ангелов. Квадраты и прямоугольники словно выпускали побеги, соединяющие разрозненные темные участки. Тьма сжимала свет в узкие полосы и суетливые пятна, точно людей, которых армии наемников сгоняли в душные загоны. Светящиеся точки и полосы исчезали на глазах, по всему Клинку увеличилась скорость затемнения. Пострадала каждая часть города, независимо от доминирующей технологии. Особых проблем не возникло лишь на нижних ярусах, освещенных газом и факелами, но их доля в сиянии Клинка была так мала и незаметна, что казалось – тьма их уже проглотила. Ярчайшие огни погасли – электрические, неоновые и плазменные секции погрузились во мрак, – слабые, красноватые лампы и факелы впервые ничто не затмевало, но их тусклое оранжевое сияние гасло прямо у поверхности Клинка. Остальная часть огромной колонны была уныло темной.

Потом Кильон увидел ангелов. Раньше они кружили на большой высоте – крошечные точки с крыльями, излучающими сияние пастельных тонов. Сейчас

они просто падали в восходящие воздушные потоки, даже валялись. Крылышки мерцали и растворялись во мраке.

– Похоже, вовремя ты слинял, – задумчиво пробормотала Мерака.

Кильон ответил не сразу, глубоко потрясенный бесцеремонной жестокостью ее слов. Он уже становился свидетелем порывов и сдвигов, которые нарушали жизнь части города, но ничего даже примерно сопоставимого с нынешним затемнением не видел. Подобного не наблюдали поколениями, если не веками. И дело было не в сильном, но кратковременном спазме – Метка не расползлась с внезапной яростью, прежде чем вернуться к нормальному состоянию. В этом случае огни бы уже загорелись снова, а сейчас мрак сгущался с каждой минутой. На разных высотах сохранились отдельные освещенные точки, но казалось – и их вот-вот проглотит тьма.

– Думаешь, я беспокоюсь о себе? – начал было Кильон и замолк. Пусть Мерака ответит, а он обернет ее слова против нее же самой. – Это же город, Мерака. Там тридцать миллионов жителей. Сейчас большинству грозит приступ чудовищного зонального недомогания; нам с тобой его пережить помогли лекарства – или чувство, что внезапно отказала привычная система жизнеобеспечения. Или и то и другое. – Кильон

остановился. – Воздух. Вода. Лекарства. Всего этого люди лишены, пока зоны не восстановятся. Если они вообще восстановятся.

Кильон говорил с холодной решимостью, едва узнавая свой голос.

– Людям уже плохо, а будет очень-очень плохо. Каждому, за исключением тех немногих, кто получит помощь. В Пограничном комитете не ошиблись, предсказав большую беду. Но они не ожидали, что она будет настолько огромной. Мерака, это же конец всего сущего...

– Мясник, проблему решат. Огоньки снова зажгутся.

– Очнись, Мерака, мы с Фреем говорили об этом. Власти знали, что грядет беда. Они ждали и готовились. Не к частичным изменениям границ, а к настоящей катастрофе. Отсюда и нехватка лекарств. Власти запасали антизональные, понимая, какие испытания близятся.

– Значит, все путем, ситуация под контролем.

– Взгляни! – Кильон рывком развернул девушку к темнеющей на глазах колонне. – Ситуация ухудшается! Огней меньше, чем минуту назад. Участки, которые до сих пор держались, темнеют. Это похоже на «под контролем»? Похоже, что город вот-вот оправится от шока и заживет как прежде?

– Затемнение-то считанные минуты длится.

Кильон понимал: Мерока права – делать выводы рановато, но душу терзало мрачное предчувствие, что быстро ситуация не изменится.

– Даже если лекарства припасены, их все равно не хватит. Хорошо бы самим властям хватило, не то что каждому жителю.

– Сейчас это не наша проблема, – заявила Мерока. – Отсюда не следует, что мне плевать, ясно? И не следует, что у меня нет сердца. Но зональный сдвиг случился и здесь, и вокруг нас не было города, чтобы где-то в нем спрятаться.

– У нас есть лекарства, – напомнил Кильон.

Мерока сделала глубокий вдох:

– Городу мы сейчас не поможем. Без лошадей обратный путь займет дня два, не меньше. А потом? Надолго ли хватит содержимого твоей сумочки?

– Если бы я мог что-то сделать... – Кильон понимал, что его запас антизональных тает уже оттого, что теперь нужно поддерживать себя и Мероку.

– Мы двинемся дальше, как я и говорила, – сказала Мерока. – Найдем другое место встречи и будем надеяться, что кто-нибудь приедет. Здесь мы точно не останемся. Это место пугает меня до дрожи. Я прямо чую клятых боргов.

– Коней просто бросим?

– А что предлагаешь?

– Не знаю, закопать их, например. – Кильон беспомощно пожал плечами. – Чтобы наше присутствие не так бросалось в глаза.

Мерока на миг задумалась, потом спросила:

– Ты хорошо умеешь коней закапывать?

– В смысле?

– Чтобы вырыть приличную могилу понадобится день, если работать лопаткой вроде нашей и если под верхним слоем не камень. Коней у нас два, то есть понадобятся два дня. И еще: после рытья у тебя должны остаться силы ворочать тонну мертвечины.

– Значит, мы их бросим? Бросим и уйдем?

– Хорошо сказано. Коротко и ясно.

– Для тебя это просто, так ведь? Ничего не стоит изменить план, сменить экипировку и идти дальше. Ты к этому привыкла. Но я другой, Мерока. Я боюсь и в правоте твоей совершенно не уверен.

Девушка демонстративно огляделась по сторонам:

– У тебя тут толпа помощников?

– Нет.

– Значит, выбора у тебя тоже с гулькин нос, так?

Мерока вернулась в лагерь и принялась разбирать пожитки, отбрасывая в сторону все, что пешему не унести. Кильон ненадолго задержался, потом тоже спустился к лагерю. За спиной у него Клинок потемнел еще сильнее – вопреки светлеющему небу, кото-

рое возвещало о начале холодного дня.

Глава 8

Забрезжил рассвет, взошло солнце, а они все брели по изрытой колеями дороге следом за черепами. Мерака ни разу не оглянулась, словно увиденного ей было достаточно.

Кильон завидовал ее прагматическому приятию действительности, решив, что дело в нем, а не в полном отсутствии любопытства, но сам не мог не оглядываться на Клинок, каждый раз надеясь на перемены. Вдруг тьму разбавила капелька света? Но день разгорался, и определить становилось все труднее. Из черной колонны, пронзающей ночное небо, Клинок превратился в далекую сизую громаду, истинную черноту которой разбавляли лиги воздушного пространства. Теперь не поймешь, горят там огни или нет. Признаков движения Кильон точно не замечал – ни поездов, ни летающих объектов, но это не означало, что восстановительные работы не ведутся. В любой части Клинка сложная энергоемкая инфраструктура оживет последней.

На сколько хватал глаз, телеграфные башни стояли без движения.

Мерака двигалась с немилосердной скоростью, но по настоянию Кильона они останавливались каждые

два часа для повторного приема антизональных или чтобы проверить, правильно ли высчитана доза. Кильон следил за часами. Синхронно их стрелки не двигались, но в сумме изменения не превышали допустимого при условии, что после ночного порыва зоны успокоились. Лекарства следовало принимать и дальше, но ситуация не ухудшилась, и то хорошо. При таком графике приема опосредованного препарата им хватит дней на семь-десять. Когда закончится этот, можно будет использовать другие, менее эффективные и адаптированные, но способные поддерживать их еще несколько дней. Дней, а не недель и точно не месяцев. Изначально те лекарства рассчитаны для условий куда благоприятнее нынешних, обычно их принимают в гораздо меньших дозах.

Ко второму привалу солнце стояло уже высоко. Метрока разложила на земле карту и присела на корточки. Карта была истрепанная, коричневая по краям, словно ее вытащили из огня. Огрызком карандаша девушка вносила изменения – зачеркивала старые границы зон, рисовала новые.

– Ты уверена, что все правильно? – спросил Кильон.

– Если у тебя нет лучшего варианта, остановлюсь на этом. Когда пересечем другую границу, внесу уточнения. Пока и этот вариант неплох.

Карта была двухсторонней. Лицевая сторона соответствовала местности в пределах нескольких сотен лиг от Клинки, пунктир экватора почти совпадал с нижней границей города. Кильон увидел тропу, которой они двигались от Конеграда, точку, где она пересекалась с дорогой, по которой ехали черепа. Сейчас они с Мерокой шли по этой же дороге. Прежде они ехали строго на запад, а теперь брели в юго-западном направлении, хотя без гирокомпаса и точных вычислений, основанных на астронавигации, это не проверишь. Кроме основных троп и семафорных линий, на карту нанесли множество других объектов, но большинство их не говорило Кильону ровным счетом ничего. Гнездо Удачи – один из знакомых ему ориентиров – лежало на юге как минимум в сотне лиг от их нынешнего месторасположения. Кильон знал, что из крупных поселений это ближайшее к Клинке, но сейчас казалось – оно на краю света. Без Мероки ему туда не добраться. Даже с картой он наверняка потерялся бы.

С обратной стороной дела обстояли не намного лучше, но Кильон узнал хоть часть ориентиров. Отдушина, самое большое поселение на Земле, если не считать Клинок, впрямь находилась на краю света, точнее, на западе, дальше, чем Дочери, три горы, расположенные по ранжиру с кучностью пулевых от-

верстий; даже дальше, чем Богоматерь, высочайшая из гор, такая широкая, что у подножия она напоминала плавное возвышение земной поверхности. Отдушина лежала западнее усохших вод Длинной Бреши и Старого Моря, отмеченных на карте черным, хотя Кильон подозревал, что с тех пор, как составили карту, вода ушла еще дальше. Здесь, на обороте, виднелись извилистые границы зон. На Клинке зоны охватывали районы и области. Там, где сейчас находились Кильон и Мерака, зоны были больше, а оборот карты показывал зоны, тянущиеся на целые регионы с горными цепями, равнинами, бывшими морями. Вопреки огромной разнице масштабов лица и оборота, Мерака наносила изменившиеся границы зон и на оборотную сторону, словно это имело значение.

Взгляд Кильона упал на участок к востоку от самой северной из Дочерей – пустой, начисто лишенный ориентиров. Казалось, все элементы рельефа и отмывка⁵ выбелены.

– Что это?

– Напасть. Из-за нее тебе волноваться точно не надо. Она далеко от любого места, где мы окажемся. – Мерака подняла голову, держа карандаш в зубах. – Уж поверь мне.

---

⁵ *Отмывка* – в картографии полутоновое изображение рельефа путем наложения теней.

– Почему на том участке нет обозначений? Там никто не бывал? – Пустошь Напасть была шириной в сотни лиг и могла проглотить все, нанесенное на лицевую сторону карты.

– Никто туда не суется, никто оттуда не высовывается. Напасть – огромный пыльный котел. По сравнению с ним наша вымерзшая, высохшая помойка-планета – гребаный сад эдемский.

– Хорошо, что ты не верующая, – съязвил Кильон.

– Само собой вырвалось, Мясник. Это никак не связано с тем, что я думаю. – Удовлетворенная результатом исправлений, Мεροка убрала карандаш и аккуратно, стараясь не повредить, сложила ветхую карту. – Привал окончен, – объявила она. – Нам пора в путь.

Девушка была права. Задерживаться здесь не следовало, даже при наличии неистощимого запаса лекарств. Кильон и Мεροка родились не в этой зоне, и она убивала их, с лекарствами чуть медленнее, чем без лекарств. В конечном итоге они должны были перебраться в другую зону, к которой лучше приспособлены. Кильон плохо помнил старые границы зон, не говоря уже о новых, и не представлял, можно ли доверять исправлениям Мεροки на карте.

Оставалось лишь странствовать и надеяться, что рано или поздно часы покажут, что скитальцы попали

в зону, где могут существовать.

Разумеется, гарантий, что такое случится, не было, равно как и законов природы, по которым зоны сохраняли свои характеристики после изменения формы и размера. Это же не страны, политика и культура которых постоянны, увеличиваются ли они или уменьшаются, и даже если вдвое сжимаются, как амебы. Когда сдвигается граница зоны, измениться может что угодно, вплоть до самой ее сущности. Если прежде эта зона существовала рядом с более пригодной для жизни, вовсе не значит, что такая соседка есть сейчас. Возможно, теперь эта зона окружена еще менее гостеприимными.

Но думать об этом не следовало. Только не сейчас. Сейчас Кильону с Мерокой оставалось идти дальше и надеяться, что впереди ждет что-то лучшее.

– Костры, – объявила Мерока спустя час после полудня, показывая на клубы дыма, вздымающегося на горизонте. – Беда кому-то. Может, черепа жгут села; может, селяне – черепов. Сегодня многие счеты сведут.

– По-твоему, сколько мы прошли?

– Лиги четыре или пять.

Сколько Кильон ни оборачивался, ему казалось, что Клинок не отдаляется. Огромная колонна, сгибаясь словно больной зверь, тянулась к ним. Кильону

чудилось, что он видит ниточки дыма, которые поднимались с разных уровней, вытягивались и переплетались боковым ветром и восходящими теплыми потоками.

– А то место встречи, далеко до него?

Из-за разных масштабов на карте Кильон не представлял, сколько им еще идти.

– Лиг десять-двенадцать.

– Ты и в прошлый раз так говорила.

– Хотела подсластить пилюлю. Не дрейфь, сейчас я говорю правду. Завтра в это же время мы будем на месте.

– Если переживем ночь со всеми теми машинами и боргами, о которых ты постоянно твердишь.

– Думаешь, я придумала их, чтобы тебя поторопить?

– Я просто говорю. На погоню ничто не указывает. За нами нет костров, нет никаких признаков движения по этой дороге.

Мерока сбавила шаг и обернулась впервые, с тех пор как свернули лагерь.

– Как хочешь, Мясник. Ползи домой, если в удачу веришь. Может, тебе впрямь никто не встретится. Я иду вперед, с тобой или без тебя.

– Я с тобой. – Кильон поправил врезавшуюся в плечо лямку рюкзака. – До самого конца. Прошу об од-

ном: говори мне правду. Никаких подслащенных пилюль. Как бы скверно ни обстояли дела, я справлюсь.

– Думаешь? – Мерака двинулась дальше.

– Есть только один способ проверить.

– Нам осталось пройти чуть больше двенадцати лиг, – через несколько шагов сообщила девушка.

– Спасибо.

– Точнее, даже пятнадцать. Это святая правда. Мы справимся. Будем идти, пока ноги не отвалятся. Доберемся до места – и отдыхай, сколько душе угодно.

– Жаль, кони пали, – вздохнул Кильон, приготовившись к тяжелым испытаниям.

Три часа спустя, когда солнце заметно опустилось, они увидели следы аварии и трупы. Желто-черная повозка с паровым двигателем выехала с дороги и завалилась на бок. Дымовая труба выгнулась, как сломанная конечность, из разорванных стыков до сих пор с шипением валил пар. Одно колесо слетело с оси в колею. Другое повернулось к небу и, поскрипывая, легонько вращалось на ветру. Багаж сорвался с крыши и валялся разворошенными кучами. Тела при крушении сильно ударились о землю. Судя по позам – один из погибших головой застрял в грунте, словно воткнутой рукой великана, другой лежал на боку, придавив собственную вывернувшуюся ногу, – оба погибли при

аварии или угодили в засаду. Возможно, и до падения на землю не дожили.

Мерока шагала с такой невозмутимостью, что Кильон начал гадать, не пройдет ли она мимо, даже не взглянув на повозку. На мгновение он задумался: уж не чудятся ли ему следы аварии? Или, наоборот, это Мероке мерещится их отсутствие? Галлюцинации и фантазии не редкость, когда слабеет действие антизональных или когда доза определена неверно. Впрочем, для миража повозка с паровым двигателем была чересчур материальной.

Нет, его спутница прекрасно видела следы аварии. Сохраняя невозмутимость, девушка вытащила из-под куртки ружье. Длинный ствол, медный декор – где Мерока его взяла? Кильон знал, что у нее есть оружие мощнее, только теперь оно бесполезно. Пребывание в слаборазвитой зоне Конеграда нарушило его функциональность. Мерока с Кильоном уже вернулись в зону прогрессивнее, только это ничего не меняло. По непреложному закону, вышедшее из строя однажды теряет пригодность навсегда. Мерока не выбрасывала то оружие лишь из-за его остаточной стоимости. Оно ведь еще представляло ценность как металлолом, как дубинка, а умелый оружейник мог бы его отремонтировать.

Кильон достал ангельский пистолет. Мерока сошла

с дороги и подползла к разбитой повозке, не обращая внимания на трупы. Вращающееся колесо все скрипело в жутком меланхоличном ритме, подчеркивающим безмолвное запустение дороги. Кильон последовал за девушкой и опустился на колени возле мертвеца, застрявшего головой в земле. Перед ним был труп молодого человека в длинной темной дубленке. Удар о землю сломал ему шею. Впрочем, Кильон сомневался, что это причина смерти. Во лбу погибшего зияло пулевое отверстие, аккуратное, круглое, его словно перфоратором пробили. Кильон осторожно наклонил голову погибшего, разыскивая выходное отверстие, но не увидел его.

– Я надеялся, что это авария, – проговорил он вслух. – Что люди путешествовали, когда случился зональный сдвиг, потеряли сознание и разбились. Но этого мужчину застрелили.

– Застрелили? – переспросила Мерака.

– Попали точно в лоб.

– Застрелить водителя паровой повозки мог только снайпер.

– Смерть наступила быстро. Бедняга ничего не почувствовал.

– Проблема лишь в том, что повозка ехала не пустой.

Кильон склонился над вторым трупом, со сломан-

ной ногой. Этот погибший был старше, с тонким, испещренным красными прожилками носом, включенными седыми усами и такими же волосами до плеч, в круглых очках, почти таких же, как у Кильона. На одной линзе образовалась звезда из трещин. И у этого погибшего в центре лба красовалось пулевое отверстие. Мужчины наверняка сидели на высоких передних сиденьях повозки и правили ею, словно конкой.

– И этого застрелили, – объявил Кильон.

– Ерунда какая-то! – хмыкнула Мерака.

Она заглянула в окно повозки, теперь горизонтальное, опираясь на дверную ручку и поручни по разные стороны от нее.

– Ты не веришь, но ведь одного из мужчин застрелить смогли. Значит, застрелили и второго. Пистолет даже перезаряжать не понадобилось.

– О нет! Ну почему обязательно семья? – сокрушенно пробормотала Мерака.

Кильон поднялся и подошел к ней:

– Сколько их?

– Четверо. Мама, папа и две девочки.

– Их тоже застрелили?

– Нет. Они умерли. Похоже, зональное недомогание. Не взглянешь?

– Помочь я им не смогу, но... – На глазах у Кильона Мерака залезла на борт повозки, распахнула дверцу

и проворно скользнула в салон. – Что ты делаешь?

– А тебе как кажется? Мародерствую.

– По-моему, это неправильно.

– Вот только совестить меня не надо. Эти люди мертвы. Нужно забрать у них все полезное. Скоро появятся другие желающие. – Мерака выбросила из салона какой-то предмет. Пузырек! Кильон поймал его налету – скорее случайно, чем намеренно, – пригляделся к желтоватой этикетке и светлым таблеткам, которые лежали в коричневом пузырьке с пробкой. – Пригодится нам?

– Откуда я знаю?

Надпись на этикетке сделали в старомодной вычурной манере с множеством заглавных букв и восклицательных знаков.

– Потом скажешь, – пробормотала Мерака и воскликнула: – Опа!

– «Опа» что?

– У папаши тут пушка. Вцепился он в нее – будь здоров.

– Трупное окоченение, – пояснил Кильон. – Говорит о том, что эти люди мертвы уже как минимум три часа.

Мерака высунула из салона руку, демонстрируя тяжелое черное орудие, многоствольное, с деревянной ложей.

– Митральеза!⁶ Давно о ней мечтала. Одно время у приятеля была митральеза, но потом...

– В ней есть что-то особенное?

– Непрактичная штука, но пугает здорово. Отдача дикая, особенно если палить из всех стволов одновременно. Толком не прицелишься; выбрал сектор обстрела – и точка. – Мерака сдвинула рычаг – часть орудия сложилась. – Заряд в казенной части, на каждом стволе отдельный ударник. Хочешь – массированно стреляй, хочешь – одиночными выстрелами. Между прочим, она в боевой готовности. Пару выстрелов сделали, но остальные патроны в каморах. Знаешь, чем плоха такая штуковина, заряженная наполовину?

– Полагаю, вопрос риторический.

– Митральезы либо заряжают полностью, либо не заряжают вообще. Нет никаких гарантий, что она не выстрелит.

– Получается, митральезу использовали, – сказал Кильон. – Видимо, против тех, кто застрелил обоих мужчин. Но куда делись нападавшие? – В животе у Кильона зашевелился червячок беспокойства. – Три часа – срок недолгий.

– По-моему, случилось все не так, как ты дума-

---

⁶ *Митральеза* – скорострельное многоствольное артиллерийское орудие, оснащенное колесами для перемещения.

ешь, – отозвалась Мерака.

– Это же не авария.

– Может, повозка перевернулась из-за аварии, ну, водители сознание потеряли. Потом кто-то нашел их и решил поупражняться в стрельбе и мародерстве. Застрявшие в салоне аварию наверняка пережили. Сломанных костей я в упор не вижу. Но от зонального сдвига они страдали не меньше нас.

– Какие-то антизональные они, похоже, приняли. – Кильон с сомнением глянул на пузырек, который до сих пор держал в руках. – Но снадобье помогло им лишь отсрочить неминуемое, а не чувствовать себя в этой зоне как ни в чем не бывало. Даже если удалось оттянуть потерю сознания и избежать приступа вроде того, что случился с тобой, им было худо. Шансы уйти от повозки нулевые; вероятно, поэтому они сидели в салоне, надеясь, что кто-нибудь появится и спасет их. В итоге зональное недомогание их доконало.

Мерака вылезла из салона с трофеями. С одной стороны, Кильону до сих пор казалось, что они поступают неправильно, а с другой – он не сомневался: его спутница старается ради их блага. Даже часы – циферблаты блестели у нее в руке, ремешки обмотаны вокруг пальцев – она забрала чисто для практических целей. «Часов много не бывает» – так издавна говорят на Клинке. Еще девушка забрала одежду – перчатки,

шарфы, меховую шапку – и холщовую сумочку.

– Вот, здесь еще какие-то пилюли и настойки, – объявила она, швыряя сумочку Кильону.

– Раз они ехали в эту сторону, то неизбежно натолкнулись на черепов, – проговорил Кильон. Сумочка подстреленным зверьком упала к его ногам. – Может, те и убили водителей.

– Черепа те еще снайперы. Да и «неизбежно» – большой вопрос. – Мерака спустилась на землю. – Место встречи рядом, если ехать на паровой повозке. Возможно, черепа прошли через него по главной дороге, а эти люди подъехали по боковой чуть позже. Тогда они в глаза друг друга не видели.

Кильон поднял сумочку – внутри звякнули стеклянные и фарфоровые емкости.

– Нам в путь не пора?

– Я только за. Просто хотела посмотреть, что можно забрать.

– Мы же не можем похоронить этих бедняг. – На сей раз Кильон не спрашивал, а констатировал факт.

Девушка покачала головой:

– Ситуация та же, что с конями. Проверишь тех двоих?

– Дай мне минуту.

– Посмотри, нет ли у них патронов.

Кильон вернулся к трупам и проверил их карманы

и запястья. Снял с каждого по массивным флотским часам и вытащил из карманов по хронометру. Часы и хронометры были заведены и тикали, но их многочисленные циферблаты показывали разное время.

– Пальто тоже забрать? – спросил Кильон, опасаясь ответа, которого ждал от Мeroки.

– Только часы и все, что режет и стреляет.

Ни холодного, ни огнестрельного оружия у погибших не обнаружилось, зато у одного к ноге крепилась тяжелая кобура. Она оказалась пустой, но Кильон гадал, не подходит ли она по размеру к митральезе, которую присвоила Мeroка. Вдруг глава семьи выполз из опрокинувшейся повозки, забрал служебное оружие и вернулся к своим, надеясь дотянуть до прибытия помощи или до возвращения зоны к прежнему состоянию? Кильон распахнул пальто убитого и увидел нагрудный патронташ с несколькими патронами. Он отстегнул патронташ, решив, что у главы погибшего семейства не было времени его искать.

– Я нашел патроны, – объявил Кильон.

– Отлично, – проговорила Мeroка. – А я нашла то, что надеялась не найти.

Девушка подняла с земли предмет, который наверняка валялся там все это время, до сих пор незамеченный. Сперва Кильон подумал, что это причудливая узловатая палка или звериная кость с обрывками су-

хожилий.

Но вот зловеще блеснул металл, и он понял, что ошибся.

– Здесь были борги, – сказала Мерака. – По крайней мере один. Он оставил нам подарочек.

Мерака держала сизую конечность, больше похожую на переднюю лапу пса или волка, чем на человеческую руку. От тела ее оторвали в области плеча. На руке имелись локтевой и запястный суставы, ниже запястья – упрощенный вариант кисти, а может, лапы – четыре пальца, включая большой. Пальцы заканчивались изогнутыми ногтями или когтями. Они отливали голубым, словно были выполнены из металла более жесткого и прочного, чем остальная конечность. Скелетные кости и сочленения поражали изяществом и компактностью, будто появились в результате жесточайшего отбора. Но конечность состояла не только из блестящей механики. Имелись нервная система или ее остатки, замеченные Кильоном обрывки сухожилий и подобие мышц. Органическая часть была скользкой, синюшно-бордовой и словно слепленной из разных кусков. Казалось, робот, угодив на скотобойню, опустил руку в чан с отбросами и нарушил ее стальную безупречность, испачкавшись в ошметках мяса и хрящей.

Теперь Кильон знал, что плотоборги состоят из ме-

талла, мяса и хрящей.

– Борг мог быть один, – предположила Мерака. Держа руку за плечевой сустав, она вертела ее и так и эдак, разглядывая с неприкрытым отвращением. – Мог порвать со своими. Временами изгои у них появляются. Они следуют за сворами, мародерствуют по мелочи, ищут легкую добычу.

– Что случилось с этим?

– Может, парень из повозки удачно выстрелил. Или борг был уже ранен, чувствовал, что надо улепетывать, пока другие не подоспели.

– Ты говорила, борги у нас за спиной, – напомнил Кильон. – Поэтому мы сюда и шли. О том, что они впереди и мы рискуем угодить им в лапы, ты и словом не обмолвилась.

– Мы никуда не угодили. Пока мы только нашли конечность одного из них.

– Иными словами, они здесь были.

– Один из них. Может, он уже за много лиг отсюда. Или сдох и валяется в канаве. – Мерака бросила отсеченную руку. – Теперь это нас не касается, но задерживаться здесь не надо.

– Не понимаю. Мы знаем, что здесь был плотоборг, но не знаем, кто застрелил водителей.

– Никто их не застрелил.

– Ты даже раны не осматривала.

– Мне и не нужно. Как только я поняла, что здесь рыскал борг, задачка решилась. Здесь впрямь дошло до аварии. Повозка перевернулась, людей швырнуло на землю. Вероятно, они погибли еще до падения и уж точно до того, как их настиг борг.

– В каком смысле – «настиг их»?

– Отверстия в черепах оставили не пули. Их борг пробурил, чтобы добраться до мозга и заполучить желаемое. – Мерака постучала себя по лбу. – Префронтальную⁷ долю борги просто обожают. Она богата синаптическими структурами, готова к всасыванию и интегрированию в нервную систему борга.

– Хочешь сказать, борг съел их мозг?

– Таковы борги. Поэтому они выживают на границе, где умные машины не работают. Наверное, они могли бы культивировать собственную ткань, только... Боргам не хватает ума, а чужой есть проще и быстрее. – Мерака замолчала и, прищурившись, оценивающе взглянула на Кильона. – Знаешь, для патологоанатома, или как там тебя называли на работе, на мертвецов ты реагируешь чересчур болезненно.

Кильон скупо улыбнулся, стараясь сдержать желчь, подкатившую к горлу.

---

⁷ Префронтальная доля мозга отвечает за «исполнительные функции» – способность управлять временем, суждениями, импульсами, планированием, организацией и критическим мышлением.

– Эту часть работы я никогда не любил.

Почти стемнело, когда они увидели костер. На сей раз не только дым, а настоящее пламя, мерцающее оранжевым и малиновым среди калейдоскопа плотных силуэтов прямо на дороге перед ними. Черный дым поднимался к мрачно нависшему небу.

– Не к добру это, – посетовала Мерака.

– Что было к добру с тех пор, как мы спустились с Клинка?

– Не умничай, тупица. Я говорю, что кто-то угодил в засаду. Теперь по-настоящему. – Девушка была раздражена и напугана не меньше, чем Кильон, хотя ни за что бы ему в этом не призналась.

Она не выпускала из рук митральезу, предпочитая ее другому оружию. Не сбавляя шагу, Мерака периодически вздрагивала и целилась черным пучком стволов в затаившегося призрака, видимого ей одной. – Не получив своего, черепа действуют именно так. Режут и жгут.

– Так не стоит ли обойти эту напасть подальше? – спросил Кильон.

Но Мераке хотелось приблизиться. Почему, она не сказала, но он догадался сам. Его спутница думала, что люди, которых подкараулили и подожгли, могут оказаться теми, от кого бежит Кильон. Это следовало

выяснить, ведь в таком случае пришлось бы менять планы.

Они подошли ближе и слышали глухое «бум!» отдельных взрывов, треск и грохот разрушения. Сквозь шипение и треск пламени изредка пробивались испуганные человеческие голоса. Вопли боли и ужаса.

Леденящий страх, предчувствие чего-то невыразимо дурного накрыли Кильона душной пеленой.

– По-моему, мы достаточно приблизились.

– Надо выяснить, в чем там дело. Хочешь остаться здесь, не понимая, что творится впереди, давай, губи себя. – Мерака толкала перед собой митральезу, словно таран. – Я бы держалась рядом с тем, у кого больше стволов.

– Что бы там ни творилось, нас это не касается.

– Теперь, Мясник, нас касается все. – Девушка вызывающе уставилась на Кильона в упор, словно считала его решение принципиально важным. – Ты идешь или остаешься?

Кильон двинулся следом за ней. Он даже постарался не отставать, хотя страх не отпускал. Только крепче стиснул ангельский пистолет, который успокаивал, пусть даже стрелять уже не мог.

– Лучше не палить в первого, кто зашевелится, – посоветовала Мерака. – Вдруг это мой приятель?

Постепенно Кильон разглядел в темной горящей

массе отдельные силуэты. Горело не одно целое, а цепочка, части которой рассыпались по дороге и тянулись вдаль. Мерака с Кильоном подошли к темному бугру вроде валуна, увязшего в земле. Оказалось, этодохлый, облаченный в броню конь. Мерака пнула его причудливый панцирь.

– Черепа, – объявила она.

– Их работа?

– Это то, что осталось от черепов. Куда ты смотрел у последнего лагеря?!

Кильон понял, что надохлом коне такая же броня, какую он видел полжизни назад, точнее, до порыва, когда мимо проходил караван.

– Выходит, кто-то до них добрался.

– Медаль тебе за наблюдательность.

Чуть дальше они увидели труп всадника – вероятно, того, который ехал на коне. Шлем, сделанный из половины черепа, лежал рядом, хотя ничто не указывало, что плотоборг высосал ему мозг. Зато горло всаднику перерезали чем-то острым.

– Ну вот, разве не напросились? – Мерака пнула убитого и двинулась дальше.

– По-моему, мы видели достаточно. Это черепа. Что еще выяснять?

– Я надеялась найти что-то полезное. Уцелевшего коня или повозку.

Кильон уже чувствовал горячее дыхание пожара. Впереди валялся еще один всадник: этого придавил собственный конь. Мужчина еще не умер и застыл, завидев Мерову с Кильоном. Ноги ему вывернуло и придавило конской тушей. Меровка зашагала прямо к нему и наступила на грудь так, словно собиралась выдавить из легких остатки воздуха.

– Вижу, крутости поубавилось, да? – негромко, почти по-приятельски спросила она умирающего, словно они вместе сидели за праздничным столом. – Ты подышаешь, сволочь. Засыхаешь, как вчерашнее дерьмо. Надеюсь, тебе очень больно. Ты ведь всегда гадал, сильно ли давитдохлый коняга.

– Меровка, не надо! – бросился к ней Кильон.

– Надо, Мясник, зуб даю. Я видела, что эти твари с людьми делают.

– Не надо по двум причинам... – Кильон осекся и покачал головой, точно зная, как Меровка отреагирует на такой призыв. – Позволь мне хоть осмотреть его. Этот человек пережил зональный сдвиг. Получается, у него врожденная выносливость, причем высокая.

На губах всадника, видневшихся из-под клочковатых усов, пузырилась кровавая пена. Он перестал стонать и с вызовом уставился на Мерову и Кильона.

– Говорила же я тебе, что у них есть лекарства, – напомнила девушка, не убирая ног с груди всадника.

– Позволь осмотреть его. Этот человек обречен. Он и без твоей помощи умрет.

Мерока что-то пробормотала, но убрала ногу. Кильон отложил ангельский пистолет, чтобы обеими руками открыть сумку.

– Вы понимаете меня? – спросил он всадника.

– Понимает-понимает, только шифруется.

Кильон пожал плечами: сомневаться в словах Мероки повода не было.

– Не знаю, представляете ли вы, что произошло. Зональный сдвиг, ужаснейший за последнее время. Клинок... Ну, это вы пропустить не могли.

– Клиношник... – прохрипел раздавленный всадник и, собравшись с силами, плюнул ему в лицо. Кильон вытер розоватую пену. – Катись к черту, клиношник! Сдохни, как все мы, сдохни скорее!

Всадник снова плюнул, на сей раз слабее, да и прицел подкачал. Плевков упал ему на бороду, образовав нечто похожее на цепочку слизняков. Всадник застонал, не в силах скрыть боль.

– Как думаешь, давно он здесь лежит? – спросил Кильон Мероку.

– Довольно давно, – ответила та, касаясь дохлого коня. – Конь холодный. Он лежит здесь как минимум пару часов, с учетом, что под ним теплое тело.

– Вы умираете, – объявил Кильон всаднику. – Да-

же если справились с зональным недомоганием, конь давит на вас слишком долго. Из-за него у вас нарушилось кровоснабжение. В крови накопились токсины. Сейчас они заблокированы в ногах. Если поднять конскую тушу, токсины распространятся по телу и вы умрете.

Всадник захрипел и оскалился улыбкой покойника:

– Ты тоже сдохнешь.

– Да, вы говорили. Пожалуй, я облегчу вам боль.

Кильон не мог отвести глаз от умирающего черепа, поэтому в докторской сумке рылся ощупью.

– Не вздумай дать ему хоть каплю дефицитных лекарств, – сказала Мерака.

– Я дам ему то, что считаю нужным. – Кильон нащупал пузырек с гранулированным морфаксом-55, узнав пузырек по форме. – Откройте рот, – велел он всаднику.

Череп разинул бездонную пасть, показав острые зубы в металлических коронках. Воняло оттуда, как из помойки, – тухлыми овощами и мясом. Между зубами подрагивал язык с раздвоенным концом.

– Лекарство нужно засыпать под язык, – объяснил Кильон. – Больно не будет. Вы мне позволите?

– Ты крупно ошибаешься, – предупредила Мерака.

Череп поднял язык, чтобы Кильон засыпал морфакс. Может, опрокинуть пузырек, и будь что будет?

Нет, так слишком расточительно, вдобавок можно заразить сам пузырек. Вместо этого Кильон высыпал на левую ладонь достаточное, по его мнению, число таблеток. Он снимет боль, которую причиняют черепу конская туша и зональное недомогание, облегчит ему кончину – словом, сделает добро, пусть даже крохотное, в противопоставление немислимым страданиям, которые царят вокруг. Большим и указательным пальцем правой руки Кильон ухватил примерно половину таблеток – столько удалось зараз – и сунул черепу в рот. Тот держал язык поднятым, мерзко поводя им туда-сюда, но таблетки заложить позволил. Кильон засовывал вторую половину таблеток, когда череп сомкнул челюсти. Резкая боль прошла насквозь, острые зубы в металлических коронках впились в кости, грозя отхватить большой и указательный пальцы. Кильон аж взвизгнул от ужаса и неожиданности. Правая рука угодила в зубастый плен, поэтому ангельский пистолет он выхватил левой, прижал ствол черепу ко лбу и нажал на спуск. Безрезультатно. Он нажал снова, чувствуя, что вот-вот лишится пальцев. Пистолет бездействовал. В ярости Кильон схватился за ствол и принялся колотить пистолетом. Мыслей не было – их вытеснили гнев и потребность убить себе подобного. Пистолет стучал о кости, и на пятом-шестом ударе под кожей у черепа что-то сломалось. Внезапно раз-

дался оглушительный грохот, словно лопнула Земля, и череп ослабил хватку. Кильон вырвал руку и отшатнулся. Из кисти хлестала кровь. Он бросил ангельский пистолет, едва глянув на то, что Мерака сотворила с головой черепа.

Кильон увидел достаточно. Мерака выстрелила из нескольких стволов митральезы сразу, практически в упор. От головы черепа осталась одна челюсть. Кровь и кости разлетелись по сторонам и жуткой розово-серой бабочкой упали на дорогу.

– Я как чувствовала, что дело кончится слезами, – проговорила Мерака.

Глава 9

Кильон порылся в докторской сумке здоровой рукой, нащупал бутылочку дезинфицирующего раствора и протянул ее Мероке:

– Открой-ка.

– А «пожалуйста»?

– Просто открой эту... хрень!

– Ничего себе! – потрясенно воскликнула Мерока. –

У доктора, оказывается, нервы не железные.

Она отвинтила колпачок, вынула ватку и вернула пузырек Кильону. Недолго думая, тот полил пальцы раствором. Из ран до сих пор хлестала кровь, и дезинфицирующий раствор жег их, как жидкий огонь.

– Черт! – выругался Кильон, теперь злясь на боль, а не на Мероку.

Он снова полил раны раствором и на этот раз чуть не потерял сознание: химические зубы антисептика впились ему в плоть.

– Швы накладывать нужно? – спросила Мерока.

– Нет. – Кильон постарался ответить уверенно, хотя сам чуть не плакал. – Бинт мне отрежь. Он на дне сумки. Пожалуйста.

К чести Мероки, действовала она быстро и толково: подняла митральезу на плечи, отрезала кусок бинта

и разделила его пополам. Одной частью они с Кильоном перевязали ему большой палец, другой – указательный и средний, чтобы правая рука не стала бесполезной.

– Булавки в верхнем отсеке, – сообщил Кильон.

Мерока закрепила повязки, потом сделала нечто для Кильона совершенно неожиданное – чуть ли не по-матерински потрепала его по плечу.

– Прости за нравоучения. Кажется, я требую слишком много.

– Пожалуй, да.

– Ты поправишься?

– Надеюсь. В нашей ситуации не умереть от этой раны будет несказанным везением.

– Следи за рукой. Гады-черепа специально не избавляются от мертвечины, застрявшей в зубах. Мясо гниет, и они каждым куском отравляют людей.

– Почему-то прежде ты об этом не рассказывала.

– Ты же доктор. Я думала, ты понимаешь, что творишь. – Мерока достала из-под куртки пистолетик. – Вот, возьми. Похоже, ангельский пистолет выдохся окончательно, если, конечно, не засунуть его кому-то в пасть – пусть давятся.

– Спасибо! – Кильон неловко взял оружие перевязанной рукой.

Они двинулись дальше. Мерака на ходу перерезала митральезу. Впереди показалась горящая повозка; дерево и ткань ее оболочки огонь уничтожил полностью, осталась лишь просевшая металлическая рама, которая понемногу плавилась. Кильон понял, что это одна из клеток, которые они видели в проезжающем караване. Жар от других повозок стал почти невыносим, но Кильон заслонил лицо перевязанной рукой, ангельский пистолет положил в карман, чтобы нести сумку, и приблизился, насколько смог. Мерака опередила его лишь немного. Одной рукой девушка прикрывала лицо, другой – держала митральезу.

– Пленные выбрались, – прокричала она сквозь вой и шипение пламени. – Дверь открыта.

– Считаешь, их выпустили?

– Возможно, если кому-то удалось не потерять сознание.

– Ты ведь не черепов имеешь в виду?

– Нет, не их. Может, все просто не разбежались. Когда рискуешь сгореть заживо, на что только не решишься.

Кильон кивнул, хотя, увидев, как прочны клетки, засомневался, что пленным хватило силы, пусть даже подпитанной адреналином. Скорее всего, помощь пришла со стороны, от местных жителей, обозленных на черепов.

– Надеюсь, они все выбрались.

Мерока прошла чуть дальше, толкая митральезу перед собой, и объявила:

– Эти двое точно не выбрались.

Повозка, которую имела в виду Мерока, угодила в придорожную канаву довольно далеко от основной части горящего каравана, что до последнего времени спасало ее от огня. Сейчас пламя достигло задних колес – уже охватило спицы и лизало шасси. Еще немного – и запылает вся повозка, тогда и клетке в задней ее части несдобровать. Пока же алые языки не добрались до клетки, и два ее узника не погибли.

Молодая женщина и ребенок. Кильон узнал родимое пятно у нее на затылке, и тут пленница обернулась. Да, это ее он видел накануне: то же рваное платье без рукавов, то же сочетание худобы и с трудом обретенной силы, та же бритая голова. Пленница смотрела на Кильона и прижимала к себе ребенка – не то мальчика, не то девочку. Кильон ждал каких-то слов, криков о помощи, но она молчала: глубоко посаженные глаза выражали апатию, стиснутые зубы – безысходность, словно женщина давно смирилась с мыслью, что из клетки ей не выбраться. Даже малышка – Кильон решил, что это девочка, – смотрела вызывающе, будто внимательно наблюдая за матерью, научилась не только прятать слабость, но и делать это

так же демонстративно.

– Почему их никто не выпустил? – спросил Кильон, когда Мерака сбавила шаг, целясь из митральезы прямо в клетку.

– Я знаю почему, – заявила она, остановилась и посмотрела на Кильона.

– Скажешь мне?

Мерака подняла митральезу, целясь прямо в пленницу:

– Обернись!

Никакой реакции. Выражение лица женщины едва заметно изменилось: теперь на ее лице было написано надменное презрение.

– Я сказала, обернись, черт тебя дери! – Мерака слегка изменила прицел. – Шевелись, не то мелочь продырявлю!

Девочка не отреагировала на митральезу, нацеленную ей в голову. В чем тут дело – в глупости, невежестве или героическом мужестве?

– Палец от нетерпения дрожит, – не унималась Мерака.

Молодая пленница задумалась, потом медленно повернулась спиной к Кильону и Мераке. Теперь бритый затылок озаряли оранжевые всполохи пожара, и родимое пятно просматривалось куда лучше.

Только разве это родимое пятно? Ничего подобно-

го Кильон не видал. Слишком четкое, геометрически правильное – естественные такими не бывают. Это же татуировка или клеймо, знак принадлежности или верности. Пятиконечная звезда с точками по краям лучей.

– Она ведьма – вот что это значит, – пояснила Метрока.

– Ведьм нет, – возразил Кильон не так уверенно, как хотелось бы.

– Ну, ведьм, может, и нет. А тектоманты есть. Одна из них перед нами.

– Ты уверена?

– Я видела этих тварей, Мясник. У нее звезда, так что мерзавка – одна из них.

Кильон не знал, что думать. Пока он жил на Клинке, собственного мнения о тектомантах у него просто-напросто не было, – какая разница, существуют они или нет? Для него тектоманты были кем-то на грани мифа и реальности: одни считали их суеверием, другие – диковиной, страшной, редкой и непонятной. Поразмыслив, Кильон решил бы, что верит в них, хотя веру эту сильно ослабляли серьезные сомнения в их силе и возможностях. Неразумно считать тектомантов сказкой, выдуманной, чтобы пугать детей и суеверных: не позволяет огромное количество сведений. Впрочем, в тех сведениях их способности многократ-

но преувеличены, безбожно раздутые перепуганными свидетелями и возбужденными рассказчиками с чужих слов. Встречи с тектомантом Кильон не ждал. Вера в существование тектомантов и в их способности не отменяла их экзотичной редкости. По слухам, они рождались у обычных матерей, не отмеченных звездой с точками. Отдельные болезни проявляются, когда физиологически несовместимых людей угораздит встретиться и стать родителями, то есть причинный фактор скрыт в отце и матери; так и тектоманты, предположительно, рождаются благодаря генетическим особенностям, у предыдущих поколений не проявлявшихся. Однако тектомантия не болезнь. Тектоманты долго не живут, но отнюдь не из-за систематических проблем со здоровьем. Дело в обреченности на безвременную гибель. Тектомантов истребляют, зачастую сжигают на кострах и забрасывают камнями. Иными словами, их считают ведьмами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.